

Соесман Альберт

Двенадцать чувств

Содержание

Предисловие

Чувство осязания и чувство жизни

Чувство собственного движения и чувство равновесия

Чувство обоняния и чувство вкуса

Чувство зрения и чувство тепла

Чувство слуха

Чувство речи, чувство мысли и чувство Я

Заключение. Чувство Я и «историческая совесть»

Послесловие. Взгляд назад — размышления — антропософское движение

Примечания

Альберт Соесман родился в 1914 г. С 1943 по 1983 гг. работал врачом в Гааге. Тема двенадцати органов чувств в течение многих лет является основной в его курсах и докладах. В своей книге, являющейся введением в антропософское учение об органах чувств, Альберт Соесман ясно показывает насколько мало мы знаем о мире наших органов чувств. Эта книга может быть полезна для всех, кому интересна эта тема и, прежде всего, воспитателям, учителям, терапевтам, людям, связанным с искусством.

Сегодня люди говорят: истинным ученым является только тот, кто строго логически интерпретирует наблюдение и эксперимент, кто переходит от одной мысли к другой только при условии, что это допускается правильно разработанными методиками. Тот, кто этого не делает, не является ученым. Но, мои дорогие друзья, предположим, что мир был бы творцом, художником и пренебрегал бы нашими тщательно разработанными диалектическими и экспериментальными методиками; что сама природа работала бы под воздействием творческих импульсов. Тогда человеческая наука также должна стать творчеством, в противном случае она не сможет постичь природу! Но это не совпадает с точкой зрения современной науки. Ее точка зрения такова: имеет ли природа творческий или иллюзорный характер, это нам безразлично; мы приказываем, каким образом должно заниматься наукой. Какое нам дело до того, имеет ли природа творческий характер или нет? Нам нет до этого никакого дела, так как подобная точка зрения не совпадает с нашей.¹

Слова Рудольфа Штайнера, обращенные к молодому поколению

3 октября 1922 года

Опираясь на это высказывание Р. Штайнера, в нашей книге мы стремились к композиционно-феноменологическому, то есть научно-творческому способу рассмотрения.

Предисловие

В последние десятилетия я регулярно проводил семинары и читал лекции, посвященные учению Р. Штайнера об органах чувств. Часто после подобных лекций меня спрашивали, не хочу ли я все сказанное обобщить в виде книги. Совершенно очевидно, что хотя многие люди заинтересованы тем, что Р. Штайнер сообщил об органах чувств (в конечном итоге мы все в каждый момент времени имеем дело с нашими органами чувств!), но им сложно или же вовсе невозможно понять то, что можно найти по этой теме в записанных с его слов (стенографических) докладах. Дело осложняется еще и тем, что Рудольф Штайнер различал не пять общепринятых органов чувств, а двенадцать.

И все-таки на просьбу участников моих курсов и слушателей написать свою книгу об органах чувств я все время отвечал отказом. С одной стороны, это связано с моей основной профессией семейного врача, которая не позволяла мне выбрать время и спокойно изложить все на бумаге. С другой стороны, я гораздо сильнее связан с устным словом, чем с написанным. Читая лекцию, можно всегда ориентироваться на реакцию публики, на возникающие на лицах вопросы, зевание и т.д. При написании книги не знаешь, кто будет ее читать.

Просьбы о книге тем временем становились все настойчивее, так что после долгих колебаний я дал согласие на то, чтобы записать на пленку текст шестидневного семинара, отредактировать его и издать в виде книги, но при условии сохранения характера устной речи.

Я очень надеюсь, что читатель сможет почувствовать себя в роли слушателя, находящегося в зале. Многое из того, о чем я говорю, вы должны понимать образно. Я всегда пытаюсь вместе с моими слушателями постепенно создать общую картину. Это напоминает процесс лепки, в начале которого глина является бесформенной массой, в которую медленно, но настойчиво привносится форма. Но целостность формы, взаимосвязь отдельных частей, отношения между ними — все это становится видимым только тогда, когда скульптура закончена.

В курсе, на основании которого построена книга, я прежде всего хотел таким образом рассказать и разъяснить то, что излагал Рудольф Штайнер в своих сложных докладах об органах чувств от 23, 25 и 26 октября 1909 года в Берлине², чтобы этот материал стал доступен каждому. При этом я всегда пытался таким образом выбирать способ приближения к теме и свои примеры, чтобы те, кто не сталкивался с антропософией, смогли получить представление о духовной науке (этот курс следует рассматривать именно как вводный курс в антропософское учение о человеке!). Но я ориентировался и на то, чтобы курс был интересным и для тех, кто уже знаком с работами Рудольфа Штайнера.

Читатель увидит, что мне интересно выявить взаимосвязь между органами чувств и знаками Зодиака. Те, кто захочет более подробно заняться этой темой, могут, прежде всего, обратиться к докладам, которые Р. Штайнер прочитал в Берлине 20 июня и 18 июля 1916 года³.

Наконец, я хочу обратить ваше внимание на схему, которая находится в конце последнего доклада. Хотя из-за схем всегда существует опасность того, что изложенное в живых образах застынет, я все-таки посчитал правильным сохранить ее. Каждый, для кого это необходимо,

после прочтения данных шести докладов может с ее помощью увидеть перед собой в сжатом виде все описанные взаимосвязи.

Ко второму изданию

Теплый прием первого издания меня очень тронул. Воплотилась надежда, которую я втайне лелеял, что у читателя благодаря этой книге возникнет желание заняться собственными исследованиями, в одиночку или в группах. Я с благодарностью принял пожелания и замечания по поводу стилистических и других ошибок и учел их при подготовке второго издания. Я также благодарю всех тех, кто внимательно прочел эту книгу.

Пусть это новое издание послужит тому, чтобы к божественному творению относились все с большей любовью, которой оно так «страстно жаждет»⁴.

К третьему изданию

В конце курса лекций, который я читал, обязательно происходило обсуждение услышанного. Много из того, о чем говорилось на таких обсуждениях, я включил в книгу. Огромное спасибо моему другу Кийи уап Кепеззе, который с бесконечным терпением выступал в роли «публики» и помог сделать книгу более ясной для понимания. Мне также очень помогло то, что он умеет хорошо обращаться с компьютером.

В новом издании значительно расширено рассмотрение чувства тепла, а чувству Я посвящена отдельная глава. Взаимосвязь органов чувств со знаками Зодиака также разработана более детально.

Я надеюсь, что в этом издании присутствует гораздо меньше ошибок и неточностей. И, конечно же, я буду благодарен за ваши пожелания, касающиеся улучшения и дополнения этой книги.

Альберт Соеман Гаага, январь 1998 года

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО ОСЯЗАНИЯ И ЧУВСТВО ЖИЗНИ ЧАСТЬ 1

• 17 фев, 2010 в 9:16

Есть много путей, которые ведут к пониманию антропософии, и среди них мы должны найти свой собственный. Каждый делает это по-своему. Можно начать с общей антропософии, а затем обратиться к какому-то частному вопросу; но интересно, что можно начать и с частного, а затем прийти к общей антропософии (в такой степени, в которой это возможно сделать на протяжении нескольких лекций). Мы с вами выберем путь, ведущий не от общего к частному, а от частного к пониманию общего.

Нашим исходным пунктом будет учение Р. Штайнера об органах чувств. Однажды Рудольф Штайнер сказал, что учение об органах чувств представляет собой «первую главу» антропософии. Под этим он подразумевал, что оно «к нам ближе всего». Дело в том, что

органы чувств являются инструментами, с помощью которых мы встречаемся с миром. Поэтому важно узнать, что это за инструменты, как они функционируют, что они позволяют нам пережить, насколько на них вообще можно полагаться? От этого зависит очень многое, если не все. То, что это названо «первой главой» вовсе не означает, что речь идет о чем-то простом. Нет, здесь речь идет о двенадцатичастном. Речь идет не просто о сумме 12 частей, а о единстве, состоящем из двенадцати. В течение курса мы узнаем, что органы чувств нельзя воспринимать обособленно друг от друга, что они представляют собой целое, композицию. При этом я прошу вас об одном: о терпении. Необходимо иметь терпение для того, чтобы это целое вообще смогло проявиться.

Учение об органах чувств, которым мы будем заниматься, было создано Рудольфом Штайнером. Вы, наверное, знаете, что Рудольф Штайнер охотно говорил о духовном мире, тем самым вознося нас в высшие сферы. С другой стороны, невозможно представить себе более практичного человека, способного дать мудрый совет в повседневных делах. С этой точки зрения путь к антропософии через учение об органах чувств чрезвычайно удобен. Все, о чем я буду говорить, можно проверять на практике, поскольку речь будет идти о наших собственных органах чувств.

Антропософия дарит нам духовную науку, которая дополняет и углубляет естествознание. Поэтому я буду в большом количестве привлекать материал обычного естествознания, чтобы вы увидели, что многие загадки природы могут быть разрешены, если воспользоваться второй половиной — духовным знанием. При этом я буду рассказывать многое о том, что вы уже знаете, но, возможно, еще не рассматривали под таким углом зрения.

Вы знаете, что у нас есть несколько органов чувств. Я назову лишь некоторые из них: чувство зрения, чувство слуха, чувство осязания. Но гораздо менее известно то, что эти органы чувств связаны друг с другом. Рудольф Штайнер показывает, что они образуют совершенно новое, оригинальное, образуют Порядок, или, если мы воспользуемся термином Пифагора, Космос. И это удивительное целое мы будем постепенно постигать на протяжении наших шести встреч. Одно неразрывно связано с другим, а все органы вместе образуют величественную композицию. И только воспринимая эту композицию в целом, можно понять ее отдельные части. Собственно говоря, невозможно описывать один орган чувств, не зная одновременно всех остальных. И это действительно новый взгляд. Поэтому я не могу просто произвольно разбирать какой-то один, а потом другой орган чувств. Я должен учитывать весь этот космос.

Я начну с того, что представлю его вам. Мы начнем с хорошо известного чувства осязания. Затем мы рассмотрим нечто новое для вас: чувство жизни; следом — чувство собственного движения. Потом речь снова пойдет о знакомом: чувстве равновесия, чувствах, обоняния, вкуса и зрения. Затем следует чувство температуры или тепла. Далее — чувство слуха. И, наконец, мы перейдем к рассмотрению незнакомых вам органов чувств: чувства речи, чувства представления, или мысли, и в конце чувства Я.

Если вы считали, их двенадцать — это число является символом космоса. Когда вы освоите это «космическое понятие», вы поймете, что количество органов чувств у человека не случайно, их не могло быть немного больше или меньше.

Сегодня мы начнем с чувства осязания. Все мы можем что-то осязать, но в понимании этого чувства возникает большая сложность. Для того, чтобы понять один орган чувств, необходимо на нем сконцентрироваться. Но как я уже сказал, это невозможно, поскольку отдельный орган чувств можно понять только тогда, когда мы рассматриваем его вместе со всеми остальными. Вот пример: я ощупываю этот стол. Я чувствую, что он холодный. Однако, это не чувство осязания, а температурная чувствительность. Когда я осязаю, я определенным образом отталкиваюсь от предмета. Я изменяю свое равновесие. Благодаря усилиям, которые я прилагаю для того, чтобы изменить свое равновесие, осязание становится более отчетливым. Это означает, что я использую не только чувство осязания, но и чувство равновесия. Конечно, я могу провести рукой по поверхности стола и таким образом установить, шероховатый он или гладкий. Но в этом участвует также чувство собственного движения (наверное, это сложно сейчас понять, но мы к этому еще вернемся). Чувство собственного движения — это такой орган чувств, благодаря которому я замечаю, что двигаюсь. Таким образом, отдельный орган чувств никогда не действует сам по себе, ему необходима помощь остальных органов чувств. Но поскольку сейчас мы все-таки занимаемся одним из них, нам необходимо мысленно исключить из своего рассмотрения характеристики, получаемые в результате работы других органов чувств, и попытаться сконцентрироваться на том, в чем заключается тайна чувства осязания.

Представьте себе, что этот орган чувств функционирует совершенно самостоятельно. Что он нам передает? Что он нам раскрывает? Какие ворота души открываются с его помощью? В каком пространстве мы оказываемся, используя этот орган?

Чувство осязания не дает мне почувствовать, является ли что-то теплым или холодным, гладким или шероховатым. Я не чувствую, изменяется ли мое равновесие. Что же я чувствую, когда я лишь осязаю и ничего больше? Что остается во мне, что говорит мне чувство осязания? Давайте сделаем упражнение! Для этого необходимо выключить свет, поскольку обычно мы смотрим на то, что осязаем. Теперь мы должны попытаться в полной темноте стать существом, которое может только осязать. Не сердитесь на меня, но попытайтесь стать просто голым червяком. Представьте себе червяка не как образ, а червяка в полной темноте! Вы можете сделать это сегодня ночью без пижамы. Но в собственной комнате это довольно сложно, поскольку когда вы наткнетесь на стул, вы сразу же увидите этот стул перед собой как внутренний зрительный образ. Так что вы должны сегодня ночью перебраться в другую комнату. Только тогда вы сможете прочувствовать, как работает чувство осязания: в абсолютно незнакомом окружении, без возможности распознать или вспомнить. Вы попадете в совершенно иной мир, в котором вы ползаете абсолютно голым, первый раз в вашей жизни.

Что вы тогда ощутите? Это сложно описать словами. Но мы привязаны к мышлению, которое всегда использует слова. Какое бы ощущение в нас возникло, если бы мы впервые обнаружили у себя чувство осязания? Сопротивление? Да, мы бы действительно ощутили сопротивление, препятствие. Но «сопротивление» — это довольно сложное понятие.

Существует только одно слово (хотя в действительности оно выражает деятельность многих органов чувств), которое можно использовать для обозначения испытываемого ощущения, и это слово: «нечто». Представьте себе, что вы находитесь напротив камня и у вас нет никаких органов чувств. И вдруг у вас появляется осязание. Что вы ощутите? Сопротивление? Нет, до этого вы еще не доросли. Вы воспринимаете, вы чувствуете «нечто». Возникает что-то подобное началу «пробуждения». Я бы выразился следующим образом: когда мы осязаем, сопротивление приходит извне. Одновременно с этим и в человеческой душе происходит нечто: мы пробуждаемся. Пробуждение — это сложный процесс, благодаря которому мы становимся немного более осознанными (повторимся — каждое из этих слов имеет слишком много значений), происходит первое пробуждение к «чему-то». Мы пробуждаем человека с помощью чувства осязания: достаточно лишь легкого касания. Ведро холодной воды или громкий крик излишни.

Таким образом, вы почувствовали нечто очень странное. Вы на «что-то» наткнулись, но одновременно и это «что-то» наткнулось на вас. Это является особенностью чувства осязания — часть меня становится пробужденной благодаря другой части, части мира. Часть меня самого: я касаюсь чего-то пальцем, потом щекой, коленом и так далее. Так, постепенно, я осознаю собственную кожу.

Вы видите, что это «пробуждение» связано с одним определенным явлением, а именно с переживанием границ. Мы вдруг замечаем: граница сталкивается с границей. Таким образом, мы медленно, но неизбежно осознаем собственную ограниченность. Теперь вы должны представить, что это происходит очень постепенно. К сожалению, мы знаем слишком мало о том, как мы воспринимали мир, когда были совсем маленькими. Вы можете просто задаться теоретическим вопросом: «Знает ли младенец, где начинается колыбель и где заканчивается он сам? Знает ли он, где начинается его рука, а где одеяльце?» Интересно задать себе эти вопросы, поскольку благодаря им понимаешь, что младенец этого, естественно, не знает. Он должен медленно учиться, сто раз наталкиваясь на стенки кровати. И это обучение происходит благодаря чувству осязания, с помощью которого человек далеко продвигается в познании мира.

Многие животные к этому не способны. Возьмем, например, актинию, кишечнополостное животное с маленьким ртом и маленькими щупальцами, которые оно может втягивать. Очень интересно наблюдать за тем, что происходит, когда эти щупальца сталкиваются с большой рыбой. Полип пугается и втягивает свои щупальца, а после медленно их выпускает до тех пор, пока они не дотронутся, например, до какого-то камня. Тогда полип снова пугается и снова втягивает щупальца. И так будет продолжаться до тех пор, пока он не решится «доверять» этому камню. Червь никогда ничего подобного не сделает. Когда ему встречается камень, он не меняет своего поведения. Но если прикоснуться к нему пальцем, то он испугается. Червь более развит, и для него существует различие: что-то сталкивается с ним или он прикасается к чему-то. Вы чувствуете разницу? Когда маленький камешек попадает в червя, он пугается, но когда на его пути встречается камень, он спокойно продолжает двигаться. Этому полип никогда не научится. Ему всегда требуется время для того, чтобы понять, сталкивается ли он с чем-то или же что-то сталкивается с ним. Вы видите, что у полипа еще нет действительного

переживания границ собственной телесности по отношению к миру, а у червя уже есть. Таким образом, быть голым червем не означает находиться на самой низшей ступени развития!

Именно этот удивительный процесс вы должны себе драматическим образом представить: «Как я появляюсь на свет и как я понимаю, каковы мои размеры? Где мои границы?» Это очень мучительный процесс, который начинается с рождением и длится годами. Я не могу собственными глазами увидеть свою спину. Но чувство осязания дает возможность очень хорошо ее прочувствовать, когда я ею на что-то опираюсь.

Еще совсем недавно люди знали, насколько важно чувство осязания. Они с большой тщательностью относились к одеванию ребенка, и при этом их не заботило, выглядел ли ребенок в таком одеянии хорошеньким или нарядным. Например, раньше все грудные дети заворачивались в конверт, который был шит таким образом, что, когда ребенок полностью выпрямлял ножку, натягивались помочи на его плечах и это не позволяло ему просто так сучить ножками в пустоте. Это давало ребенку возможность замечательным образом развить чувство осязания с помощью ног. Возможно, вы спрашиваете себя: «Ну и что с того?» Но дело в том, что ножки, болтающиеся в пустоте, это примерно то же самое, что и взгляд в туман. Отсутствие четких контуров вызывает неуверенность.

Теперь, после того как мы рассмотрели вопрос в общем, мы можем понять и частное, маленькое, микроскопическое. Дело в том, что чувство осязания устроено довольно просто. На этом очень схематичном рисунке вы видите верхний слой кожи, собственно кожу или дерму, подкожную клетчатку, а также все кровеносные сосуды, потовые и сальные железы, волосы и так далее. Дерма пронизана нервными волокнами, которые заканчиваются в так называемых тактильных нервных тельцах.

1. Верхний слой кожи
2. Собственно кожа или дерма
3. Подкожная жировая клетчатка
4. Кровеносные сосуды
5. Потовые железы
6. Сальные железы
7. Волосы
8. Нервные волокна с тактильными нервными тельцами

Поперечный разрез кожи

Таким образом, орган осязания устроен не так, что он «из кожи вон лезет», ведь нет никаких обращенных наружу нервных волокон. Если бы орган осязания был устроен по-другому, то мы никогда не смогли бы пережить границу. Мы позже вернемся к этому вопросу, когда будем рассматривать обоняние. Чувство обоняния функционирует наоборот — когда мы обоняем, у нас никогда не возникает ощущения, что наша граница соприкасается с другой

границей. Но при осязании вы не оказываетесь в другом, внешнем, мире, вы остаетесь в вашем собственном мире. Таким образом, то, что передает чувство осязания, представляет собой ощущение границы. Удивительно, но чувство осязания ничего не сообщает нам о том, что находится вовне. Мы действительно переживаем «нечто», в нас возникает ощущение, что другой мир есть, и мы начинаем осознавать его присутствие. Но сами мы с помощью чувства осязания никогда не попадаем в этот мир. Иными словами, внешнее используется для того, чтобы мы осознали нас самих, причем телесным образом. Вы начинаете воспринимать себя в определенных границах. С помощью чувства осязания маленький ребенок отграничивается от столь присущего ему чувства полного слияния с космосом, для того чтобы постепенно осознать свою телесность в определенной точке земного шара. То, что вы сейчас находитесь здесь, то, что вы осознаете, что вы находитесь здесь, происходит благодаря чувству осязания.

Таким образом, нам открылся смысл этого органа восприятия: если бы у нас его не было, мы все были бы одним целым, мы бы растворились, как капли в море. Даже если бы у нас была такая же толстая кожа, как у слона, мы бы все равно ощущали себя как капля в океане, если бы у нас не было чувства осязания. Наверное, это чудесное ощущение, но мы в любом случае не смогли бы его пережить, так как для наличия сознания необходимы две вещи. Я сейчас это объясню с помощью рисунка.

Представьте себе, что вы полностью едины с космосом. Тогда вы будете просто спать, вы не сможете осознавать этот космос. Теперь представьте, что вы по каким-то таинственным причинам полностью выпали из этого космоса: тогда вы также не будете ничего осознавать. Вы будете просто неким потерянным объектом, не имеющим сознания. Сознание у вас появляется только тогда, когда вы покидаете космос и потом сразу же встаете перед ним, как это схематичным образом показано на рисунке: сначала вы выходите из космоса и отдаляетесь (стрелка а), а затем снова возвращаетесь (стрелка б). И если космос к тому времени уже закрылся и не пускает вас обратно внутрь, тогда вы осознаете самого себя.

Мы описали известный сюжет: сначала мы были едины с космосом, потом мы отделились от него, и все человеческие стремления суть лишь попытка снова вернуться в дом, из которого нас изгнали. Но дверь в этот дом заперта, и каждое осязательное ощущение есть ни что иное, как стук в запертую дверь дома, из которого нас изгнали. Но в этом нет ничего трагического, поскольку именно благодаря тому, что нас выбросили из дома, у нас появилось самосознание.

У чувства осязания есть вполне определенная задача: мы были изгнаны из божественного Космоса, и у нас сразу же возникло желание туда вернуться. Поэтому в нас постоянно присутствует насущная потребность ощупывания вещей. Но при этом чувство осязания используется двумя совершенно разными способами. Первый способ очевиден — с его помощью мы ощущаем соринку в глазу, песчинку, рыбью кость во рту. Только тогда у нас появляется уверенность. Например, мы обращаемся именно к этому способу, когда говорим, что нечто определенное «можно потрогать руками».

Но мы можем пользоваться чувством осязания и совершенно по-другому. Не для того, чтобы выяснить, присутствует ли что-то в действительности, а для того, чтобы выразить близость, интимность. Например, когда к вам подходит маленький ребенок, практически

невозможно удержаться, чтобы не погладить его по голове. Возникает действительная потребность погладить его волосы; и вы пользуетесь чувством осязания таким, совершенно интимным образом. Это очень характерно для чувства осязания: мы используем его попеременно то совершенно объективно, то чисто субъективно, внутренне. Нельзя смешивать одно с другим. Если врач, обследуя пациента, не разграничивает эти два способа, его обследование становится сомнительным.

Парадоксальность чувства осязания заключается в том, что вы, с одной стороны, чувствуете, что кусок дерева — это твердая вещь, а с другой стороны, вы можете почувствовать, что это замечательный кусок дерева. Вы можете ощутить: как здорово, какое замечательное ощущение возникает, когда поглаживаешь его рукой. Чувство осязания включает в себе глубочайшую тоску человека, поскольку глубоко внутри он знает, что чувство осязания ограждает его от чего-то, отделяет его от чего-то, с чем он все-таки родственно связан. Мы не полностью отделены от космоса. Если бы это было так, в нас не было бы страстного желания вернуться. Но из-за того, что мы постоянно сталкиваемся с космосом, все время с ним взаимодействуем, в нас сохраняется желание воссоединиться с тем миром, с которым мы когда-то были связаны. Таким образом, чувство осязания образует границу, которая отделяет нас от вещей. Мы выпали из целого, и одновременно с этим мы непосредственно граничим с этим целым.

Намного лучше, чем я смог вам это объяснить, выразил эту мысль Новалис в своих Фрагментах: «Прикосновение есть разделение и соединение одновременно». Это глубочайшая тайна космоса. Вся наша эволюция пронизана отделением от целого, но одновременно с этим в человеке сохраняется ощущение, что он все-таки связан с целым. Поэтому не случайно, что чувство осязания более всего выражено в кончиках пальцев. То, что мы можем ощупать самих себя кончиками пальцев — очень странно. Вы скажете: «Да, но глазами мы тоже можем это сделать!» Но глазами вы можете осмотреть лишь часть себя. С помощью чувства осязания вы можете ощупать себя целиком и полностью. Это также является тайной чувства осязания: вы можете извне с его помощью прийти к заключению, что вы являетесь законченным целым. Подобно тому, как вы можете обойти вокруг всего земного шара, вы можете с помощью чувства осязания ощупать всего себя. Новорожденный этого не может. Ребенку должно исполниться по меньшей мере 2—3 года, прежде чем ему это удастся. Лишь тогда, когда ребенок начинает говорить о себе «я», его ручки вырастают настолько, что он может полностью себя ощупать.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО ОСЯЗАНИЯ И ЧУВСТВО ЖИЗНИ ЧАСТЬ 2

• 18 фев, 2010 в 9:38

Вы все наверняка знаете, что чувство осязания играет важнейшую роль при воспитании ребенка. Дело в том, что ребенок из того «райского» состояния, в котором он находился,

может прийти в соприкосновение с миром совершенно по-разному. Простой пример: для ребенка имеет огромное значение, сосет ли он грудь матери или бутылочку. Каждому понятно, что это большая разница. Вы также наверное слышали о детях, у которых полностью ослаблены защитные силы. Они должны находиться в стерильных камерах, их не берут на руки и не гладят. Сложно предсказать, каким образом скажется это на детях, которые в результате такого трагического стечения обстоятельств оказались вне мира. И как замечательно, когда мать, отец или какой-нибудь другой человек ласкает или гладит ребенка; это помогает ребенку уйти из рая, не теряя страстного стремления туда вернуться. Люди всегда знали, что с малышом надо играть, щекоча и теребя его: «Идет коза рогатая...», «Придет серенький волчок...» Это очень глубокая игра, так как с ее помощью ребенка постепенно отделяют от райского мира. Может показаться странным, но маленький человечек не воспринимает щекотание как таковое. Прежде чем материнская рука сможет его действительно пощекотать, он должен стать старше, он должен уже несколько отделиться от рая. И все-таки это очень приятное для ребенка ощущение.

Вы никогда не можете пощекотать себя самого. Было бы, конечно, замечательно, когда вы расстроены, взять и пощекотать себя под мышками. К сожалению, это не работает!

Все эти простые и повседневные вещи имеют очень глубокое обоснование, и в этом и состоит особенность антропософии. В антропософии речь идет не о том, чтобы мы вознеслись в высшие сферы. Эти высшие сферы находятся вокруг нас. Можно долго размышлять, почему же мы не можем щекотать сами себя. Дело в том, что щекотать нас может только нечто чужое, и это имеет огромное значение. Вы не являетесь по отношению к самому себе настолько чужим, как другой человек, именно об этом идет речь. И все это связано с нашим чувством осязания. Подумайте о той разнице в ощущениях, с которой сталкивается ребенок, играющий с хорошими игрушками из дерева и куклами из шелка, а потом берущий в руки игрушки из пластмассы. Качество чувства осязания развивается совсем по-иному у того ребенка, который растет в окружении естественных материалов, чем у того, который играет с пластмассой.

Таким образом, мы снова сталкиваемся с парадоксом чувства осязания. Оно насильно в течение нескольких лет выталкивает нас из мира, и мы с неизбежностью оказываемся противопоставленными ему. Одновременно с этим в нас остается внутреннее стремление к объединению с миром. Но, ощупывая, мы все время испытываем разочарование: нам никогда не удастся проникнуть внутрь. Именно благодаря чувству осязания мир становится для нас загадкой. Например, вы видите камень и ощупываете его; в вас возникает чувство удивления и восхищения, когда вы его трогаете. Ваша рука покоится на камне, и вы замечаете: у меня в руках кусочек мира, но от этого загадка только становится еще более таинственной. У меня в руках аметист, я чувствую, что это аметист, я очень близок к нему, но чем ближе я к нему, тем дальше я от него отдаляюсь.

Рудольф Штайнер сказал, что без чувства осязания у человека никогда бы не развилось осознание божественного! Без него мы никогда бы не стали религиозными людьми. Когда мы ощупываем нечто, в нас сразу же возникает магическое чувство: это тот мир, с которым я

распрощался и который непостижим. Мы называем это метафизикой. Именно через то, что кажется абсолютно физическим, через физический орган чувств, мы ощущаем метафизическое, трансцендентальное. Твердое сталкивается с твердым: мы так близки к этому и так бесконечно от этого далеки. Телесная оболочка дает нам возможность приобрести осознание божественного. В противном случае мы бы никогда его не приобрели. Мы еще много раз обратимся к следующей мысли: все органы чувств являются великими учителями человека, если он способен у них учиться. Можно много рассуждать по поводу того, как возникает Бог, является ли он фантазией или же фрейдовским архетипом отца. Но если вы займетесь изучением чувства осязания, то у вас появится внутреннее ощущение, что посредством этого чувства человек, когда он научается думать, приходит к пониманию божественного мира.

В этом и состоит особенность чувства осязания: вы совсем близки к этому, вы держите это в своих руках — и все-таки вы удалены от этого на сотни световых лет! Вы ощущаете величие этого мира благодаря своему маленькому микрокосмосу, который вы можете ощупать собственными руками. И все-таки даже ваша собственная телесность остается для вас вечной загадкой. Эта таинственность присуща всему, что вы познаете на уровне осязания.

Можно задаться вопросом: который из апостолов — Фома или Иоанн — глубже связан с сущностью Христа? Один из них возлежал у Христа на груди, другой хотел вложить персты в его раны, поскольку сомневался. Неизвестно, вложил ли Фома свои персты в раны Христа. Но разве он мог с помощью осязания приблизиться к более глубокому пониманию?

Таким образом, чувство осязания является для людей великим учителем того факта, что мы отделены от Космоса. То есть речь идет о том, чтобы внутренне осознать процесс, который нам раскрывает чувство осязания.

Теперь я хотел бы перейти ко второму органу чувств. Это понятие может вам показаться несколько странным: чувство жизни⁵. Я процитирую Рудольфа Штайнера: «...практически нигде в рассматриваемых душевной жизни внешними науками вы не найдете упоминания о чувстве жизни. Обычно речь идет только о пяти чувствах, о чувствах дня, бодрствующего сознания. Но мы не будем на этом останавливаться. Чувство жизни — это такое чувство, с помощью которого мы переживаем жизнь внутри нас, но в основном только тогда, когда она нарушается, когда мы заболеваем, когда нам неприятно или больно в каком-то месте; тогда проявляется чувство жизни и показывает нам: это или то болит. Когда жизнь протекает здоровым образом, это чувство находится в подсознании, подобно тому, как свет отсутствует, когда Солнце стоит в Скорпионе, или вообще в ночных созвездиях».

У всех людей чувство жизни развито очень по-разному. Это хорошо известно врачу. Я всегда привожу очень яркие примеры, как вы уже заметили. Есть люди, которые приходят ко мне и говорят: «Доктор, я себя плохо чувствую!» Это, разумеется, неудивительно для меня, поэтому я спрашиваю: «Да, и что же с вами?» А мне отвечают: «Ну, я плохо себя чувствую!» Тогда я снова спрашиваю: «Что вы имеете в виду?» И пациент говорит: «Понимаете, я чувствую себя отвратительно!» — «В каком смысле?» — «Я чувствую, что я заболел!» И как врачу мне приходится бесконечно расспрашивать. Человек не осознает, в чем его проблема.

Приходится самым тщательным образом его обследовать, пока он вдруг не скажет: «Да, вот здесь!» И тогда я, конечно, очень горжусь, что мне удалось обнаружить источник боли.

Есть и совершенно другие пациенты. Они приходят и говорят, указывая себе на сердце: «Вот здесь мне больно. Эта боль медленно распространяется, но только влево, потом она немного отходит вправо, потом она становится немного теплее, и чувство такое, как будто из нее растет три веточки». Подобные пациенты могут описывать свои страдания бесконечно. Я мог бы написать целые тома по поводу того, что переживают пациенты с помощью чувства жизни. И это вовсе не шутки — очень интересно узнать, что у одного перед глазами возникает картина, а другой не видит ничего. Чувство жизни действительно является органом, с которым один человек может быть связан намного сильнее, чем другой. У некоторых он может быть более развит, у других менее.

По всей видимости, у каждого человека есть орган чувств, который охватывает все тело. По-научному это называется симпатическими и парасимпатическими нервами. Все в нас пронизано маленькими нервами, которые позволяют человеку воспринимать свою конституцию: это и есть чувство жизни. С помощью этого органа чувств мы замечаем, что мы голодны или хотим пить. Действительно, как мы узнаем, что мы должны поесть, почему нам становится ясно, что наше тело требует еды или воды? Благодаря чувству жизни. Можно называть это чувством состояния, слово не столь важно, необходимо, чтобы вы понимали, о чем идет речь.

Давайте зададимся вопросом: с чем мы имеем дело, когда оказывается задействовано чувство жизни? При возникновении голода или жажды мы можем это ощутить. Да, нам пришлось бы очень туго, если бы мы этого не замечали! Представьте себе, что вы должны каждый раз смотреть на часы, чтобы определить, что вам пора поесть или выпить глоток воды! Это было бы очень странно. Но на самом деле все намного серьезнее. Вы, конечно, понимаете, что без чувства жизни мы бы не испытывали также и никакой боли. Таким образом, мы обращаемся к болезненной стороне чувства жизни, а именно к самой боли. Боль в действительности является ни чем иным, как крайним проявлением чувства жизни. В нашей культуре делают все для того, чтобы избавиться от боли, поскольку боль, естественно, очень неприятна. Но все-таки неплохо было бы задуматься над тем, каково значение боли. Это становится очевидным лишь тогда, когда мы вдруг осознаем, к чему приводит ее отсутствие.

Некоторое время назад, в 60-х гг. XX века, была опубликована очень интересная статья. Речь шла об одном мальчике из Америки, чьи родители ненадолго вышли из дому, оставив его одного. Когда они вернулись, они увидели, что их сынишка зажег свечу и играл в пламени своими пальчиками. Ему это очень нравилось, потому что его пальцы восхитительно пахли и потрескивали в пламени свечи. Вы, конечно, понимаете, что родители отнеслись к этому несколько иначе, чем их малыш.

Здесь мы имеем дело с редчайшим случаем: у ребенка по какой-то загадочной причине отсутствовало чувство боли. То, что произошло с ребенком, конечно, ужасно, и все же очень поучительно. Что же это означает? За таким ребенком необходимо постоянно следить. Когда

за ним не смотрит мать, должен присматривать отец или кто-то другой. Необходимо постоянное наблюдение, поскольку у ребенка нет собственной системы предупреждения. То есть другие люди должны взять на себя те функции, которые обычно выполняет чувство жизни. На этом примере нам становится ясно, что чувство жизни представляет собой систему предупреждения.

Вы видите, что иметь чувство жизни очень полезно. Благодаря ему все, что происходит с нашим телом, постоянно находится под контролем. Мы также получаем предупреждение в том случае, когда нечто является слишком кислым, слишком жирным или излишним. Часто мы замечаем это слишком поздно, но в любом случае, сообщение доходит до нас. Так что вы, съев десять блинчиков с мясом, не скажете «мой желудок доставляет мне много хлопот», а скорее наоборот — «моему бедному желудку придется несладко». Вы осознаете, что ответственность лежит на вас. На этом основано любое «изменение образа мыслей». Интересно, что без чувства жизни мы бы никогда до этого не дошли. Чем был бы человек, если бы он не испытывал боли? По этому поводу Новалис также выразился очень красиво: «Следовало бы гордиться болью — каждое ощущение боли представляет собой напоминание о нашем высоком предназначении». Вы видите, Новалис по-другому относился к боли, чем это принято в нашем современном обществе, несмотря на то, что он очень много страдал и умер молодым.

Надеюсь, у вас возникло новое отношение к проблеме боли после того, как мы немного поговорили о чувстве жизни. Что же такое боль, зачем она нам? Мы уже сказали: боль — это предупреждение. Но откуда приходит это предупреждение? Это тот вопрос, который мы должны себе задать. Боль предупреждает нас о том, что что-то не в порядке. При этом предупреждение должно исходить из той области, где хорошо известно, что такое «полный порядок». Вы можете о чем-то предупредить только в том случае, если вы знаете, как это должно быть. В некоторых случаях сделать это довольно просто, но где находится та инстанция, которая знает, каким образом все должно функционировать в нашем теле? Подобные предупреждения должны исходить из области высшего порядка.

Рудольф Штайнер дал имена тем силам, тем существам, которые знают тайну нашей телесности. И эти существа, конечно, гораздо более могущественны, чем мы. Ибо что мы понимаем в нашем теле? Любой приличный профессор, хорошо разбирающийся в анатомии и физиологии, согласится с тем, что мы ничего не понимаем в собственном организме. Вы можете прочесть в газетах, что мы практически не продвинулись в решении проблемы карцином, мы даже по-настоящему и не знаем, что такое рак. В действительности, мы можем только регистрировать: если произойдет это, то тогда, скорее всего, непосредственно за этим произойдет следующее. Но — почему все происходит именно так? Это великая тайна. Раньше говорили, что тело человека — высшее из всего, что есть в этом мире, в Космосе; что это храм духа. И та инстанция, которая, грубо говоря, обладает полным знанием о теле, называется в антропософии в противоположность человеку физическому духочеловеком. Это просто понятие, указывающее на то, откуда приходит сила, способная предупредить нас всех. Давайте снова вспомним о замечательном высказывании Новалиса, который говорит о нашем высоком происхождении.

Не всякая боль носит предупреждающий характер. Рождение ребенка является для женщины очень болезненным переживанием. Но здесь боль является скорее исключением, поскольку рождение все же представляет собой здоровый процесс. Этой исключительной ситуации мы обязаны Господу Богу, который при изгнании людей из рая произнес: «В муках будешь рожать детей своих» (1 кн. Моисея 3,16). К счастью, когда все заканчивается, боль забывается, а радость остается. Рождение связано с болью и муками и действительно милосердно, что радость после этого уравнивает боль. Анестезия во время родов лишает женщину величайшей радости, которая только возможна на Земле.

Очень редко женщина рождает без болей; эта особенность даже передается по наследству. Тогда врач чувствует себя абсолютно беспомощным. Ты ничего не можешь сделать как человек — ни проявить сочувствие, ни ободрить, вообще ничего.

Снова возвращаясь к «нормальному» опыту боли: человек никогда бы не смог развиваться, если бы у него не было ощущения боли. Дело в том, что боль пронизывает все слои души. Мы узнаем мир именно с помощью этой боли. Мы не зря говорим: «За одного битого двух небитых дают», и мы часто наблюдаем, как ребенок падает, чтобы снова мужественно встать и идти дальше. Представьте себе, что было бы, если бы вы никогда не падали. Боль, следующая за падением с лестницы, учит нас правильно подниматься, учит нас держаться на некотором расстоянии от опасных вещей. Боль удивительным образом помогает нам ориентироваться в жизни. Это высший духочеловек заботится на телесном уровне о том, чтобы мы были предупреждены. Мы всем обязаны нашей слабой и сильной боли. Просто невообразимо, как быстро маленький ребенок всему учится. Он плачет, когда разбивает коленки, но если он хочет и дальше играть в футбол, тогда он встает и играет; теперь он, возможно, будет немного более внимательным. Насколько немного — зависит от внутренней зрелости. Одному человеку для этого требуется гораздо больше времени, чем другому. Но как бы то ни было, мы всегда можем научиться чему-то от боли и прийти к осознанию чего-то благодаря ей.

В последнее время усиливается противоположная тенденция — ограждать детей от физической усталости. Им теперь нельзя далеко ездить на велосипеде, поэтому они едут в школу на автобусе или их привозят на машине. Когда дует сильный ветер или идет дождь, мы также хотим их защитить. Однако для ребенка нет ничего лучше, чем ощущение физической усталости. Конечно, дети устанут, если после многочасового пассивного поведения они полтора часа побегают за мячом. Многие взрослые поступают так же: после целой недели сидения за столом, в машине или перед телевизором они рассчитывают за воскресенье натренироваться за всю неделю. Эта практика имеет мало общего со здоровой сменой физического напряжения и расслабления. Мы все реже и реже испытываем усталость, которая благотворным образом отражается на развитии чувства жизни. В основном мы, а также, к сожалению, и наши дети, знакомы с другим видом усталости, а именно — усталости от скуки или же усталости от слишком большого количества впечатлений. Как себя чувствуют дети, которые каждое утро вместо того, чтобы ехать в школу на велосипеде, доезжают туда на машине? Они только утомляются от всего, что мельком видят из окна мчащегося автомобиля. Я знаю одного учителя, который сначала заставляет своих детей поделаться что-то физически, а уже потом начинает преподавать школьный материал — например, он заставляет детей

громко читать стихи, сопровождая это топанием ног и хлопанием в ладоши, потому что в противном случае он просто не сможет донести то, чему они должны научиться. Это также связано с чувством жизни. Речь идет не о том, чтобы дети расслаблялись, а о том, чтобы они правильным и здоровым образом уставали. Рудольф Штайнер никогда не давал расслабляющих упражнений.

Можно пойти еще дальше и задаться вопросом, можем ли мы вообще чему-либо научиться без чувства жизни, то есть без боли и усталости. Одно мы знаем точно: если бы мы не испытывали никакой боли, мы бы не делали ничего, абсолютно ничего. Дело в том, что обучение как таковое предполагает боль. Я вижу вас сейчас, сидящих здесь и с мучительным напряжением на лицах слушающих меня, и я вам за это бесконечно признателен, поскольку вы ничему бы не могли у меня научиться, если бы вы не испытывали при этом никаких неприятных ощущений. Вы должны напрягаться. Вы постоянно убиваете что-то в себе. И вы знаете, что даже в школе нельзя ничему научиться без напряжения, с которым приходится воспринимать то, о чем говорит преподаватель. Благодаря пустой болтовне и так называемой свободе вы ничему не научитесь. Задумайтесь: почему в наше время у нас так много обезболивающих средств? Нет ли тут глубокой взаимосвязи между всеми обезболивающими средствами и так называемой свободой человека? Мы хотим воспитания без боли. Когда ребенок спрашивает, ему сразу же надо давать ответ. Не дай Бог, если ему придется потомиться в ожидании! И если он хочет чего-нибудь сладенького, то ему надо сразу же дать это, иначе ему будет обидно и больно. Это же бесчеловечно!

Вы должны однажды сесть и продумать до конца, что значит воспитание ребенка без боли: вам придется использовать обезболивающие! Задумайтесь над тем, как часто детям рассказывают сказки! И как часто эти сказки исправляются? Разве это не ужасно, если ребенку страшно? Злой волк, он же преступник? И то, что приходится разрезать волку живот, отвратительно и ужасно. А ребенок не должен испытывать никакого страха, никакой боли, поэтому все необходимо обернуть ватой. В тот момент, когда подросток должен выбирать свой собственный путь, происходит перекоп в другую сторону. Дело в том, что человек стремится к переживанию противоположного. Удивительно то, что все хорошие народные сказки построены на чувстве жизни, на конституции ребенка. В каждой хорошей сказке присутствует удивительное равновесие между горем и радостью; в сказке всегда имеется апофеоз. Все ужасные и полные напряжения моменты полны смысла, даже если при этом происходят жестокие события. Злая мачеха должна быть расплющена огромным жерновом. Это же замечательно! А как иначе победить зло? При этом, конечно, недопустимо все понимать буквально, ведь в сказках мы имеем дело с образами. Поэтому ребенок никогда не представляет себе жернов. Тот, кто утверждает противоположное, заблуждается. Ребенок получает удовольствие от сказки благодаря своим жизненным силам, своей конституции. И поэтому должно быть соблюдено равновесие между негативным и позитивным. Сказка построена гармонично: в конце всегда происходит выдох. Чтобы помочь ребенку справиться со страхами и напряжением, следует рассказывать сказку без вариаций, всегда одними и теми же словами. Даже если взрослому они могут показаться грубыми, для маленького ребенка грубого не существует. Подобно тому, как ребенок должен испытывать голод и жажду, он должен пройти через голод и жажду сказок.

Уже довольно рано ребенок вступает во взаимодействие с чувством жизни. К сожалению, все меньше матерей интуитивно знают, что младенцу нужно покричать. Я всегда очень пугаюсь, когда мать говорит: «У нас такой замечательный ребенок, он никогда не плачет!» Во мне сразу же пробуждаются самые мрачные подозрения: с этим ребенком что-то не так. Конечно, плач — это очень грустно, но одновременно мы чувствуем, что он нормален. Это можно заметить по удовлетворенному чмоканию, которое следует за плачем. То есть благодаря боли человек учится сдерживаться. Он научается тому, что вполне может еще немножко подождать. Должен ли он прямо сейчас идти к столу, или же он может еще потерпеть? Может ли он произнести короткое изречение или молитву, или же он должен немедленно начать «лопать»?

Эти вещи имеют очень далеко идущие последствия. Чувство жизни приходит из тех же сфер, из которых приходят сказки. А сказки приходят из таких высоких сфер, в которых речь вообще не идет об истинном и неистинном. Этих понятий нет у маленького ребенка. Что такое ложь для ребенка? Она возникает гораздо позже. «Нужно всегда говорить ребенку только правду», заявляют многие родители. «Никакие аисты детей не приносят!» И дети должны прикладывать ухо к маминому животу, ведь именно там находится ребенок. Почему же это аиста нет, хотел бы я знать? Видите ли, я немного занимался родами в течение своей жизни. Но я еще ни разу не видел, чтобы ребенок выходил из тела матери. Ребенок никогда не выходит из матери. Его тело — да, конечно, в этом я не сомневаюсь. Но кто из вас верит в то, что он сам вышел из матери? В подобное безумие не верит никто! Ребенок приходит не из тела, как раз наоборот, он должен войти в тело. Так откуда приходит ребенок? На этот вопрос всегда отвечали так: «От ангела, от высшего существа». Ребенку, конечно нельзя сказать «от высшего существа», но когда у нас еще водились аисты, можно было показать пальцем на аиста и сказать: «Ты пришел во-о-он оттуда!» Мы забыли об этом, нам приходится уезжать довольно далеко, чтобы увидеть аиста, но когда мы их видим, становится понятно, что это на самом деле ангелы, которые, раскинув крылья, парят высоко в небе над городами и долинами. Это невероятное, сильнейшее впечатление. Возможно, теперь вы понимаете, что легенда об аисте вовсе не так уж глупа.

Вы замечаете, у нас нет практически никакого понятия об этих жизненных законах, мы больше не понимаем сущности жизни. И огромная заслуга чувства жизни заключается в том, что оно обращает наше внимание на высшие сферы. Я уже говорил о том, что с помощью чувства осязания мы покинули божественный мир, сохранив воспоминания и тоску по воссоединению с ним. Чувство жизни, которое в конечном итоге учит нас боли, дает ключ к тем вратам нашей души, за которыми живет наше высшее существо. Вы сможете многое понять о нашем бессовестном времени, если будете знать, что многие проблемы возникают именно из-за того, что люди хотят сделать всё однородным, искоренить страдания на Земле и тому подобное. Естественно, из-за этого возникают лишь новые виды страданий. Можно, конечно, наглухо закрыть котел, который находится под давлением, но пар так или иначе все равно найдет себе путь наружу.

Здесь мы снова возвращаемся к проблеме обезболивания. Отсутствие боли — это тоже вид боли. Люди, которые испытывают нормальную боль повседневной жизни, выдерживают

также и боль судьбы. Если же человек пытается всеми правдами и неправдами избежать боли судьбы, боль приходит к нему другими, темными путями. Тогда он хватается за всевозможные обезболивающие.

В нашей культуре идет большая борьба за совесть. Удастся ли нам в наше драматическое время пробудить нашу совесть? Дело в том, что боль пронизывает всю природу. Апостол Павел сказал: «Природа также страстно жаждет освобождения»⁴. Мы же не особенно склонны освобождать природу! Насколько это важно, мы осознаем только тогда, когда какая-нибудь ужасная катастрофа снова ударяет по людям. Человек погибает, когда он не следит за собой, когда он неправильно обращается с собственным телом, и подобным же образом сейчас погибает весь макрокосмос, поскольку человек бессовестным образом с ним обращается.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ И ЧУВСТВО РАВНОВЕСИЯ ЧАСТЬ 1

• 19 фев, 2010 в 13:09

Чувство собственного движения и чувство равновесия

Тот, кто цель не знает, Не найдет свой путь, И всю жизнь стеною, Будет спину гнуть...

Кристиан Моргенштерн

В прошлый раз мы говорили о чувстве осязания. Мы увидели, что с помощью чувства осязания мы никогда не сможем оказаться во внешнем мире, а всегда ощущаем только свою собственную телесность. Совсем противоположным образом дело обстоит, например, с глазом. Когда вы что-то рассматриваете, вы совсем не обращаете внимания на ваши глаза. Когда вы смотрите, у вас никогда не возникает чувства: «Тут нечто воздействует на мой глаз!», что очень характерно для чувства осязания. Зато когда вы ощупываете, вы действительно полностью привязаны к вашей телесности. Я попытался обратить ваше внимание на то, что мы постепенно, с детских лет, даже с колыбели, учимся отделяться от первоначального единства, в котором мы первоначально находились; так мы постепенно отграничиваем нашу телесность. Удивительно, что чувство осязания настолько парадоксально: глубоко внутри мы никогда не забываем о том, что когда-то мы были тесно связаны с этим миром, и в глубинах чувства осязания все еще живет тоска по новому воссоединению с этим первоначальным миром (ге-Цдаге по-латыни означает вновь соединиться; от этого возникло слово религия). Отсюда в нас потребность выражать нечто интимное с помощью прикосновения. Мы все еще надеемся на то, что с помощью чувства осязания мы окажемся в этом мире, но вместо этого мы постоянно наталкиваемся на стену. Мы, как вы уже знаете, никогда не попадаем внутрь. То, что мы кого-то гладим или ласкаем, — это иллюзия. Благодаря страстной тоске, которая

лежит в основе чувства осязания, благодаря этой древней тоске у взрослого человека возникает ощущение того, что божественный мир существует. Ограниченность свойственна только физическому телу, а наша сущность, наше внутреннее пространство, напротив, абсолютно безграничны. Это ощущение зарождается в нас только благодаря чувству осязания. Другими словами: если бы мы не ощущали границ собственного тела, в нас бы никогда не возникло стремление к божественному. Итак, с помощью чувства осязания мы воспринимаем не внешний мир, а нашу собственную телесность.

Совершенно по-другому дело обстоит с чувством жизни. Это тот орган чувств, с помощью которого мы воспринимаем свое собственное состояние и начинаем осознавать наши жизненные процессы. Благодаря чувству жизни мы замечаем, хорошо или плохо мы себя чувствуем, устали ли мы или близки к тому, чтобы заболеть. Все эти наблюдения являются восприятием наших жизненных процессов, которые мы можем назвать абстрактным словом «конституция». В антропософии вместо этого абстрактного слова «конституция» говорят о едином комплексе жизненных процессов, который мы — вслед за греками — можем назвать эфирным телом. Рудольф Штайнер также называл его «телом образующих сил», строителем нашего облика. В человеке происходят тонкие эфирные процессы, которые мы воспринимаем с помощью чувства жизни. Точнее говоря, мы воспринимаем не сами процессы, а их течение. Поэтому врач должен быть чрезвычайно благодарен этому органу восприятия — ведь лишь благодаря сигналам, которые подает чувство жизни, человеку приходит в голову обратиться к врачу.

Итак, с помощью чувства жизни мы воспринимаем свое эфирное тело. Мы увидели, что крайним проявлением этого чувства является боль. Мы много говорили о боли, о том, что она в определенном смысле полезна, и что там, где пытаются избежать боли, заглушить ее с помощью обезболивающих, теряется нечто очень важное, а именно сострадание. Вы никогда не почувствуете сострадание к другому человеку, если вы сами никогда не страдали, вы просто не сможете. Поэтому каждый ребенок должен хоть раз упасть с лестницы, должен порой возвращаться домой поцарапанным и в синяках. Глубоко в душе мы знаем: если бы мы не учились страдать и переносить страдания, мы никогда бы не смогли помочь другому человеку.

Мы, взрослые, постоянно ищем возможности болезненных переживаний. Многие игры построены именно на том, что люди дразнят и злят друг друга, подтрунивают друг над другом. Представьте себе человека, который вообще не умеет проигрывать и расстраивается из-за ничтожнейших пустяков! Такой человек все время размышляет над тем, как ужасно с ним все поступают, а из-за этого он легко может попасть в сети злых сил: мести и возмездия. И к чему это приведет?

Не следует забывать и о том, что возникновение мужества, то есть способности преодолевать страх, тоже невозможно без переживания боли. Поэтому человек все время, с детских лет, жаждет опасностей, хочет исследовать незнакомые места, забираться высоко в горы, чувствовать мурашки по спине, когда в цирке высоко под куполом прыгают акробаты или на арену выходит дрессировщик с тиграми. Без боли не может возникнуть ни смелости,

ни мужества. Речь идет не о том, чтобы жить без страха, а о том, чтобы научиться преодолевать страх.

Именно осознание боли дает человечеству необыкновенно важный импульс, из которого рождается сострадание. Все это довольно загадочно, ведь откуда приходит предупреждение, когда мы чувствуем боль? Оно должно исходить из невероятно высокой инстанции, ибо только «Бог его знает», когда и что именно в нашем теле идет неправильно. И действительно, подобным знанием может обладать только та инстанция, которая носит в себе изначальную идею человеческого тела. Первоначально человеческий облик был лишь идеей, не чем-то, возникшим в результате случайного стечения обстоятельств, а духовной идеей. Как ни странно это звучит, человеческое тело нельзя увидеть. Мы видим лишь материю, наполнение. В действительности наше тело является великой и прекрасной божественной идеей, божественным творением. Эту великолепную идею человеческого облика в антропософии называют духочеловеком. Ощущение боли возникает тогда, когда мы отходим от божественной идеи. Как только мы отклоняемся от божественного прообраза человека, мы чувствуем боль. Испытывая боль, человек как бы съеживается, уменьшается. Любая боль или, по крайней мере, ее причина — знак, который нам подает наше высшее существо, духочеловек.

Сейчас все чаще в обиходе используются астрологические термины. Большинство людей хорошо знает свой знак Зодиака, в основном из-за тех хороших характеристик, которые к нему относятся. Наши органы чувств также связаны со знаками Зодиака. При этом вы не должны думать, что определенное созвездие посылает некое излучение, благодаря которому возникает определенный орган чувств. Лучше сказать так: в мире существуют совершенно определенные прообразы, мотивы (можно говорить также и о творящих форму идеях), и эти изначальные мотивы в макрокосмосе приводят к образованию созвездий, а в микрокосмосе — к образованию нашего тела, наших органов чувств. То есть и то, и другое возникает из одного источника.

Я говорил об осязании как о тонкой игре, благодаря которой человек, прикасаясь к окружающему миру, начинает осознавать самого себя на телесном уровне. Это принцип Весов (^). Через прикосновение к макрокосмосу вы понимаете, что вы — это другая чаша весов, т. е. микрокосмос, именно в этом и заключается принцип весов. Мы осознаем свое микроскопическое маленькое целое благодаря великому Космосу, поскольку мы все время с ним соприкасаемся. Но у Весов есть еще один интересный аспект. Представьте себе весы, лучше всего самые простые: коромысло с двумя чашами по концам, подвешенное за середину. Что же мы кладем на одну чашу весов? Обычно мы кладем туда нечто не очень важное: камни, грузы. Зато на другую чашу весов мы кладем «ценное»: яблоки, украшения, сыр, все, что угодно. Что же мы взвешиваем? Мы взвешиваем связь с Землей, вес. Мы никогда не сможем взвесить ценность. Ценность существует только в том мире, который недоступен весам, который остается скрыт для весов. С помощью весов нельзя взвесить самого весомого — ценности. Это же справедливо в отношении чувства осязания: «нечто» находится прямо здесь, это совершенно ясно, но что это такое, остается для нас неразрешимой загадкой. Количеством нельзя измерить качества; с помощью взвешивания нельзя измерить сущностное.

Следующий знак это Орел, или Скорпион (Щ.). Орел, по многим источникам, является возвышенным прообразом человека. У королевского орла размах крыльев составляет три метра. Он строит свое гнездо на вершинах гор и с этой залитой солнцем высоты своими зоркими глазами различает на земле самую маленькую добычу; он камнем падает на нее и уносит к себе. Трусливый, привязанный к земле, боящийся света восьминогий скорпион, который клешнями отрывает жертву от земли и поражает ее ядом хвостового жала, совершенно противоположен орлу. Скорпионы обычно достигают в длину 3—17 см. Из всех животных Зодиака Скорпион — самый маленький. Астрологически на вопрос, что такое боль, можно ответить так: боль — это тень Орла, которая стала Скорпионом. Самое большое противоречие среди знаков Зодиака — это Орел, который, сорвавшись вниз, превратился в Скорпиона. Эту полярность можно наблюдать везде. Дело в том, что падение возможно только тогда, когда нечто первоначально находилось высоко вверху. Поэтому самое глубокое падение в кругу созвездий Зодиака происходит из самого высокого региона. Вы знаете, что черт когда-то был ангелом, у которого сгорели крылья. Можно привести множество подобных примеров. Боль появляется тогда, когда человек отходит от своей высокой природы, т. е. становится «падшим», подобно падшему Орлу, который стал Скорпионом.

Теперь мы перейдем к новому органу чувств, а именно к чувству собственного движения. Тем самым мы начинаем рассматривать совершенно иную область. Вы не должны думать, что мы двигаемся благодаря чувству собственного движения. Способность к движению — это отдельная способность. Но мы также можем и ощущать, что двигаемся. Когда вы наблюдаете, как двигается другой человек, вы видите, что он двигается. Когда же вы сами двигаете рукой или ногой, то вы узнаете об этом не благодаря внешнему наблюдению, а чувствуя движение изнутри. Это и есть чувство собственного движения. В естественнонаучной литературе этот орган восприятия обычно называют мышечным чувством, или же проприоцепцией.

Согласитесь, странно, что у вас есть тело, в котором вы не являетесь полноправным господином. Если у вас кривой нос, то вы не можете взять и выпрямить его. Вы также не можете остановить «на минуточку» свое сердце или заставить почки работать более интенсивно. Попробуйте, попробуйте! Над очень многими вещами мы не властны. По-настоящему нам подвластна только одна область нашего тела. Я могу поднять или опустить руку, по-другому поставить ноги. Это возможно благодаря поперечно-полосатым мускулам, которые интенсивно снабжаются кровью. В движении участвуют и некоторые другие жизненные процессы, и это именно та область нашего тела, которая нам повинуется. Это «нам» мы воспринимаем. Я действительно ощущаю, что я двигаюсь. Я также знаю, что это именно я двигаюсь. Я очень здорово испугаюсь, если моя рука вдруг начнет шевелиться помимо моей воли. Подобное иногда происходит: рука вдруг начинает двигаться сама по себе, например, при нервном тике — и тогда возникает очень неприятное ощущение. Но обычно мы владеем своим телом, человек может выразить себя в движении. Он воспринимает это движение, и такое восприятие мы называем чувством собственного движения. А способность двигаться, этот динамический принцип, называется в антропософии астральным телом. У растений его нет, и я позже еще вернусь к этому.

«Астральное» значит «то, что связано со звездами», а значит также и с Солнцем. Это поясняет такой пример: как Солнце отдает свою энергию, благодаря которой становится возможной жизнь на Земле, так для человека источником энергии является астральное тело. В нашем физическом теле всегда есть энергия: я могу взять этот кусочек мела, поднять какой-то груз; я могу тратить свою энергию. Источник этой энергии можно назвать солнечным телом человека, астральным телом, звездным телом. Не важно, какие слова мы используем, речь идет о том, что мы при этом переживаем.

Каким образом возникает движение? Рудольф Штайнер сказал нечто очень странное по поводу человеческого движения. Он сказал: «Видите ли, когда я смотрю на стакан с водой и моя рука движется к нему для того, чтобы его взять, как нормальный человек я говорю: „Моя рука удаляется от меня и приближается к стакану"». Пока все совершенно логично. Но для ясновидца дело обстоит совершенно по-другому. Он скажет: «Нет, рука не движется отсюда туда, рука движется от стакана ко мне. Невидимая рука движется отсюда сюда».

Рудольф Штайнер всегда подчеркивал, что нам не следует просто верить тому, что он говорит, — он призывал к самостоятельному исследованию и изучению вещей. Поэтому давайте возьмем ясный и простой пример. У меня есть сосед, который живет в городе А. Я вижу, как он каждое утро выходит из дому и — я регулярно следил за ним — он всегда идет в город В. Он проделывает это ежедневно, поэтому я могу вести за ним наблюдение; и у меня достаточно времени для того, чтобы собирать научный материал в большом объеме. Поэтому я нанял множество научных сотрудников. Мы спросили соседа, готов ли он предоставить себя в наше распоряжение, и он согласился. Он должен был каждые полчаса останавливаться и мочиться, чтобы у нас была возможность исследовать его мочу. Его сопровождал врач, который измерял давление. Мы исследовали все: его потоотделение, дыхание и так далее. Все это исследовалось самым тщательным образом, поскольку мы хотели знать, каким образом он добирается из А в В. Мы также наняли метеоролога для того, чтобы он измерял силу ветра, температуру и давление воздуха. У нас есть даже человек, который хорошо разбирается в геологических процессах, поэтому мы можем исследовать излучение Земли и магнитные поля; мы хотим наконец досконально разобраться в том, почему мой сосед каждое утро отправляется из пункта А в пункт В. Ну, я думаю, вы уже поняли, что можно в течение многих лет заниматься подобными исследованиями и без сомнения обнаружить очень интересные вещи; можно написать кучу книг обо всем, что удалось обнаружить во время этого перехода из пункта А в пункт В. Но одного мы никогда не узнаем: почему он шел в В. Со всем этим бесконечным количеством фактов я никогда не пойму этого, хотя я знаю все показатели его давления и сердечных сокращений, его ЭЭГ. Что бы я ни исследовал, один или совместно с сотней специалистов и современной аппаратурой, я никогда не узнаю, почему этот человек идет из А в В. Об этом мне лучше спросить его самого. И тогда я получу ответ: в В живет его подружка. И это единственно правильный ответ: «Он идет в В, так как там живет его подружка». Иными словами, он идет в В, поскольку у него есть план идти в В. Он никогда не пойдет в В, если у него этого нет в планах. Этот план уже присутствует, когда он выходит за дверь. Мысленно он уже в В. Поскольку у него запланировано идти в В, он уже там. Я говорю не о его теле, а о чем-то сверхчувственном. Если исходить из понятия «планирующей сущности» человека, тогда вы действительно начинаете в пункте В. Ученый видит лишь тело

моего соседа, которое движется из А в В. Но сам сосед мысленно, метафизически уже находится в В, и оттуда он тянет к себе свое тело. Это совершенно обычное явление, вы все с ним знакомы. Моя рука также в действительности оказывается рядом со стаканом, поскольку я мысленно уже взял его. Рука никогда бы не взяла стакан, если бы в моих планах не было взять его. В тот момент, когда я хочу взять стакан, действие уже начинается: моя рука лишь следует плану, который существует. Мы не привыкли к тому, чтобы учитывать сверхчувственные вещи, а их вокруг нас полно. Посмотрите на движение на улицах! Почему все эти люди ведут машины именно так? Потому что у каждого из них есть план: одному надо в кино, другому ко мне, третьему к вам. У всех есть планы, но вы их не видите. Кто в конечном итоге управляет всем движением? Планы! Поэтому когда Рудольф Штайнер меняет местами исходный и конечный пункт движения, он имеет в виду, что ясновидящий способен видеть «планирующего человека». И точно так же дело обстоит со всеми вещами, связанными с движением: вы никогда не сможете объяснить движение, не учитывая плана, который за ним стоит. Духовное и невидимое управляет физическим и видимым.

Конечно, мы чувствуем, что взять стакан воды, идти из А в В и тому подобные действия являются частями одного большого целого, одного большого Плана, который можно назвать планом жизни. В антропософии его называют кармой. Об этом можно прочесть у Гёте: «И если ты глаза желаешь целым усладить, тогда ты должен целое в мельчайшем распознать». Не правда ли, каждое движение, которое я делаю, является лишь маленькой частью моей жизни? Целое — это человеческая жизнь.

Удивительно, но «моя жизнь» на самом деле полностью наполнена «другими». Когда я расспрашиваю кого-то о нем самом, о его жизни, он начинает рассказывать мне о своих родителях, друзьях и учителях, о коллегах по работе, супруге, о том, что он любит читать (то есть о том, что написали другие). Очень часто в разговорах мы спрашиваем друг друга: «Скажи-ка, ты знаешь того-то и того-то?» В биографию каждого человека вплетены судьбы множества других людей. Многие животные живут стадами, стаями, то есть вместе с животными своего вида. Мы же живем в «стаде», в котором каждое «животное» отлично от другого.

Что же такое человеческая жизнь? Это одно большое движение, которое каждый человек совершает от своего рождения до смерти. Не правда ли, после рождения вы празднуете свой первый, второй, третий... дни рождения. Вы становитесь все старше, и так продолжается до того момента, когда вы умрете. Это мы называем биографией. Но нельзя ли под биографией понимать нечто совершенно противоположное? Нельзя ли и ее понимать так же, как и в примере с соседом, который идет из А в В с кучей исследователей вокруг? Можете ли вы действительно понять биографию человека, если будете рассматривать ее от начала к концу? Я коротко обрисую эту проблему на примере жизни Гёте.

Какой-то биограф написал, что Гёте был очень чувствительным человеком, и это вполне объяснимо и логично, поскольку его мать была очень чувствительна и его отец тоже. И благодаря своей чувствительности и открытости он был способен испытывать величайшее благоговение перед природой. Когда ему было 6—7 лет, он построил маленький алтарь из мха, дерева и камней. И на этом алтаре на восходе солнца он с помощью лупы зажигал свечу.

Удивительно, что ребенок смог додуматься до совершения подобного культового действия. Несколько позже, маленьким мальчиком, он видит в исполнении бродячего кукольного театра легенду о Фаусте. Этот спектакль оказал на него такое сильное впечатление, что Гёте запомнил легенду навсегда. Позже, во время учебы в университете, ему часто попадаются разные интересные сказки, и он постоянно вспоминает легенду о Фаусте. Так постепенно возникает образ Маргариты. Он даже пишет отдельные сцены для пьесы. Гораздо позже он знакомится с Шиллером, Эккерманном и многими другими интересными людьми, которые говорят ему: «Гёте, ты уже давно работаешь над этим, посиди немножко и напиши продолжение». Гёте садится — и пишет своего знаменитого «Фауста».

Подобным образом были написаны многие биографии, в которых то, что происходит с людьми, выводится из более ранних событий их жизни. Мы пытаемся найти причинно-следственные взаимосвязи: ты пережил это и поэтому оказался в следующей ситуации. А если ты пережил вот то, следствием будет другое переживание, и таким образом один человек становится музыкантом, а второй — преступником. Очень часто это настолько изящно изложено, что читатель забывает задать очень простой вопрос. Существуют тысячи чувствительных людей, тысячи чувствительных детей, и все-таки очень и очень немногие из них строят подобные алтари. Тысячи детей видели выступления кукольного театра, но все-таки не все они написали «Фауст». Кто из студентов не встречал множества интересных сказок? А ведь очень мало людей дошли до того, чтобы создать образ Маргариты! И те ученые, с которыми общался Гёте, встречались и с другими людьми; многие другие могли читать их произведения.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ И ЧУВСТВО РАВНОВЕСИЯ ЧАСТЬ 2

• 21 фев, 2010 в 14:02

Вы замечаете, все несколько сложнее. Возникает очень важный вопрос: как же так — один человек идет по жизни так, а другой совсем иначе? Два человека, даже близнецы, могут сидеть в одной комнате и читать одну и ту же книгу, и при этом одного из них какое-то предложение затронет до глубины души, а второго это же предложение оставит совершенно равнодушным. Почему нам встречаются определенные вещи, а другие не встречаются? Почему благодаря какому-то событию один пробуждается, а второй продолжает спать дальше?

Когда мы не понимаем, почему так происходит, мы используем замечательное выражение: «мы к этому склонны, предрасположены». Что же такое предрасположенность? Мы вплотную подошли к загадке биографии.

Попробуем приблизиться к разгадке. Вы можете условно разделить свою жизнь на две части: то, с чем вы сталкиваетесь, и то, с чем вы встречаетесь. Это совершенно разные вещи. Вы сталкиваетесь с тысячей вещей в течение дня, но вы встречаете только определенные вещи. И благодаря подобным встречам вы постепенно начинаете замечать, что они вовсе не случайны. Они каким-то образом «должны» были с вами случиться. Люди, которые хотят это выразить более точно, говорят: «Странно, но действительно важная встреча — это как будто бы узнавание того, что я уже знал!» Такое определение продвигает нас вперед — вы никогда не видели чего-то, с кем-то никогда не были знакомы, никогда не слышали какой-то фразы или определенной музыки, и вдруг вы чувствуете: «Я это откуда-то знаю». Как часто происходит, что в жизни встречаются два человека. Узнавание не должно произойти с первого же раза, с первой минуты, иногда это длится дольше, но в какой-то момент люди действительно встречаются и понимают: «Мы связаны друг с другом!» Это справедливо не только в отношении друзей. Вы можете встречаться и с вашими врагами. И, наверное, в жизни мы по-настоящему встречаем только этих людей: друзей и врагов. Другие нам безразличны, они проходят мимо, не затрагивая нас. А когда вы с кем-то ссоритесь, вы не можете ему сказать: «Ты мне безразличен!» Вы не можете сказать: «Это другой кармический поток, это ко мне не относится». Тот, с кем мы ссоримся, каким-то образом должен быть с нами связан.

Когда вы интенсивно занимаетесь каким-то делом, вы начинаете замечать, что в вашей биографии начинают звучать одни и те же мотивы в значительных и незначительных действиях, таких, как взятие стакана. Не может ли быть так, что один поток времени движется от рождения к смерти, а другой поток времени движется в противоположном направлении: от смерти? Как вам такая идея? Можно выразиться мягче: не может ли быть так, что мы приходим на Землю с определенной целью, с определенным планом? Не является ли это более понятным, чем «предрасположенность»? Что такое «предрасположенность»? Она что, сидит у нас в генах?! Может быть, мы попробуем немного пожить с той гипотезой, что каждый человек приходит на Землю с определенной целью, с определенным планом?

Вы, возможно, знаете историю о Крезе и Солоне. Солон был мудрец, а Крез — богач, у которого было много верблюдов, много земли и много жен. Однажды Крез встретился с Солоном и сказал ему: «Я хочу тебя спросить — не находишь ли ты, что я удивительный и замечательный человек?» Солон дал ответ, впоследствии ставший знаменитым: «Я не знаю. Я не могу о тебе судить до тех пор, пока я не услышу, хорошо ли ты завершил свои дни». То есть Солон не может высказать суждение о Крезе до тех пор, пока тот не умрет, и лишь тогда можно будет сказать, каким Крез на самом деле был. То же самое и с книгой. Для того, чтобы составить мнение о книге, мы должны знать, чем она заканчивается. Интересно, что часто мы и нашу жизнь сравниваем с книгой: биография означает «жизнеописание». Подумайте, каким образом возникает книга. Возьмем простую книгу, например, детективный роман. Писатели детективов начинают писать с последней страницы. Именно в конце тайна раскрывается, преступник обнаружен, и поэтому писатель должен писать свою историю, начиная с конца.

Конечно, человеческая жизнь — не детективный роман. Присутствие тайны становится заметным, когда речь идет о серьезных вещах; в жизни творцов и гениев тайна проявляется очень явно. Представьте себе поэта за работой. Ему вдруг приходит в голову строка, потом он долго бьется над следующей, а затем строчки почему-то начинают идти одна за другой, и буквально за минуту стихотворение полностью готово. После этого у поэта возникает совершенно особое чувство. Когда он написал последнюю строку, он вдруг понимает: «Все стихотворение было написано ради этой последней строки!» У него тоже возникает ощущение, что он работал от последнего предложения. Каждый человек, который профессионально занимается искусством, когда он заканчивает свое творение и делает последний штрих, знает, что именно ради него он и творил. Вы должны привыкнуть к тому, что в сверхчувственном мире практически все происходит наоборот по отношению к миру физическому. И каждая биография является в своем роде книгой, чей замысел, план раскрывается в момент смерти и оттуда движется назад. Только исходя из этого можно понять жизнь отдельного человека. Лишь тогда вы вдруг понимаете, почему Шиллер или Эккерманн оказали на Гёте такое большое влияние. А также почему в детстве на него произвел глубокое впечатление спектакль кукольного театра. Главное правило биографии звучит так: действительно сильное впечатление на вас может произвести только то, с чем вы заранее запланировали встретиться. В противном случае увиденное не сыграет никакой роли. Важен именно этот момент узнавания: «Да, я это, оказывается, все время искал, и вот, наконец, оно передо мной!» Поэтому правильнее говорить не: благодаря Библии я встретил Бога, а наоборот: благодаря Богу я познакомился с Библией. Все, что мы пытаемся описать словом «благодать», через призму подобного понимания становится глубоким внутренним переживанием. Теперь вы замечаете, что мы вдруг стали больше понимать человеческое движение: внешне движение происходит отсюда туда, от меня к стакану, от А к В. Внутренне все происходит как раз наоборот. Вы не смогли бы сделать ни одного движения, если бы в вас не было «планирующего человека».

У нас есть биографический план, скрытый в глубинах нашей души. В этих глубинах есть не только комплексы, подавленные желания и разочарования, в нашем подсознании есть много больше. В нас действительно есть предрасположенность. В глубинах нашей души — вся наша биография. Нельзя сказать, что она находится там в готовом виде, но потенциально она там присутствует, и оттуда начинается наше движение. Мы бы не стали двигаться по жизни, если бы у нас не было жизненного плана и наших жизненных задач.

Не нужно думать, что мы, взрослые, лучше всего знаем, куда нам надо идти. Часто дети знают об этом намного, намного лучше; вам, быть может, очень не хочется, чтобы ваша прекрасно воспитанная дочь познакомилась с этим ужасным подростком из дома напротив, у которого отвратительные манеры, ведь ничего хорошего она от него не наберется; но в один прекрасный день они встречаются друг друга, и теперь их водой не разольешь. Что бы вы ни делали, разлучить их теперь невозможно. Вы все знаете подобные истории; встречи двух детей представляют собой совершеннейшую загадку. Никто ее по-настоящему не понимает. Это абсолютно не связано с тем, хорошо ли они друг друга понимают: дети могут ежеминутно ссориться и все равно продолжают находиться вместе. И это происходит до тех пор, пока их дружба вдруг так же резко не прекращается. Встречи, особенно те, которые происходят в

детстве, неизбежны, тут практически ничего нельзя сделать. И никакой свободы выбора в них нет. Дело выглядит так, как если бы ребенок знал, что он пришел на Землю для того, чтобы с помощью другого ребенка получить определенный жизненный опыт. Он знает, что ему должен встретиться определенный учитель и что его родители у него тоже совсем не случайно.

Вы можете как-нибудь попробовать проанализировать случайности в своей жизни. И вы поймете — события, которые обычно называют игрой случая, произошли потому, что мы хотели, чтобы они произошли. Сначала в подобном анализе нет ничего трудного: мы, естественно, начинаем выискивать все приятные встречи. Но постепенно мы замечаем, что и горькие поражения, и неудачи тоже были нам необходимы. Все, что произошло, было необходимо для осуществления нашего жизненного плана.

Существо, которое отвечает за наше чувство собственного движения, а также за то, что нами на самом деле движет, за реализацию нашего сокровенного жизненного плана, в антропософии называют жизнедухом. Это очень хорошее слово, поскольку, как вы знаете, слово «жизнь» мы используем в двух разных значениях. Нечто живет, цветок живет, наше тело живет, оно пронизано жизненными процессами: мы живем естественным образом. Но мы также живем и духовным образом. Когда я прошу кого-то: «Расскажи-ка что-нибудь о своей жизни», я не имею в виду: «Как обстоят дела у твоего сердца и твоих почек?» Я имею в виду другое: «Расскажи-ка что-нибудь из своей биографии!» Слово «жизнь», как я уже сказал, мы используем как в естественном, так и в культурном смысле, и биография является жизнью в культурном смысле. Это жизнь конкретного человека. А жизненный план, который сокрыт в глубинах нашей души, мы называем жизнедухом; таким образом, у каждого человека есть свой собственный биографический жизнедух.

Я надеюсь, что мне удалось вам объяснить, что такое предрасположенность, что именно благодаря предрасположенности мы в реальной жизни встречаем те или иные вещи, ведь в этом состоит наш план.

Конечно, все не так просто — со временем наша способность к подобным встречам может притупиться. Это происходит в большинстве случаев: заканчивается детство и юношество, и постепенно мы становимся разумными, взрослыми людьми. Так что мы начинаем пропускать встречи, то есть мы не узнаем их, мы «просьшаем сигналы». Эта ситуация может привести к трагическим последствиям. Подумайте обо всех тех людях, которые задорого покупают себе туры в дальние страны, но у них не происходит никаких встреч. Другие, напротив, живут и работают недалеко от дома, и каждое мгновение дарит им возможность встречи. Вопрос, конечно, состоит в следующем: можно ли с этим что-то сделать? Можно ли развить эту способность к встречам?

Рудольф Штайнер изобрел новый вид движения — эвритмию, в котором звуки и слова с помощью движения становятся видимыми. Некоторые из вас, возможно, видели эвритмические выступления или даже проходили курсы эвритмии. В эвритмии для всех гласных и согласных звуков разработаны определенные формы движений, которые не являются произвольными, а по своей сути родственны тем творящим силам природы,

которые действуют во всем Космосе. Вспомним первое предложение из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово». Слово является тем принципом, благодаря которому был создан мир. (Во многих мифах творение мира происходит в результате магического пения или магических заклинаний.) Эти формы принципа творения Рудольф Штайнер дал в эвритмии: очень простые жесты, но для того, чтобы в совершенстве ими овладеть, требуется вступить на настоящий путь ученичества. Рудольф Штайнер сказал об эвритмии нечто удивительное: «Эвритмия развивает в нас — особенно сильно она воздействует на детей — то, что мы никаким другим способом не сможем в себе развить ни в школе, ни во взрослой жизни»⁷. И это нечто — чувство восприятия судьбы, орган, которым мы воспринимаем свою судьбу. Этот орган нам нужен точно так же, как глаз для того, чтобы видеть свет. Даже если бы вокруг все было залито светом, не будь органа зрения, это не имело бы значения. Эвритмия учит нас концентрироваться на космических силах (согласных, гласных и так далее), которые действуют в нашей судьбе.

Я попробую это объяснить по-другому. Речь идет о том, чтобы развить в себе способность переживать встречи, то есть о том, чтобы научиться узнавать вещи, которые мы на самом деле ищем в жизни, наши истинные цели. Наши движения, большие и маленькие, настроены на эти цели. А теперь посмотрите на нашу культуру. Наше величайшее культурное наслаждение — футбол. Замечательно: цель ясна и понятна! Это ворота! В них нужно забить мяч. Самая завершенная часть творения, человеческая рука, при этом не используется, она просто болтается где-то, ничего не делая. Только вратарю разрешается останавливать его мяч. А теперь возьмем гандбол. Мяч передают и принимают руками: нежно, сильно, точно, неожиданно. Это напоминает разговор между людьми. Удар по мячу — это нечто совершенно противоположное, абсолютно беспардонное, презрительное. Вспомните волейбол: люди играют руками в футбол! Никто не дает, никто не берет, все время идет защита, отталкивание: это антиразговор. Мы только что говорили об эвритмии, о развитии чувства движения и тем самым — органа восприятия собственной судьбы, то есть тех импульсов, которые исходят из нашего жизненного плана. Попробуйте прочувствовать, насколько глубоко нас пронизывает качество нашего движения. В эвритмии речь идет именно об этой глубинной встрече с движениями слов и музыки. Эти движения мы используем для того, чтобы достичь нашей цели, подобно тому, как мистер X пытался найти свою земную избранницу.

Давайте теперь рассмотрим ситуацию с нашим жизненным планом с другой стороны: казалось бы, план составлен, он находится вокруг нас, и наша задача состоит в том, чтобы замечать нужные встречи. Но все не так однозначно: нельзя считать, что у вас никогда не может произойти встречи, которая не была бы записана в вашем плане. Мы находимся здесь не только для того, чтобы выполнять то, что есть у нас в плане. Мы можем все-таки пытаться взаимодействовать с вещами, которые нам абсолютно безразличны и чужды, — в противном случае мы никогда не выйдем за предписанные рамки. Вы сами очень хорошо можете различать, что вам очень нравится, а что абсолютно чуждо. Это началось уже в школе; там вы стали замечать, что вам дается, а что нет. К счастью, еще существуют школы, в которых ребенку не разрешается сразу же выбирать себе предметы. Если бы ребенок сразу же начинал учиться только тому, что ему дается и нравится, он никогда не смог бы научиться приспособливаться к новому. А у ребенка есть потребность познавать новое, даже если он

знает: «Этим мне никогда по-настоящему не овладеть в жизни, это мне абсолютно незнакомо!» Те, кто что-то читал об этих вещах, понимают, что я говорю о старой и новой карме. У нас есть старая карма, это то, что мы «узнаем», но мы одновременно, интересуясь новыми вещами, создаем и новую карму. Вы можете это сами легко различать: то, что у вас получается легко, то, что само к вам приходит, связано с вашим жизненным планом, в то время как те вещи, которые вы мучительно осваиваете, окажутся по меньшей мере настолько же важны для вас в следующей жизни. Иначе бы вы были полностью изолированным существом.

Вот что я хотел вам рассказать по поводу удивительного органа чувств, с помощью которого мы двигаемся. Это движение является самопересекающимся движением на физическом плане: мы движемся отсюда туда, в то время как «планирующий человек» движется отсюда сюда. Как вы уже, наверное, поняли, это явно связано со Стрельцом (X"). Когда вы берете в руки пистолет, или лук со стрелами (это элегантнее), первое, что вам говорят: вы никогда не должны чувствовать, что вы стреляете отсюда в удаленную цель. У вас должно быть такое чувство, что вы уже находитесь в центре мишени, поскольку только тогда вы сможете в него попасть. У вас должно быть чувство: это моя цель! Тогда очень высока вероятность того, что вы действительно в нее попадете. Во всех процессах, связанных с достижением цели, вы должны научиться тому, чтобы исходить от цели, начинать с конца. Оттуда притягивается ваша пуля или стрела. В этом заключается сущность Стрельца, поскольку он, прицеливаясь, притягивает стрелу из центра мишени.

Конечно, прежде всего мы ощущаем собственное движение с помощью рук и ног. Рудольф Штайнер сказал нечто очень странное по поводу того, что у нас есть две ноги. Я цитирую: «То, что человек не становится колонной, то, что он рождается не со сросшимися руками и ногами, обусловлено тем, что существует смена времен года, что зима и лето действуют духовным образом, что указывает на различные космические отношения между Землей и ее окружением».

Самые обыкновенные вещи на самом деле очень глубоки. Вовсе не случайно, что у нас две руки и две ноги, и наше хождение по Земле тоже не произвольно. Вы знаете, что периметр земного шара составляет 40 000 км. Удивительно, что нам, теоретически, требуется ровно 1 год для того, чтобы обойти вокруг Земли! Подсчитайте сами! Если не плестись, не бежать, а идти нормально, со скоростью около 4,5 км/час. Сменяющие друг друга времена года объясняются наклонным положением оси, вокруг которой вертится наша Земля по отношению к эклиптике: плоскостям, по которым движутся все планеты вокруг Солнца. Наклон земной оси составляет 23,5°, скажем 24°. У прямо стоящего человека тазобедренный сустав находится как раз посередине. Представим себе окружность, описанную вокруг человека с центром в суставной впадине тазобедренного сустава. Вы из школы знаете, что периметр окружности равен умноженному на диаметр, $\pi = 3,14...$ (т.е. чуть больше 3). Эту окружность мы разделим на 360 частей.

Если мы теперь возьмем рост человека и умножим его на 3,14..., то тем самым мы получим длину «его круга». Этот круг мы можем начертить на Земле. Для наших целей нужно

умножить эту длину на 2 (см. рисунок). Если попросить человека пройти два «своих круга», то, как ни странно, ему понадобится для этого 15 шагов. 15 шагов, чтобы 2 раза пройти 360° , то есть 720° ; каждый шаг — $720^\circ : 15 = 48^\circ$, то есть наклон Земной оси, умноженный на 2! Это означает, что мы своими ногами при каждом шаге совершаем маятниковое движение в 24° по отношению к нашему вертикальному положению, то есть по отношению к линии, которая ведет к центру Земли. Настолько тесно наше движение связано с движением Земли, планеты нашей судьбы; они построены так, чтобы быть настроенными друг на друга.

Если мы вытянем руки вверх, тогда центром станет не тазобедренный сустав, а пупок. Наши руки имеют очень большую степень свободы движений. И все-таки существует определенное ограничение: расстояние между плечевыми суставами ограничено ключицами, которые прикреплены к груди. Угол между верхними краями ключиц с центром в пупке тоже составляет 48° (2 раза по 24°). Мы видим, как здесь по-другому, но тоже очень характерно, проявляется взаимосвязь с Землей.

В заключение мы можем спросить: почему человек именно такого роста, в среднем примерно 1,72 метра? Мы не зря считаем великанов и карликов отклонением от нормы. Поскольку человек явно является «смотрящим существом», мы можем поставить вопрос по-другому: насколько далеко мы видим? Представим Землю в виде гладкого шара. Насколько далек горизонт, который человек видит? Это можно рассчитать следующим образом:

Периметр Земли составляет 40 000 км, радиус Земли = 40 000 : $2\pi = 6\,366$ км ($\pi = 3,14$). У человека глаза расположены приблизительно на 10 см ниже макушки, при среднем росте 1,72 м — на высоте 1,62 м. Теперь рассчитаем, насколько далеко мы видим. По теореме Пифагора:

$$x^2 + r^2 = (r + h)^2 = r^2 + 2rh + h^2, \text{ то есть } x^2 = 2rh + h^2.$$

h^2 можно не учитывать, поскольку высота маленького человека ничтожна по сравнению с огромным земным шаром. Таким образом, уравнение принимает вид

$$x^2 = 2rh, \text{ т. е. } x = \sqrt{2rh}.$$

Средняя высота, на которой расположены глаза, составляет $h = 1,62 \text{ м} = 0,00162 \text{ км}$, радиус Земли $r = 6\,366 \text{ км}$. Отсюда расстояние, на которое мы видим, составляет:

$$x = \sqrt{2 \cdot 0,00162 \cdot 6366} \text{ км} = 4,5 \text{ км}.$$

Это примерно один час пешком. Если человек посмотрит назад, а потом вперед, то в сумме это составляет 9 км. Это приблизительно 2 часа пешком или $1/12$ дня. Вы знаете, что день — это время, за которое Солнце поворачивается вокруг своей оси.

Сегодня расчеты стали чем-то абстрактным, ненастоящим. Пропорции, взаимосвязи, согласованности и композиции цифр, к сожалению, больше не указывают нам на музыку сфер, музыку космоса, о которой, например, так часто говорит Пифагор.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ И ЧУВСТВО РАВНОВЕСИЯ ЧАСТЬ 3

• 5 мар, 2010 в 21:27

Теперь мы переходим к следующему органу чувств, чувству равновесия. Вы думаете: «Как же, я хорошо знаю этот орган, я с ним прекрасно знаком. Я отлично могу держать равновесие!» Но вы должны спросить себя: «Как же получается, что человек удерживает равновесие?» Это только кажется простым, на самом деле это очень и очень сложно. Одно можно сказать точно: вы можете удерживать равновесие только в поле тяготения, нельзя удерживать равновесие в пустоте. Если бы мы были парящими существами, нам было бы довольно сложно удерживать равновесие. Маленький ребенок должен научиться стоять, он должен почувствовать себя дома на Земле, ему нужна опора для того, чтобы держать равновесие. Это подобно тому, как вы с помощью чувства осязания начинаете осознавать дом своего тела, подобно тому, как вы с помощью чувства жизни осознаете состояние внутри вашего дома, как вы, благодаря чувству движения, начинаете жить в этом доме. Действительно, двигаясь, вы живете в этом доме, а с помощью чувства равновесия вы выходите наружу, в мир. И лучше всего, когда мир — это твердая надежная земля, поскольку удерживать равновесие в воде достаточно сложно. Только на твердой поверхности мы начинаем чувствовать себя дома.

Вы все знаете, что у нас есть орган равновесия. Это три полукруглых канала, которые перпендикулярны друг другу, то есть представляют собой три измерения. С их помощью мы ориентируемся в пространстве. Орган равновесия тесно связан с так называемыми моторными нервами (которые в действительности лишь воспринимают движение, а не вызывают его), связывающими мозг с мускулами. Какое отношение все это имеет к слуховой улитке, как эти органы взаимодействуют друг с другом, мы обсудим, когда будем говорить о слухе. Сейчас нас интересуют лишь три полукруглых канала. Прежде всего, необходимо знать, где именно находятся эти органы равновесия. Мы все знаем, что человек сидит и стоит прямо. По крайней мере так должно быть, и я надеюсь, что смогу вам объяснить, почему. Давайте рассмотрим эту фигуру, которая стоит как солдатик. Вы видите, мы можем прочертить линию: линию, которая проходит через голеностопный, коленный, лучезапястный, тазобедренный (как раз посередине) суставы, через головку бедра, локтевой, плечевой и, наконец, нижнечелюстной сустав и заканчивается в голове, в органе равновесия. Конечно, вы можете сказать: «Но это преувеличение, так обычно никто не стоит!» Правда, но все-таки мы

все время автоматически исходим именно из этого положения. Мы ведь говорим, что у человека отвислый живот, искривленный позвоночник или что у него нос задран кверху. Тем самым, исходя из этого эталонного положения, мы заявляем, что некто стоит неправильно. Для нас человек действительно стоит вертикально. Согласованность, гармония между движением и удержанием равновесия у человека просто удивительна. вспомните детские игры: скакалка, обруч, борьба, кувырки, жонглирование, акробатика, танцы, гимнастика и самое сложное — балансирование на канате.

Никакое другое существо не может совершать таких разнообразных движений. Я говорю вовсе не о спорте. Вместо того, чтобы прикладывать все свои усилия к тому, как прийти к финишу на одну десятую секунды быстрее, гораздо лучше было бы разносторонне себя развивать, особенно в детском и юношеском возрасте.

Все это обусловлено особенностями человеческого строения. Мы говорим о лабильном равновесии. Человеческий череп построен так, что он находится над туловищем и не участвует в поддержании равновесия. У шимпанзе это не так, у них череп абсолютно другой. Их нижняя челюсть выступает за пределы черепа. Но вы, наверное, знаете, что череп совсем молодых шимпанзе очень похож на человеческий. Если вы сравните череп молодой обезьянки с черепом взрослой обезьяны, то вы поразитесь, насколько сильно изменяется череп, столь похожий на человеческий, принимая совершенно иную форму у взрослой особи. У молодой обезьяны череп намного более напоминает человеческий, с прекрасным круглым лбом, который позже исчезает. Тот, кто умеет читать письмена природы, может увидеть, что это обезьяна происходит от человека, а не наоборот. Маленькая обезьяна выглядит как старый скрюченный человек. Взрослая обезьяна уже намного дальше удалена от человека. Прообраз человека замечательно проявляется в человеческой позе; в царстве зверей она в принципе не может присутствовать. Конечно, вы можете сказать, что попугай или пингвин стоят-таки прямо. Но это не так, и тот и другой совершенно скрючены.

Древние египтяне были очень мудры в этом отношении. Они рассказывали, что человеческие существа взвешиваются после смерти. На многих изображениях можно видеть, как сердце, душа человека, взвешивается Анубисом, для того, чтобы проверить, находится ли его жизнь в равновесии с его сущностью, с его жизненным планом, то есть с Маат — истиной и божественным миропорядком. И если равновесие было нарушено, тогда чудовище пожирало душу умершего. На этом рисунке человеческий образ умершего, который стоит перед тронном Осириса изображен в виде весов. Весы находятся в равновесии, поэтому чудовище уводит прочь.

Если рассечь череп, то внутри него мы обнаружим так называемое основание черепа, именно там и сокрыт орган равновесия, эти три полукруглых канала. Эти три канала, а также все вышеупомянутые суставы, лежат в одной плоскости. Вы видите, что человеческий образ действительно подобен весам. И когда это не так, мы говорим, что человек «скосбочился» или употребляем другое подобное слово. Мы как бы совершенно естественно исходим из того, что человек построен именно так, как мы описали выше.

Вы, возможно, немного запутались, поскольку образ Весов, как созвездия, мы уже связали с чувством осязания. Но там речь шла о земном весе вещей. Мы увидели, что ценность, качество нельзя взвесить, это можно сделать только на небесных весах Михаила или, как здесь, с помощью египетского божества. Божество определяет ценность умершего и проверяет, был ли он «прямым», правильным человеком. Как орган равновесия, так и весь человеческий облик суть отражение этих духовных, моральных «весов».

Вы видите: равновесие является непосредственным выражением нашей истинной сущности. И это истинная сущность в антропософии называется Я, Я человека. Мы тоже ощущаем это, мы чувствуем, что человеческий облик является выражением нашего Я именно потому, что мы ходим прямо. Мы воспринимаем Я как прямую линию в человеке. Подобно тому как индивидуум является Я, наш облик также является Я. Это мы переживаем с помощью равновесия: Я стою. Я стою на своем. Я настаиваю.

Вы могли наблюдать то, как ребенок первый раз встает на ноги. Это всегда невероятная победа. Он вдруг ощущает свое собственное существо, и это что-то грандиозное. До этого он был лишь ползающим карапузом. Теперь он действительно стал человеком, теперь, когда он стоит. Вы сами лучше всего себя ощущаете, когда вы стоите вертикально. Стояние является выражением нашего существа. Поэтому очень грустно смотреть, когда подростки, а также взрослые, все чаще сидят, опираются на что-то или лежат; поскольку только стоящий человек действительно является человеком. Это очевидный факт, который каждый может ощутить на себе. И все, что делает невозможным положение стоя, воспринимается человеком как огромный удар по своему Я. Я не знаю, переживали ли вы это ужасное состояние потери собственного Я вследствие укачивания. У вас только одна мысль в голове: «Лучше умереть!» И как только вы оказываетесь на берегу, вы чувствуете себя заново родившимся. Вы снова можете сохранять равновесие.

С алкоголем все обстоит как раз наоборот. Тогда, заметьте, нам доставляет удовольствие так качаться. Вы сами ощущаете себя вполне нормальным и сохраняющим контроль, только вот другие почему-то так не считают. Ваше красное лицо выглядит смущенным, но на самом деле весь стыд куда-то исчез. Самое ценное в человеке — это богатство его чувств, а именно они незаметным образом притупляются. Вы скажете: «Ну да, но чуть-чуть можно, потому что немного расслабляешься». Да, конечно: этим «чуть-чуть» можно оправдать что угодно.

Теперь снова вернемся к нормальному состоянию. Вопрос стоит следующим образом: как функционирует чувство равновесия? Как я удерживаю равновесие здесь, в зале? Надавливаю я сам на себя извне, поддерживаю я себя изнутри? Нет, мы сохраняем равновесие с помощью нашего окружения! Это, возможно, звучит странно, но я могу стоять спокойно и без усилий потому, что моя сущность наполняет собой весь этот зал. Я достигаю потолка, вон той шторы, этой двери, вас, противоположной стены, лампы. Я полностью заполняю собой все это пространство. Моя сущность — это то, что есть у меня внутри, но я заполняю ею пространство. В сверхчувственном мире все вещи очень эластичны. Когда я прогуливаюсь под звездами (не пугайтесь этих миллионов световых лет, наша сущность спокойно справляется с подобными расстояниями), моя сущность достигает деревьев, облаков, звезд. Ну а в комнате я спокойно расширяюсь от стены до стены, я всегда заполняю пространство. Мы уже знаем, что, как это ни невероятно, но в действительности движение происходит не от меня, а наоборот, ко мне.

Представьте себе, что в действительности я охватываю себя извне, из окружающего пространства. Это непонятно? Сейчас мы попробуем это понять!

Одним из широко известных и все же необъяснимых явлений является боязнь высоты. Что такое боязнь высоты? Вы идете вдоль пропасти, и что при этом происходит? Почему вас вдруг охватывает страх? Почему вы чувствуете засасывающую пустоту, почему вы должны отступить назад, чтобы крепко взяться за скалу? Дело в том, что в вас возникает чувство, что вас засасывает в эту пустоту. Почему? Потому что вы не можете заполнить пространство, которое до этого очень хорошо заполняли. Если вы соберетесь с силами и снова взглянете вниз, на долину, что произойдет? Долина будет «заполнена» вами, и это даст вам чувство опоры. Вы будете «опираться» на ручеек внизу, на камни, на церковь. Вы будете опираться на все, вы заполните собою пространство. И это может каждый.

Раньше существовали маленькие ярмарки, их теперь больше нет, и на этих ярмарках были удивительные вещи. Там, например, было строение, которое снаружи выглядело как сарай; вы заходили внутрь, там стояли лавки, на которые народ садился. Внутри все выглядело как в комнате: шторы и двери, печь, повсюду нарисованы горшки с цветами. Потом начинала играть музыка и вдруг комната начинала немного двигаться: очень медленно, но заметно. У присутствующих возникало очень неприятное чувство. Все принималось качаться сильнее и сильнее, как корабль, и вдруг комната полностью переворачивалась! Что люди делали? Они крепко хватались за лавки, в то время как все вокруг них вертелось! Но если человек закрывал глаза, то он чувствовал, что он тихонечко себе сидит на лавочке. Все останавливалось. И тогда можно было очень четко почувствовать, что человек сохраняет равновесие за счет того, что заполняет собой пространство. Вы понимаете, что я имею в виду? Когда пространство, в котором человек сидел, начинало вращаться, он полностью терял ориентацию, хотя с его телом ничего не происходило. А в тот момент, когда он закрывал глаза, вращение останавливалось, поскольку он больше не видел этого пространства. С помощью подобных ярмарок можно было очень убедительно прочувствовать, как работает чувство равновесия.

Как это ни странно, при взаимодействии с чувством равновесия мы имеем дело с противоположностью того, что происходит при болевых ощущениях. Боль возникает потому, что мы отходим от прообраза нашей истинной сущности. Боль является тенью нашего высшего Я. Мы становимся меньше, чем наша высшая сущность, и поэтому чувствуем себя больными. Чувством жизни мы ощущаем прежде всего нечто неприятное для нас. Чувство жизни выполняет свою задачу, если оно сразу же предупреждает о беспорядке. Напротив, сохранение равновесия в целом приятное ощущение. Ужасно, когда мы не можем удержать равновесие, не можем заполнить собой пространство. Тогда нам нужно завоевать это пространство. Когда задействуется чувство жизни, мы знаем, что именно сейчас отошли от своего прообраза; точно так же и для восстановления равновесия мы должны найти часть себя в мире и снова овладеть ею.

Это довольно трудно понять. Обладает ли каждый из нас своим собственным пространством ^ли же у нас общее пространство? В принципе, оба утверждения верны! Как получается, что у нас есть своя точка опоры? Благодаря чувству равновесия. Представьте себе, что вы можете, как вода, постоянно течь вперед, находиться в постоянном движении. Тогда у вас не может быть никакой твердой точки опоры. Вы никогда не смогли бы сами спокойно во всем разобраться, вы не смогли бы овладеть пространством. Для удержания равновесия всегда требуется покой, спокойствие. Конечно, можно и двигаясь сохранять равновесие, например, во время бега. Но и там всегда присутствует точка покоя: это может быть горизонт или что-то еще. Это хорошо чувствуется во время качки, морской болезни, когда вы теряете ориентацию, поскольку горизонт начинает двигаться. Обычно в качестве точки опоры мы берем какое-то место, вызывающее чувство успокоения, лучше всего для этого подходит твердая, строго горизонтальная поверхность под ногами. И найдя эту точку опоры, вы действительно оказываетесь в вашем личном пространстве.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО СОБСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ И ЧУВСТВО РАВНОВЕСИЯ ЧАСТЬ 4

А что же такое общее пространство? Представьте себе, что вы все заснули, а я вдруг сильно и громко ударил по столу, отчего вы снова проснулись. Произойдет очень странная вещь. Пока вы спали, вы были погружены в ваш собственный мир и каждому из вас снились его собственные сны. Но в тот момент, когда вы просыпаетесь, вы все оказываетесь в одной комнате. Интересно — хотя у каждого своя точка опоры, точка зрения, один сидит на одном стуле, другой на другом, но вы все сидите в одном и том же пространстве! Это могут делать только люди, среди животных это невозможно. Звери никогда не просыпаются в одном и том же пространстве. Вы можете это увидеть в зоопарке. Если вы внимательно понаблюдаете за зверями, вы увидите, что животному нет никакого дела до других животных. Никакого. Вы никогда не увидите, чтобы одна корова толкнула другую и промычала: «Смотри, какая нежная и вкусная трава!» Животное никогда не будет другому что-то показывать. Тут вы, конечно, скажете, что это не так — пчелы, например, танцуют для того, чтобы объяснить другим, куда они должны лететь. Но это нечто другое: это система оповещения, она связана с инстинктами и всегда завязана на выживании, в данном случае — на добыче меда-. Звери никогда никого с собой не берут. Никогда не бывает так, чтобы животное сказало: «Смотри, как красиво!» Подобное происходит только среди людей, и это напрямую связано с чувством равновесия.

С одной стороны, у меня есть своя собственная точка опоры, я стою в определенном месте. Но с другой стороны, я вместе с определенной группой людей живу в одном общем пространстве. Мы действительно можем обращать внимание друг на друга, мы можем учитывать интересы друг друга, мы можем разговаривать друг с другом, договариваться, следить за мыслью другого, мы можем объективно друг друга воспринимать. Все это взаимосвязано.

Вы, наверное, сейчас скажете, что и животные воспринимают друг друга объективно. Но об этом не может быть и речи. Я специально заостряю ваше внимание на этих вещах, поскольку в нашей культуре существует очень сильная тенденция уподобления человека животному. В этом есть, конечно, и приятные моменты: у нас отпадает необходимость в совести. Но я хочу подчеркнуть, что между человеком и животным существуют очень значительные различия. Я назову сейчас самые простые. Маленький утенок потерялся в канаве, потерял маму и теперь плывет один. Если мимо будет проплывать другая утка-мама, вы думаете, она увидит этого утенка? Нет! Она начнет беспокоиться, поскольку утенок издает странные звуки. Эта чужая мама ничего не понимает, она слышит какие-то звуки, они ей непонятны. Она вообще не видит утенка, который потерял свою родительницу. Вообразите себе подобную картину! Мы можем встретить друг друга в одном и том же пространстве, а звери нет. Вы, возможно, видели в каком-нибудь фильме о животных такую или подобную сцену: африканская газель

потеряла свою маму. Тут появляется целое стадо газелей, но ни одно животное не воспринимает малышку. Она бежит от одной газели к другой, но не может найти свою мать. То есть она воспринимает стадо только как массу, в которой ей надо найти свою мать. Представьте стадо овец. Если ягненок отстал метров на десять, он все-таки потом сможет безошибочно отыскать вымя своей матери. Не потому, что он ее видит, а вследствие инстинкта. Понимаете, куда я клоню? Животные действуют, подчиняясь инстинктам. Барашек вовсе не ищет вымя, он просто его находит.

Почему же только у человека такое уравновешенное строение? Почему только человек представляет собой прямую линию, которая задает точку опоры? И почему только человек может, действуя из внутренних побуждений, воспринимать другие вещи? Потому что мы, благодаря органу равновесия, с одной стороны, имеем свою личную точку опоры. С другой стороны, он помещает нас всех в одно и то же пространство, поскольку это пространственный орган. В антропософии этот принцип всеохватывающего заполнения пространства, который дает нам возможность вступать в отношения с другими, называется Самодух. Это нечто иное, чем Я. Я попробую объяснить это на примере. Я уже говорил, что у каждого есть своя биография и своя область, в которой он чувствует себя уверенно. Если человек очень уверенно себя чувствует, например, в математике или истории, если он настолько хорошо овладел определенной областью, что она стала частью него, тогда мы имеем дело с Самодухом. Существует очень большая разница между тем, кто просто повторяет то, что он узнал, и тем, кто действительно овладел предметом. Первое — подражание, второе — Самодух.

И когда нечто стало неотъемлемой частью вас самих, тогда это можно передать другим людям. Это кажется парадоксальным: то, что является совершенно личным, справедливо и в отношении других. Мы часто тяготеем к мнению, что только то, что абстрактно, может быть справедливым для других. Конечно, сумма углов треугольника для всех людей одинакова — 180° , но это просто скучная теория. А мы говорим о самом сокровенном, именно оно затрагивает личное другого человека, это знают все художники и писатели. Мастер может работать только очень лично, и чем более лично, тем больше это затронет остальных. «Фауст» Гёте — это типично немецкое и типично гётевское. И поэтому его могут читать все! Точно так же, как «Гамлет» — типично английское, типично шекспировское, а значит — предназначенное для всех! Это происходит благодаря Самодуху.

Таким образом, существует большое различие между Я и Самодухом. Свое Я мы ощущаем благодаря органу равновесия, это его основа. С его помощью мы находим точку опоры. Но именно из-за того, что мы теперь заполняем пространство, связаны с другим миром, мы взаимодействуем с Самодухом. Это сложное понятие, и все-таки оно нам знакомо из повседневной жизни. Какой учитель вам нравился больше всего? Не тот же, который занудно бубнил, а тот, который очень лично преподавал материал, не так ли? Он смог сделать этот материал частью себя, а это и означает Самодух. То, что стало неотъемлемой частью человека, вдруг становится тем, что он может передать другим, и в этом заключается великая тайна Самодуха. Это очень сложный, странный парадокс: мы находим свою, собственную точку опоры и благодаря этому связываемся друг с другом! Когда я удерживаю равновесие, я

воспринимаю объективно не только себя, но и нечто другое. Я сейчас это скажу совершенно простыми словами.

Благодаря чувству равновесия у нас всегда есть ощущение, что нечто пребывает. Почему я могу так просто сказать: «Вон стоит дерево, бежит собака, едет машина», и при этом меня не покидает уверенность, что все остальное тоже пребывает? Потому что у меня есть точка опоры, и все-таки я не остаюсь в ней: я просто вижу все остальное, как пребывающее в одном, общем со мной пространстве.

Именно в этом и заключается парадокс, который мы называем Самодухом. Как вы понимаете, Самодух не имеет ничего общего с эгоизмом. Он как раз противоположен эгоизму, и поэтому в нем есть слово «Дух». Самодух — это не эгоистическое, это личное, которое связывает нас с другими людьми. И возможно, вы можете почувствовать, что он тесно связан со знаком Козерога (^>). Разве не удивительное зрелище представляет собой Козерог, который стоит на недоступной скале, как царь пространства? Я не знаю, видели ли вы козерога. Вы можете его разглядеть в маленьком козленке в деревне, который после безупречного прыжка всеми четырьмя копытами встает на крошечный столбик и удерживает равновесие. И какую он испытывает радость от этого важного упражнения в равновесии! Часто козы часами играют в подобную красивую игру, пытаясь столкнуть друг друга с камня.

Я хотел бы закончить стихами, в которых частично выражена тайна чувства движения и равновесия. Первое стихотворение написано Кристианом Моргенштерном, великим путником, идущим к духовной жизни, второе — Фридрихом Ницше, Заратустра которого, исполненный пламенеющего воодушевления, призывает человека стать танцором.

Тот, кто цель не знает, не найдет свой путь и, всю жизнь стелая, будет спину гнуть...

Танцору

Льда скользкая гладь словно Небесная Благодать для тех, кто может танцевать.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО ОБОНЯНИЯ И ЧУВСТВО ВКУСА ЧАСТЬ 1

• 6 мар, 2010 в 12:04

До сих пор мы говорили о четырех из двенадцати органов чувств: чувстве осязания, чувстве жизни, чувстве собственного движения и чувстве равновесия. Сейчас мы еще раз коротко вспомним о них.

После того как мы благодаря чувству осязания попрощались с космическим миром, мы вступили на удивительный путь. Неправильно было бы думать, что с помощью осязания мы

ощущаем внешний мир, — мы лишь начинаем осознавать собственную телесность, мы перестаем быть едиными с Космосом.

Благодаря чувству жизни мы начинаем ощущать идущие в нашем теле жизненные процессы, узнавать свое состояние и таким образом осознаем, как мы себя чувствуем, здоровы ли мы, больны, голодны, испытываем жажду, устали и т. д. Мы говорили о боли и разобрались, что боль имеет очень важное значение в нашей культуре: боль всегда указывает на высшее в человеке, предупреждает нас, когда мы отходим от него.

Благодаря чувству собственного движения мы замечаем, что определенным образом общаемся с нашим телом. Хотя возможности общения ограничены, мы все-таки можем собственноручно и «собственноножно» двигать определенными мускулами. То есть в нашем теле заложены возможности движения, и мы их воспринимаем. Существует очень тесная связь между всеми нашими движениями и нашей биографией. В законченной биографии всегда сокрыт план, который был разработан человеком, задача, которую он перед собой поставил; чувство собственного движения можно было бы назвать чувством жизненной задачи, или чувством жизненной миссии. Мы увидели, что во время выполнения этой задачи время течет в противоположную сторону по сравнению с земным временем: это время движется из конечного пункта. Ведь задача выполняется не от момента рождения до момента смерти, а наоборот, от смерти к рождению. И благодаря этому мы «встречаем» то, что нам нужно. На Земле возможны только те встречи, которых мы действительно хотим. Неверно считать, что мы переживаем ряд важных событий, важных встреч, и лишь благодаря им осознаем нашу жизненную задачу. Все обстоит с точностью до наоборот: мы встречаемся с определенными вещами только потому, что у нас было намерение пережить их на Земле.

И, наконец, благодаря чувству равновесия мы выходим за рамки собственного тела. Мы снова возвращаемся в мир, поскольку равновесие можно удерживать только по отношению к полю тяготения, по отношению к чему-то иному, чем мы сами. Мы увидели, что устройство человеческого тела полностью зависит от органа равновесия, недаром мы стоим вертикально и прямо. Благодаря этому выпрямленному положению мы осознаем собственное существование, собственное бытие, в нас возникает чувство: Я есть (в оригинале ʒe-31:eʒep от 31eʒep — стоять, если переводить дословно, получается что-то типа «существовать», т.е. я «сущестою» — прим. пер.)\ У животных такого чувства нет! Только человек осознает, что он существует, только человек обладает самосознанием. При этом удивительно, что через осознание того факта, что я существую, я осознаю также и то, что другие вещи тоже существуют. Мы говорим не только «я существую», но и «нечто существует». Вы наверняка чувствуете, что если бы мы были всеохватывающим существом, которое все время бы меняло положение тела, мы никогда бы не смогли спокойно встать напротив чего-то и сказать: «Вот стоит дерево, вот там лежит камень!» Слово существовать невероятно тесным образом связано с нашей сущностью — стоящим существом! Мы бы никогда не смогли сказать, что другие вещи существуют, если бы мы не были стоящими существами.

Странным является также, тот факт, что только человек распознает вещи. Звери этого никогда не делают. Вы не должны думать, что обезьяна знает, что такое банан, или что белка знает, что такое каштан или орешек! Им этого и не нужно знать. Их инстинкт является их

«знанием». Животное, уже родившись, связано с вещами, оно никогда не противостоит им, оно абсолютно безошибочно с ними обращается. Маленькому утенку не нужно учиться распознавать, где начинается вода, и задумываться над тем, как же ему плавать. Утенок вообще не видит воду, он един с водой и поэтому сразу же может плыть. Утенок не говорит: «Я, вылупившийся птенец, нахожусь здесь. Вон там вода. Мы существуем оба, и я погружаюсь в воду». Удивительное свойство инстинкта заключается в том, что благодаря ему не нужен этот долгий обходной путь. Человек же устроен так, что он должен стоять прямо для того, чтобы осознать свое собственное существование — ас ним и существование всех других вещей. Когда мы удерживаем равновесие, мы находимся не только внутри собственного тела, но еще и заполняем пространство, пространство пробужденное™, которое связывает нас друг с другом. И как бы странно это ни звучало, человек должен заполнить это пространство. Когда ему не удастся это сделать, например, на корабле или на краю пропасти, ему становится страшно, ему становится плохо, он теряет основу своего существования. И вместо того, чтобы духовным образом заполнить это пространство Самодухом, он пытается заполнить его чем-то вещественным. Фактически, когда вас рвет, вы пытаетесь заполнить материей то, что вы на самом деле должны были бы заполнить духовным.

Давайте не забывать о том, что мы являемся не только прямостоящим существом с руками и ногами. Мы также можем лечь горизонтально на спину. Ни одно животное этого не может! Вертикаль означает: пробужденность, возможность глубокой инкарнации. Горизонталь означает: глубокий сон, возможность быть бесконечно далеко от своего тела, экскарнировать. На Земле мы готовимся к жизни на небесах, на небесах — к жизни на Земле. Животные же все время находятся в промежуточной области, в состоянии космического сна между Землей и Луной.

Перечисленные нами четыре органа чувств Рудольф Штайнер назвал телесными, или физическими чувственными органами, поскольку они дают нам знание и возможность ориентироваться в нашем теле. Посредством этих органов мы очень характерным образом связаны с нашим телом.

Теперь мы переходим к рассмотрению четырех совершенно других органов чувств: чувству обоняния, чувству вкуса, чувству зрения и чувству тепла. Вы увидите, что это именно те органы чувств, с помощью которых человек может связать себя с миром. Именно благодаря им начинается великая битва человеческой души с миром. Часто говорят, что именно с помощью этих чувств мы распознаем свойства вещей. Ведь действительно, существуют запахи, вкус, цвета и температура. Вы, наверное, скажете, что к этой группе органов следовало бы отнести и орган слуха. Но позже я объясню вам, почему слух является принципиально отличным органом, чувством совершенно другого порядка по сравнению с этими четырьмя, которые мы назовем душевными органами чувств.

Мы начнем с чувства обоняния. Мы все обоняем и можем задать себе вопрос, каким образом это происходит. Обоняние совершенно отлично от осязания.

Когда вы ощупываете, вы касаетесь чего-то и осознаете маленькую часть поверхности своего тела. При обонянии вы должны вдохнуть, вы должны то, что находится снаружи,

впустить внутрь себя. Ни с каким другим чувством у вас не возникает настолько отчетливого ощущения, что это не имеет ничего общего с ощущением границы. Обоняя, у вас никогда не возникнет ощущения, что вы вдруг на что-то наталкиваетесь! Напротив, у вас возникает отчетливое чувство ошеломленности, чувство, что вас застали врасплох. И это вполне понятно: вы не можете не дышать. Вы не можете сказать себе: «А вот теперь я ничего не хочу нюхать, теперь я минут на пять задержу дыхание!» Вас все время заставляют нюхать — вы можете не осязать, но вы не можете не вдыхать. В этом заключается особенность чувства обоняния, и она обусловлена тем, что вы привязаны к дыханию, которое кроме того передает запах в циркулирующую кровь. Этот принудительный характер является древнейшим свойством обоняния. Если запах присутствует, вы не можете отгородиться от него. Когда мы будем рассматривать чувство вкуса, мы увидим, что с ним все обстоит по-другому. Запах всегда овладевает вами целиком.

Но что же происходит в процессе обоняния? У вас возникает очень сильное желание раствориться. Когда вы что-то нюхаете, у вас возникает чувство, что вы — мешок, который абсолютно заполнен. У вас никогда не возникает ощущения, что запах проникает только к вам в нос. Это можно заметить, например, когда вы нюхаете острую горчицу. В этом случае задействуется также и чувство жизни, и вы ощущаете запах горчицы вовсе не в носу. Слизистая вашего носа раздражается, и жизненный принцип, благодаря которому вы воспринимаете боль, становится активным во всех органах чувств. Подобно тому, как вы можете чувствовать боль в глазу или ухе, вы можете испытывать и боль в носу. На самом деле, горчица почти не пахнет, но она вызывает боль, которую вы ощущаете в слизистой носа. Но когда вы нюхаете розу или что-то другое — это может быть и нечто неприятное, — все ваше существо с неизбежностью наполняется этим запахом. В этом есть что-то дурманящее. Вы сразу же теряете бодрствующее сознание. Вы все знаете, что происходит, когда вы заходите в комнату, которая наполнена странной смесью различных запахов: вы не можете по-настоящему общаться друг с другом, работать головой, заниматься умственной деятельностью! С другой стороны, удивительным свойством человеческой физиологии является то, что мы не можем обонять в течение долгого времени. По истечении нескольких минут в самой вонючей комнате мы перестаем ощущать запах. Другой человек, зайдя в комнату, может обратить на него ваше внимание, спросив: «Как ты выносишь этот запах?» Но мы сами снова начнем его ощущать, только если мы сначала выйдем, а потом снова зайдем в комнату. Характерной чертой человека является то, что с помощью органа обоняния он способен постоянно стирать из области восприятия дурманящие запахи, которые неприемлемы для него.

Теперь мы рассмотрим орган обоняния совершенно нормальным, физиологическим образом. Мы знаем, что чувство обоняния у человека развито плохо, в то время как у животных оно в целом развито очень хорошо. Конечно, существуют исключения, но в основном у животных прекрасное обоняние. Вы, наверное, сразу же подумали про собаку. Нам невозможно даже представить себе, насколько развито ее обоняние. Если бы здесь была собака, она бы ощущала здесь целую симфонию запахов (в симфонии тоже бывают диссонансы) — различные интервалы, ошеломляющие мелодии, мощные композиции. Мы понятия не имеем о том, что происходит, когда собака идет по следу, это просто загадка.

Возможности человека в этом отношении сильно ограничены. Существенной особенностью человека является то, что слизистая его носа, с помощью которой он воспринимает запахи, очень мала и слабо развита.

Поверхность слизистой носа представляет собой лишь один слой нервных клеток, из ядра которых вниз спускаются нервные волокна (так что в полости носа как бы находятся маленькие кисточки), а другие волокна поднимаются вверх через решетчатую кость к закрытому центру обоняния в головном мозге.

Все, что вам нужно запомнить, это то, что кожа слизистой представляет собой нечто совершенно особенное; она непосредственным образом контактирует с нервной системой, с «волосками», или, лучше сказать, с нервными клетками, которые непосредственно связаны с мозгом. Это самый короткий нерв из всех наших органов чувств. Сравните его, например, с глазом: путь от головного мозга до глаза намного длиннее. Или возьмем орган вкуса: расстояние от языка до мозга тоже довольно велико. Или осязание: пока еще сигнал дойдет до пальца ноги — это вообще очень долгий путь! Вы должны понять — все, что обоняет собака, когда она, принюхиваясь, бежит по улице, мгновенно «ударяет» ей в мозг. Запах проникает внутрь, в орган обоняния, который почти вплотную прилегает к мозгу. У животных с вытянутой мордой поток воздуха при дыхании проходит вообще гораздо ближе к области обоняния. У человека это не совсем так, поскольку у него полость носа находится выше ротовой полости.

Область, которой мы воспринимаем запахи, составляет лишь 5 см². А у овчарки — 150 см²! Это площадь блюда. Если же мы подсчитаем количество «обонятельных» клеток, то у человека их насчитывается 5 млн, а у собаки 220 млн; согласно подобным расчетам, собака в 44 раза лучше чувствует запахи, чем человек. Но, согласно фактическим данным, она ощущает запахи в миллион раз лучше. Это, возможно, обусловлено тем, что собака прежде всего «обонятельное» животное и постоянно в этом «тренируется».

У амфибий, например, а также у лягушек и саламандр мы можем различить передний мозг, промежуточный мозг и средний мозг. Они переходят в продолговатый мозг и спинной мозг. Передний мозг у многих низших животных, а также у птиц, имеет грушевидную форму. На втором рисунке вы видите не низшее животное, а млекопитающее. Это сразу видно по тому, что его передний мозг выглядит не как груша, а состоит из двух частей: одна часть обособлена. Если перед нами мозг грушевидной формы, можно быть уверенным, что это низшее животное. Все низшие позвоночные имеют передний мозг, который представляет собой единое целое. И лишь у млекопитающих центр обоняния становится отдельной частью переднего мозга: обонятельной луковицей. И если мы сравним между собой различных млекопитающих, мы увидим, что у медведя, например, эта обособленная часть еще очень велика. У собаки она тоже велика. Но у обезьян она уже становится намного меньше. Если же посмотреть на человека, то мы увидим, что эта обособленная часть, которая фактически выделена для восприятия запаха, становится лишь тонким отростком. Только такой очень тонкий отросток может использоваться нами для обоняния. Вы, вероятно, знаете, что в мозгу

есть извилины, различные мозговые доли, и этот маленький отросток является не нервом, а настоящей мозговой долей, только очень маленькой.

Какое же значение имеет то, что мозг низших животных устроен по-другому, чем у высших млекопитающих? Это указывает на то, что запах у низших животных играет действительно огромную роль, настолько огромную, что орган его восприятия еще не выделился в отдельную область мозга. Эти животные фактически полностью являются обонянием. Вы знаете, что животное непосредственно связано с Землей, с миром; и орган, через который осуществляется эта связь, — это орган обоняния. Можно провести параллель: обоняние = инстинкт, или инстинкт = обоняние, или же: инстинкт имеет особое сродство с органом обоняния.

Отсюда становится понятным, что животное неразрывно связано с миром и что в этой области инстинкт просто управляет животным. При этом происходят фантастические вещи. Лососи, например, возвращаются именно в тот ручеек, в котором они родились, в котором они появились из икры, поскольку у них есть орган обоняния. Если им каким-то образом перекрыть обоняние, ни один из них не найдет дорогу на родину. Вы только вообразите: животное, которое «знает», где оно вылупилось из икринки! Лососи живут в море, но они знают, каким образом через всевозможные реки, речушки и ручьи добраться к месту своего рождения. Подобное грандиозное дело возможно только благодаря чувству обоняния.

Вы, конечно, скажете: «Но ведь все-таки есть животные, которые абсолютно ничего не обоняют? Например, курица?» И все-таки мозг курицы имеет грушевидную форму. Для того, чтобы это пояснить, я еще раз обращусь к человеку. Мы различаем аудиалов и визуалов. Некоторые люди лучше что-то запоминают, когда они это видят написанным. Другие живут скорее в мире звуков, в музыкальном мире. Это мы всегда различаем. Мы все либо «зрители», либо «слушатели». Один человек более склонен к тому, чтобы помнить то, что он услышал, в то время как другой лучше помнит то, что увидел. Животные живут только в «ринарном» мире — это греческое слово для обоняния. Итак, существуют «люди смотрящие» и «люди слушающие». Но не существует никаких «обонятельных людей», только «обонятельные животные». Все звери — «обонятельные», даже курица. Когда она находит зернышко, она сначала, наклонив голову, смотрит на него правым глазом, потом левым и потом склевывает его. Но все равно, она его не видит; то, что она увидела, курица интерпретирует как запах. Вы можете это представить следующим образом: все животные, даже те, которые не нюхают внешне, должны все, что они видят, внутренне интерпретировать как феномен запаха. По-другому это вообще невозможно, это обусловлено структурой их мозга. Поэтому, как вы понимаете, чем меньше развито животное, тем сильнее оно привязано своими инстинктами к окружению. Когда животное развивается - - а млекопитающие значительно ушли вперед от других животных, — тогда обонятельный центр обособливается, оставаясь значительным у собаки, уменьшаясь у высших млекопитающих — меньше всего у обезьяны. У человека он становится совсем крошечным. Это видно также на эмбриональном развитии: сначала область обоняния довольно велика, потом все большее количество «нюхательных» клеток по краям отмирает.

Известно, что чем больше развито животное, тем лучше оно поддается дрессировке. Тогда становится возможным, независимо от инстинктов, делать с ним удивительные вещи. Вы об

этом знаете очень хорошо. Мы все время пытаемся выяснить, как ведет себя животное в различных ситуациях, когда мы можем его обмануть. Наука открыла, что чем меньше становится обособленная мозговая доля и чем больше становится мозг, тем больше становится шанс обмануть животное. Это не новое открытие, это нам уже давно известно.

Но вы видите, что существует большая разница между инстинктом и запахом с одной стороны, и интеллектом, знанием, которое освободилось от инстинктов с другой. Поэтому мозг нам нужен для того, чтобы научиться тому, что мы забыли. У низших животных нос понимает весь мир. У высших животных нос становится все меньше. У человека этот инстинкт вообще теряется, и вместо него у нас появляется восхитительный орган — большие полушария головного мозга. Он не специализирован, но охватывает, словно пантеон (от греч. *παν-θεοον* — все боги), все возможные специализации и различия.

Получается, что инстинкт в человеческом обонянии вообще не играет никакой роли? Конечно, нет: он играет роль, которую трудно переоценить. Вы когда-нибудь задумывались над тем, почему вы стали более-менее приличным человеком? Благодаря своему носу! Потому что мама говорила вам в детстве: «Это кака, грязное, фу-у!» Или же: «М-м-м, вкуснятина!» У животного вообще такой проблемы не возникает, а мы все должны этому учиться. Мы узнаем, что такое грязное; мы должны учиться отличать дурно пахнущее от приятно пахнущего. Если, например, принимать душ только раз в месяц, появляются запахи, которые являются негативными предупреждениями. В этом проявляется положительная роль обоняния.

Особые свойства носа, обоняния частично находятся глубоко в подсознании. Мы, например, легко и просто можем назвать определенное количество видов вкуса: кислое, горькое, сладкое. Но можем ли мы точно также назвать виды запахов? Это сложно! Конечно, мы можем сказать, что нечто пахнет как гвоздика, или как роза, или как сыр. Но тем самым мы не называем запахи. Мы находимся в настолько сонном состоянии в своем носу, что нам необходимо взять что-то конкретное из мира вещей для того, чтобы этой вещью назвать запах. Цвета же, напротив, мы можем разделять и нарисовать радугу. Для обоняния это невозможно. Вы можете только указывать на другие вещи для обозначения запахов. Как правило, мы все же проводим грубое различие: что-то пахнет хорошо или плохо. И это очень важное разделение, которое лежит в основе гигиены.

Как только нас настигает какой-то запах, мы сразу же выносим суждение: хорошее или плохое, грязное или испорченное, отвратительное или нет. Это замечательное деление. Но гигиена идет гораздо дальше. Дело в том, что глубокие религиозные понятия о том, что такое хорошо и что такое плохо, также сокрыты в нашем обонянии. На этом основывается и инстинкт животного. Животные «знают» абсолютно точно — и притом каждый зверь по-своему, — что для него хорошо, а что плохо. Они инстинктивно «знают» об этом. От этого зависит, выживут ли они.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО ОБОНЯНИЯ И ЧУВСТВО ВКУСА ЧАСТЬ 2

Я вам говорил, что все органы чувств являются или, по крайней мере, могут являться нашими истинными учителями. Хотя мы и можем всегда оставаться глухими или слепыми по отношению к чему-то. Как же мы называем людей, которые не хотят прислушиваться к обонянию как к органу чувств? Есть глухие и слепые, но не чувствовать запах — как это называется? У меня нет для этого никакого слова; это очень странная область, здесь почти все бессознательно. Но из того, что я вам рассказал, мы все-таки можем вывести, что основа, фундамент нашей моральности находится в области обоняния, запахов. Способность к суждению является характерной чертой и основой обоняния. И мы этим постоянно занимаемся в глубинных психологических слоях нашего существа. В нашем языке существуют замечательные выражения по этому поводу. Мы говорим: «Тщеславие дурно пахнет!» Также, когда что-то происходит не совсем честно, мы говорим, что оно «с душком». Когда мы даем характеристику чему-то метафизическому, мы тоже часто используем обонятельные образы. Как вы, например, представляете себе ад? Конечно, там темно, очень горячо, но в любом случае, там грязно. Черта мы тоже не можем себе представить чисто вымытым, это было бы абсурдно, не правда ли?

Когда вы читаете «Ад» Данте, вам приходится чуть ли не зажимать нос. А в вольфрамовском «Парсифа-ле» подробно описывается запах раны Амфортаса, и все травы на Земле не могут убрать ужасный запах греха Амфортаса. Читая это, не перестаешь удивляться тому, насколько хорошо раньше знали, что человеческая моральность источает совершенно определенный запах. И наоборот, невозможно представить себе рай без восхитительных запахов: роз, жасмина, пионов! И разве в месте отправления религиозного культа можно обойтись без запаха благовоний?

Из египетской «Книги мертвых» вы тоже можете очень многое узнать. Я вам уже рассказывал о том, что душу умершего взвешивали, а затем вводили в духовный мир. И там к нему подходили боги солнечной сферы. И знаете, что они делали? Они его обнюхивали! Самое первое, что необходимо определить у умершего, это степень его моральности. Древние египтяне это знали, поэтому высшие иерархии «обоняют» умершего, и все сразу же выясняется.

Мы должны быть очень благодарны этому органу, поскольку через него мы ощущаем ценность вещей на Земле. Мы бы никогда не смогли познать моральные ценности, если бы в раннем детстве не научились различать, что отвратительно, а что хорошо. Часто можно увидеть, как удивительные вещи появляются из грязи; это старый алхимический принцип. Именно через запахи у человека возникает моральный контакт с миром. Вы, конечно, понимаете, что мы не можем «внешним» носом унюхать, насколько морален человек; для этого нам понадобился бы «божественный» нос. Нет в нашем распоряжении и весов для взвешивания души. Но именно в наше время, когда у нас все чаще возникают сложности с распознаванием морального и аморального, мы должны развивать орган обоняния духовным образом. Мы позже еще раз к этому вернемся, когда займемся вопросом взаимодействия

органов чувств. Учитывает ли парфюмерная индустрия эти моральные аспекты, я не знаю. Боюсь, что нет. Дело в том, что именно из-за того, что запах и инстинкт имеют так много общего, существует очень сильная взаимосвязь между запахами и человеческими страстями. Вероятно, индустрия прежде всего занимается этим аспектом, который, конечно, может приобретать демоническую направленность: страстями людей, к которым прежде всего относится сексуальная жизнь. И все-таки, несмотря на сильнейшую взаимосвязь запаха с инстинктами и страстями, мы можем «научить» наш нос определять, что хорошо, что плохо. Даже когда вы рассматриваете картину или слушаете музыку, вы можете научиться «носом чують», испорчена она или чиста.

Давайте теперь задумаемся над тем, где же на самом деле находится этот маленький кусочек слизистой, с помощью которого мы ощущаем запахи. Вы знаете, что у человека он находится в совершенно определенном месте: в носу. У животных он может располагаться в других местах. Теоретически и у человека он мог бы находиться в другом месте, но он все-таки расположен в носу. Почему же он находится именно там? Что вообще выражает собой нос? Что такое нос в принципе? Вы как-нибудь можете посмотреть в зоопарке на обезьян. Тогда вы заметите, что на них немного противно смотреть, потому что у них чего-то не хватает: у них нет носа! Нос есть только у человека. Знали ли вы об этом? Как мало мы все же знаем об очень простых вещах; это же невероятно, что только у человека есть нос! Очень интересно и то, что у всех высших животных мозговая доля, отвечающая за обоняние, довольно сильно обособлена; но что у зверей не обособлено, так это нос. Нельзя говорить о носе по отношению к зверям, поскольку вся верхняя часть, верхняя губа и орган обоняния полностью срослись друг с другом. Короче говоря, у зверей — морда! Обезьяны приложили отчаянные усилия для того, чтобы у них образовалось лицо, но все же у них ничего не вышло.

Конечно, в природе встречаются удивительнейшие исключения. На о. Борнео живет носатая обезьяна (см. рис. на с. 85).

У нее есть нос, да еще какой: у самцов он напоминает тяжелый свисающий мешок, а у самок это фривольный остренький носик. Все другие обезьяны от этого решения отказались: лучше уж никакого носа, чем такой!

Что это означает? Почему у человека это получилось? Для того, чтобы это объяснить, я должен еще вам кое-что рассказать про нос. Вы знаете, что нос человека всегда очень характерен. У каждого свой особый нос, который является чуть ли не самой характерной частью человеческого тела. Это очень хорошо знают актеры - когда они хотят, чтобы их абсолютно нельзя было узнать, они могут сколь угодно сильно изменять голос, корчить какие угодно гримасы, но все равно мы узнаем, что это они. Но стоит им только слегка изменить форму своего носа с помощью маленького кусочка пластилина, и они исчезли. Публика их больше не узнает. Это очень странно, но мы сразу же узнаем друг друга по форме носа. Есть определенные дни, когда мы не хотим, чтобы нас узнали, например, на карнавале. И что же мы делаем? Вместо того, чтобы прятать уши или глаза, мы прячем нос! Мы надеваем такой большой нос, что наше лицо вообще перестает быть человеческим. Нам нужно избавиться от носа, поскольку наше Я, наша личность должна исчезнуть. Возьмите, например, клоуна. Образ клоуна в мире искусства возник из образа приговоренного к сожжению на костре. На пути к костру он был одет в балахон, белую рубашку, а на его шляпе были написаны ругательные стихи. Вот откуда возник наш клоун. Который, однако, должен распрощаться с

последним остатком человеческого достоинства: своим носом.

Орган, которому мы обязаны нашей моральной чувствительностью, находится в совершенно определенном месте. Он может находиться только в носу, поскольку человек именно там является поистине человеком. От колыбели до могилы форма нашего носа изменяется вместе с нашей личностью. Нос — очень человеческий орган.

Для того, чтобы сделать это еще более понятным, я прошу вас представить голову какого-нибудь хищника, например, льва. Это может быть и кошка. Когда вы в зоопарке сравните головы обезьян и головы хищников, вы обнаружите, что лев или кошка гораздо более похожи на человека. Отчего так происходит? Дело в том, что у льва почти что есть нос! Конечно, это не настоящий нос. И все же благодаря этому «носу» хищники выглядят так благородно, как никакие другие животные. Поэтому хищники так привлекательны: у них почти человеческое лицо.

Теперь я должен вам рассказать кое-что из оккультной науки. Изначально мы тоже были прежде всего «обонятельными» существами, человек также прошел эту стадию. Это состояние должно было измениться постепенно: мы должны были потерять инстинкты для того, чтобы стать свободными существами. Наша мозговая доля была обособлена от головного мозга и уменьшилась до современных ее размеров. В будущем все у человека снова изменится.

Ох уж эти «изменения»! Давайте попробуем вспомнить известный персонаж — царя Эдипа. Эдип стоит перед Сфинксом, который задает ему самый важный вопрос эволюции: «Что утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?» Эдип сразу же отвечает: «Это человек». Почему? Чаще всего в объяснениях говорится: потому что человек, будучи ребенком, ползает на четвереньках, потом встает на ноги и, наконец, когда он становится старцем, нуждается в палке. Я очень хорошо помню как в школе, когда я услышал эту историю, долго не мог понять, почему Сфинкс после такого простого ответа бросился в пропасть; это объяснение меня абсолютно не удовлетворило. Дело в том, что в мифах речь всегда идет об очень важных вопросах, а это объяснение было слишком поверхностным. Но уже у Платона можно прочитать, что во всех мифах существует два толкования: одно экзотерическое — для народа, и одно эзотерическое — для тех, кто стремится к более глубокому постижению. И поэтому у истории про Эдипа и Сфинкса также есть эзотерическая основа⁹.

Для того, чтобы ее прояснить, нам необходимо более подробно рассмотреть феномен развития, эволюции. Из антропософии мы знаем, что все, весь созданный мир, возник из духа, из божественной идеи или божественной мудрости, и все происходило в определенной последовательности. Сегодня принято считать, что в прошлом все обстояло точно так же, как и сейчас, и мы представляем минувшее в четких рамках. Но это неправильно! То, что мы сейчас воспринимаем органами чувств, было раньше гораздо больше наполнено жизнью, это касается также и неорганического мира, мира мертвой материи: Земля когда-то была живой. Эмбриология в сжатом виде позволяет нам увидеть, каким образом проходила эволюция человечества в целом. Сначала все очень подвижно, все формы текучи, прозрачны, и лишь постепенно они приобретают четкие очертания в растущем организме, который становится менее живым. Так возникают кости, которые вначале хрящевидны и мягки, и зубы.

Замечательно также, что совсем маленький эмбрион еще двупол; разделение на мужские и женские существа возникает позже. Подобным же образом мы должны представлять себе

эволюцию мира: как эмбриологическое развитие, развитие от живой подвижности к более мертвой структурности.

Рудольф Штайнер очень подробно описал этот процесс в своих книгах¹⁰. Так, он описывает, как в более раннюю эпоху истории Земли и человечества (он называет ее лемурийской эпохой), стихии твердой материи, воды и газа были еще не так разделены, как сейчас, поскольку все находилось в турбулентном, огненно-вулканическом движении. Человеческое тело в ту эпоху также было еще очень мягким и пластичным. Человек был существом, которое «плавало» в некой студенистой массе. И прежде всего, не было разделения полов, существо было мужчиной и женщиной одновременно, оно было гермафродитом (Гермес и Афродита); душа была не в состоянии сформировать эту бурлящую, жидкую материю по своим законам, и каждый человек мог самостоятельно, без помощи других людей, породить ребенка. Это все подробно описано и у Платона, только Платон помещает события в более позднюю эпоху, атлантическую.

В лемурийскую эпоху произошло очень важное изменение, поскольку большая часть вулканических образований сгустилась и отделилась от Земли, образовав Луну, которая и по сей день влияет на Землю извне. Наша современная Луна — холодный, потухший остаток изначально вулканического тела. Но и теперь Луна делает подвижными наши моря, вызывая приливы и отливы.

Таким образом, в конце лемурийской эпохи Луна отделяется от Земли. Благодаря этому все становится несколько более спокойным и более прохладным. Образуется осадок, осадочное отложение, и человек начинает передвигаться на двух ногах, другими словами: он выпрямляется. Две другие конечности становятся свободными руками, становясь предпосылкой возникновения цивилизации. Постепенно возникает разделение полов, теперь оплодотворение требует участия двух людей. Земля все еще по-прежнему «огненна», люди могут жить только в более спокойных областях. В конце концов Лемурия погибает в результате огненной катастрофы. Спасается только незначительное количество людей, и начинается новая эпоха — атлантическая.

В атлантическую эпоху почва становится еще тверже, человек ходит по ней как двуногое существо, которое все лучше научается использовать обе руки. Но мир еще полностью погружен в клубы тумана и водные пары. И лишь после гибели Атлантиды в результате Всемирного Потопа постепенно возникает знакомая нам, отчетливая картина мира.

Последняя фаза, в которой хождение на двух ногах достигает кульминации, — наша, постатлантическая эпоха, в которую мы сейчас живем. Представьте себе этот удивительный процесс: вначале все было мутным, в тумане и сумерках; и вдруг появляется чистый воздух, прозрачная вода, далекий горизонт; появляется радуга. Возникает прекраснейшее, что может произвести твердая материя: абсолютно прозрачные кристаллы. Лишь с этого момента мы можем говорить о твердой почве, которая возникает из чистого моря в виде скал. Человек может вдыхать свежий воздух; он пробуждается и видит прозрачную атмосферу, начинает любоваться игрой облаков и света. Сначала возникают светлые краски, постепенно человек начинает осознавать синеву неба. Появляется явное различие между жарой, которая порождается вулканами, и холодом: с неба спускаются белоснежные свежие кристаллы снега, на воде образуется слой льда, глубоко под землей скрываются кристаллы неорганического вещества. А между ними — зеленое царство растений, посредников между Солнцем и

человеком, царство, благодаря которому у нас есть пища и кислород — газ, которым мы дышим. Лишь начиная с этой эпохи, у человека, как и у всего остального на Земле, появляется четкий облик. Рождение из околоплодной жидкости на твердую землю напоминает нам о переходе от атлантической к постатлантической эпохе.

Постатлантическая эпоха раскрывается в семи последовательных периодах: древнеиндийском, древнеперсидском, ассирийско-халдейско-вавилонско-египетском, греко-латинском, во время которого сущность Христа объединилась с человеком Иисусом из Назарета. С 1413 г. мы живем в пятом, постатлантическом периоде, эпохе души сознательной. Затем последуют еще две эпохи, во время которых все снова изменится, станет более мягким, водным, более живым, т. е. некоторым подобием Атлантиды. Луна снова воссоединится с Землей, и разделение людей на два пола прекратится. Как же это будет выглядеть, когда человек будет ходить «на трех ногах»? Сейчас мы это узнаем.

Я покажу вам две картины. На них изображен человек, нарисованный алхимиками (см. цветную вклейку). На первой картине человек нарисован темным, это символизирует человека, прикованного к Земле, земного человека. На второй картине вы видите другого человека, который стоит в свете Христа: человека будущего. Из его сочащегося кровью сердца возносится птица Феникс. Очень странно, что ноги остаются темными, точно так же, как и правая рука, в то время как левая рука и голова становятся светлыми. Почему так? Раньше человек знал, что правая сторона человека вместе с ногами — это сторона, направленная к земле, в то время как левая сторона, на которой находится сердце, вместе с головой является космической частью человека. Перевязь, орденская лента через плечо, представляет собой напоминание об этом знании, хотя при этом часто путают правую и левую сторону.

Когда же в далеком будущем земное, физическое исчезнет (я скажу об этом кратко, в эзотерической литературе вы можете прочитать гораздо больше)¹², возникнет место для духовного. Это основополагающий закон: нечто духовное едва ли может проникнуть туда, где присутствует слишком много земной силы, где слишком силен материализм. Там, где в виде последней доли «инстинктивного мозга» находится наш последний инстинкт, обоняние, человек работает над тем, чтобы у него возник новый орган. Этот орган мы назовем «двухлепестковым цветком лотоса», или же «лобной чакрой», или же «аджной»¹³. Несмотря на то, что пространство является очень сложным понятием в духовном мире (его нельзя выражать в сантиметрах), мы можем сказать, что двухлепестковый цветок лотоса возникнет на том месте, откуда постепенно исчезнет орган обоняния. И этот двухлепестковый цветок лотоса уже сейчас является тем органом, с помощью которого мы можем формировать и высказывать суждения. С помощью этого органа мы можем отличать существенное от несущественного и доброе от злого.

Представьте себе следующее: вы купили картину, чудесную картину. Каждое утро, когда вы просыпаетесь, вы радуетесь, и так продолжается до тех пор, пока она вам не надоест. В полном отчаянии вы спрашиваете себя, что за ерунду вы купили — вы высказываете совершенно другое суждение о ней. В другой раз вам может повстречаться что-то, что кажется вам совершенно не важным. Знакомый дарит вам совершенно невозможную книжку. Вы ее сразу же закрываете, потому что это полная чушь. Как-то вы слоняетесь без дела и лениво еще раз открываете ту же самую книжку. И вдруг вы видите несколько предложений и думаете: «Ну надо же, как странно, что здесь написано именно это!» И вы читаете ее с начала до конца и

понимаете, что она безумно интересна. Суждение о том, что существенно, а что нет, возникает очень постепенно. Молодым людям сложно это понять. Молодежь часто выносит суждение слишком быстро, пожилые люди в большинстве случаев не спешат так, потому что они уже выяснили на собственном опыте, что скорое суждение не всегда является самым лучшим. Скорое суждение складывается при помощи земного мозга, в то время как вынесение суждения с помощью «органа будущего» длится несколько дольше.

Если мы теперь еще раз взглянем на вторую картину, мы поймем, что это картина будущего, в котором мы постепенно переживем состояние, зеркальное по отношению к лемурийской эпохе. Вы уже поняли: не стоит думать, что на Земле все останется точно таким же, как и сейчас. Земля проходит разнообразные стадии, и сегодняшнее твердое состояние тоже пройдет. Этот процесс начался с ледникового периода. Никто не знает, почему возник ледниковый период. Теперь мы переживаем нечто противоположное ледниковому периоду, во время которого среда становилась тверже и тверже. Теперь постепенно становится все теплее и теплее, лед тает, ледники становятся меньше и меньше. Вы, вероятно, можете себе представить, что в будущем климат станет намного мягче, в мире будет больше воды и все станет более живым, подвижным. Мы переживем состояние, зеркальное по отношению к лемурийской эпохе. Конечно, человек не вернется к своему прежнему облику, но с ним произойдет определенная метаморфоза. Наш организм изменится так, что мы снова окажемся в состоянии плавать. Но теперь мы будем продвигаться вперед не с помощью четырех конечностей, поскольку от нас останется только левая сторона. Останется все, что находится слева, включая голову (которая будет выглядеть совершенно по-другому: головной мозг потеряет свое значение, современный интеллект станет нефункциональным). Левая рука, космическая рука, «сдвинется» назад, в ту область, где теперь находятся наши ноги. Она будет несколько напоминать хвостовой плавник; в будущем мы будем двигаться вперед, управляя левой рукой. К тому времени, когда интеллект человека будет преодолен, у нас вырастут два лепестка цветка лотоса. Это и будут две новые конечности. С их помощью мы будем ориентироваться в новом мире: это будет орган ориентации между добром и злом, наш внутренний компас, так это лучше всего назвать. Подобно тому, как у нас сейчас есть совесть, которая возникла из прошлого на основе нашего опыта, так в будущем новая совесть возникнет из той области, с помощью которой мы будем продвигаться вперед. Это и есть человек будущего, о котором идет речь в истории про Эдипа. Таким образом, сначала, в раннюю лемурийскую эпоху, люди двигались с помощью всех четырех конечностей, сегодня люди Земли передвигаются по твердой поверхности с помощью двух ног, а люди будущего будут иметь три конечности: двухлепестковый цветок лотоса и левую руку как орган движения, — и при этом они будут снова перемещаться в водной среде.

Несколько фантастическая история, скажете вы; смещениями можно, конечно, объяснить все, что угодно! Но когда мы позже будем разбирать глаз и ухо, вы увидите, что в эмбриологии, т. е. в развитии человека от рождения до смерти, нас ждут еще более удивительные вещи. Как бы то ни было, вы понимаете, что вся эта история связана с той частью человеческой души, которая способна выносить суждение по поводу добра и зла. И эта способность в более или менее развитом виде есть у каждого человека. В антропософии эта часть души называется душа сознательная. Я вам говорил, что сегодня и завтра мы будем разбирать душевные органы чувств. Мы увидим, что эти четыре органа чувств — обоняние, вкус, зрение и чувство

тепла — вызывают в душе совершенно определенные суждения. Орган обоняния с помощью заложенной в нем способности ощущать запахи помогает высказывать суждения о добре и зле. Область души, способную к подобным суждениям, мы называем душой сознательной. Если вы более глубоко займетесь антропософией, вы узнаете, что развитие человечества можно разделить на временные эпохи продолжительностью 2160 лет. Это составляет У12 так называемого платонического года, в течение которого точка весеннего равноденствия, место восхода Солнца во время равноденствия, проходит через весь Зодиак. В настоящее время мы живем в эпоху души сознательной, астрологически — под знаком Рыб. В эту эпоху перед каждым человеком стоит задача научиться выносить четкое суждение о том, хорошо нечто или плохо; человек должен говорить не о том, осуществимо ли нечто в принципе или нет, а давать четкий ответ да или нет на вопрос: является ли это моральным?

Поэтому атомные станции и загрязнение мира представляют собой целую проблему. Мы не можем продолжать бесконечно задействовать наш мозг и при этом обращать внимание только на то, осуществимы ли эти вещи в принципе. Если мы будем обращать внимание не только на осуществимость придуманного нами, все вдруг приобретет моральную ценность. И тогда мы сможем задать себе вопрос: обходимся ли мы с вещами по совести, морально — да или нет? В этом и заключается специфика души сознательной. Человек должен сам развить в себе новый инстинкт, т. е. новый орган обоняния: двух-лепестковый цветок лотоса. От этого зависит наше будущее. С его помощью будет вестись великая битва между моральным и аморальным в нашу эпоху.

Задумайтесь, и вы заметите, что в наше время очень сильны противодействующие силы. Так было всегда: когда возникает нечто новое, сразу же делается попытка его разрушить.

Противодействующие силы делают все, чтобы разрушить моральное чувство человека¹⁴. Вы и сами это постоянно наблюдаете: сейчас высочайшей моралью считается то, что делает большинство людей — Со51 Гап ШШ, — т. е. что все делают. Раньше моралью всегда было то, что делало очень небольшое количество людей — мораль возникала тогда, когда у отдельных людей появлялись глубокие прозрения. Сегодня же мы смотрим на то, каким является общепринятое отношение к какому-нибудь вопросу, и это становится общепринятой моралью. Это особенно отчетливо видно по отношению к таким проблемам, как аборт и эфтаназия. Там можно наблюдать яростный штурм противодействующих сил на новый орган морального суждения, который должен развиться и который пока присутствует лишь в виде зародыша. Вы это наверняка чувствуете: моральное суждение никогда не возникает в большой толпе; это нечто индивидуальное, нечто, за что каждый сам должен нести ответственность. Ни один человек никогда не сможет успокоить свою совесть, сказав, что другие делают точно также. Каждый из вас может ощутить это на себе.

Все, о чем мы говорили в отношении органа обоняния, определенным образом связано с Водолеем (~). Водолей является образом человека в Зодиаке. Мы уже говорили о том, что человеческий нос очень индивидуален. Нос является выражением человека. Вся эволюция человечества заключена в этом органе: наша эволюция от инстинктивного существа, которое полностью связано с природой, до самостоятельного индивидуального существа, которое может высказывать суждения. Существа, которое в качестве последнего оставшегося инстинкта имеет возможность обонять, чтобы развить в себе способность высказывать суждения в отношении добра и зла с помощью нового формирующегося органа:

двухлепесткового лотоса. Когда это произойдет, человек станет способен оросить Землю, спасти ее. Водолей — это образ развивающегося человека.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО ОБОНЯНИЯ И ЧУВСТВО ВКУСА ЧАСТЬ 3

• 13 мар, 2010 в 21:24

Теперь мы обратимся к вкусу. Здесь перед нами совершенно иной орган. Мы уже говорили, что вы вынуждены обонять, поскольку привязаны к дыханию. Ваш нос (если его не зажимать пальцами) всегда открыт. Морские котики могут его закрывать, а мы — нет. Со ртом все обстоит несколько по-другому. Он в гораздо большей степени является вашей частной собственностью, вашим личным пространством. Когда мы что-то хотим попробовать, необходимо сначала открыть «дверцу». Для ощущения вкуса необходимо, чтобы мы сначала что-то допустили внутрь себя. Вы когда-нибудь над этим задумывались? Запах проникает к нам внутрь безо всяких позволений, а вот вкус — нет. Это очень просто и так целесообразно. Вы, конечно, можете считать по-другому, но в любом случае все в человеке хорошо, все позволяет чему-то проявиться.

Вкус проявляется «за закрытыми дверями». Вкус нас не захватывает врасплох. Вы не связаны жестким образом с природой посредством вкуса. В то время как запахи могут непосредственно вызвать у человека определенные эмоции и страсти, вкус этого напрямую никогда сделать не может, мы всегда должны еще что-то добавить. Это можно сделать на кухне: разогрев, размочив или растворив. Но это может произойти и во рту. Не все — песок, например, нельзя попробовать на вкус, поскольку он не растворяется, — но многое. Возьмем, например, сахар. Сухой кусочек сахара безвкусен, но если его растворить, он очень приятен на вкус. Но с помощью чего он растворяется? С помощью слюны, с помощью того, что добавили мы сами. Мы должны сделать шаг навстречу субстанции. Слюна, которую мы добавляем, всегда соответствует тому, что мы положили в рот, подобно тому, как мы по-разному встречаем разных людей. А еда, ощущение вкуса — очень интимное дело. Можно выразиться так: когда мы пробуем что-то на вкус, мы начинаем интимный разговор с веществом. Этого нельзя утверждать в том случае, когда мы, например, нюхаем розу. Мы ничего не привносим в этот запах. Мы сами становимся целиком и полностью розой! Но в отношении вкуса это не так. Мы ведем разговор с тем, что мы едим. Это совершенно иная область отношений.

Конечно, мы ко всему можем относиться логично. И тогда мы говорим, что рот — это начало процесса пищеварения. Поэтому вы понимаете, что все, что вы кладете в рот и пробуете на вкус, все то, с чем вы «ведете беседу», и есть то, что вы едите, принимаете как пищу. И эта пища становится частью вас. С запахом все по-другому, мы не можем жевать

запах. Здесь материя не становится частью нас, мы чувствуем какой-то запах, и вот он уже исчез. Роза, запах которой мы вдыхаем, лишь на мгновение оказывается «внутри» нас. Но со вкусом все происходит не так быстро. Хотя мы не можем сказать, что мы долго ощущаем вкус, но мы ощущаем вкус того, с чем мы будем долго взаимодействовать. Речь идет о пище, которую мы принимаем внутрь, о том, чем мы, можно сказать, становимся. И требуется много времени, чтобы понять, чем же мы станем. Поэтому нам необходимо провести обстоятельную и подробную «беседу», прежде чем до этого дойдет дело. Отвечать за знакомство должен очень активный и подвижный, внимательно за всем следящий язык. Мы можем назвать его «стражем порога». Страж на пороге, который встает перед тем, что является частью макрокосмоса — природы, и что в скором времени должно стать нашим микрокосмосом.

Тщательное пережевывание пищи чрезвычайно важно: благодаря ему происходит интимная встреча человека с пищей. Наша слюна заботится о том, чтобы дальнейшее переваривание происходило хорошо. Нет ничего более вредного, чем «кусочничество», чем метод «схватил-оторвал-проглотил», к которому так часто приучают детей. Насколько бы питательной ни была пища, которую мы ставим перед детьми, если мы слишком вольно обращаемся с кашами и фруктовыми соками, мы отучаем детей от привычки все хорошо пережевывать. А ведь двухлетний ребенок уже способен с большим удовольствием грызть хлебную корку.

То, что чувство вкуса является чем-то интимным, мы ощущаем также и по-другому. Не случайно мы считаем неприличным, когда кто-то высовывает язык. Этим жестом выражается зло: змея с раздвоенным языком или же злой волк. Хотя в определенной степени мы к этому привыкли, нам даже приятно видеть, когда наша собака выражает свое настроение с помощью языка и виляния хвостом. Но если бы мы увидели это впервые, мы бы в ужасе убежали. У царственных зверей, таких как лев, тигр и даже у кошки, это просто невозможно.

Каким же конкретно образом мы используем орган вкуса для того, чтобы, проверив и попробовав на вкус, сделать часть макрокосмоса частью нас самих? К сожалению, никакой орган чувств не является настолько испорченным, как орган вкуса. Это началось давно, уже в раю. Представьте себе соблазнение в раю с помощью запахов или же соблазнение, скажем, восхитительным образом змеи! Это невозможно. Змий должен был использовать орган вкуса, поскольку когда ему удалось овладеть этим органом человека, он уже смог добиться очень многого. Вкус — орган, с которым мы, к сожалению, разучились правильно обращаться.

Когда я вас спрашиваю, каково это на вкус, вы отвечаете: «вкусно» или «невкусно». А это и есть грехопадение! Вы можете долго спорить по поводу реальности грехопадения. Но вывод тут может быть только один: конечно, грехопадение совершилось, поскольку мы чувствуем, что вкусно, а что невкусно. Но разве это может входить в намерение Создателя, чтобы мы ощущали, что вкусно, а что нет? Разве это каким-то образом связано с реальностью? Конечно, нет. Вы должны понять, что, когда вы пробуете что-то на вкус, вы воспринимаете часть космоса, которая затем станет частью вашего тела, то есть того инструмента, с помощью которого вы можете действовать в космосе. Когда вы пробуете пищу на вкус, вы должны ощущать, соответствует ли пища этому инструменту. Но из этого ничего не выходит. Почти ничего — я могу вас утешить: если человека в течение нескольких месяцев кормить

французскими закусками, то в конце концов ему захочется простого хлеба с сыром и стакан воды! Разве это не трогательно? Таким образом, хотя человек и несколько туповат в этом отношении, он все-таки может кое-чему научиться. Если человек в течение очень длительного времени ест нечто вредное, в нем пробуждается стремление к здоровой пище. Когда он снова пробует кусок сыра с хлебом, запивая его водой, он ощущает: «Да, ничего более вкусного я в жизни не ел!»

Существуют определенные моменты, когда человек снова по-настоящему ощущает вкус. Это иногда происходит после болезни, когда человеку долго нельзя было есть и вот теперь ему дают суп. Что же он ощущает тогда? Нечто иное, чем просто «вкусно»! Он чувствует, здоровая это пища или нет. И только это является истинной характеристикой, которую должен определять орган вкуса: является ли пища здоровой или нет. Правила приема пищи сейчас в основном забыты. Это начинается с детства, с привычки лакомиться. Мы можем попытаться вновь сделать орган вкуса дееспособным, если мы будем, принимая пищу, обращать внимание не на то, вкусная она или нет, а на то, здоровая ли это пища. Должна возникнуть новая диетология. Речь идет не о таблицах, на которых указано абсолютно все, касающееся количества витаминов и углеводов. Речь идет именно о развитии нашего собственного органа вкуса; только в этом есть смысл, поскольку это исходит из нас самих, а не предписывается книжками. Поэтому единственный вопрос, который имеет значение при развитии этого нового органа вкуса, звучит так: «Это здоровая пища или нет?» И когда вы научитесь сами находить ответ на этот вопрос, вы сможете разрабатывать для себя диеты. Это связано прежде всего с качеством, но также и с количеством. Дело в том, что вы постепенно можете научиться определять, сколько вы должны съесть. Врач и психиатр Цейльманс ван Эммиховен (1893—1961), первый председатель Голландского антропософского общества, всегда говорил: «Мы абсолютно точно знаем, когда нам нужно съесть еще одну ложку, а когда еще одна ложка будет лишней!» Я всегда говорю — «ложка Цейльманса»; с этого начинается самоограничение: сколько мне действительно требуется, сколько жидкости я должен выпить после еды? Подобные ограничения очень важны и в духовной сфере. Можно съесть слишком много в духовном смысле. Это означает, что хотя я много узнал, я хочу знать еще больше. Наша культура уже давно больна от слишком большого количества информации. С духовным пищеварением давно все очень плохо! Для того, чтобы определить нашу норму, может помочь второй орган чувств, чувство жизни.

Благодаря вкусу были обнаружены все лекарственные средства. Первые собиратели трав выходили на природу и пробовали на вкус: воздействует ли это растение на печень, почки или на глаза. И это суждение, которое было получено на основе вкуса, снова должно стать нашим учителем в заботе о здоровье.

Область, благодаря которой мы оказываемся в состоянии развить здоровое понимание, в антропософии называется душой рассудочной, или душой характера. Это очень сложное понятие. Но если вы вспомните о том, что мы называем «здравым смыслом», у вас появится некоторое представление об этом. Порой мы путаем рассудок с интеллектом, хотя зачастую интеллект оторван от рассудка, но глубоко внутри мы все-таки всегда помним о нашем здоровом рассудке. Иногда это знание проявляется в том, что мы чувствуем, когда происходит

нечто бессмысленно-глупое, определяем, есть ли в чем-то смысл, есть ли в этом что-то здоровое. Отсюда и название — душа рассудочная, или душа характера. Она, как я уже сказал, не имеет ничего общего с интеллектом. Но она связана не только с характером, поскольку наш характер бессознателен, а душа рассудочная находится между сном и пробуждением. Она находится посередине человека, это то последнее, что осталось у нас со времен рая, последний маленький компас, который говорит нам: «Это здорово!» или «Это нездорово!»

Характеристики вкуса мы можем назвать уже гораздо более осознанно, чем характеристики запаха. Мы различаем соленое, кислое, сладкое и горькое. Соленое — наиболее конкретное: вкус соли. Сладкое, кислое и горькое являются гораздо более абстрактными характеристиками. Многочисленные вкусовые поры на поверхности языка могут воспринимать все различные виды вкуса. При этом на кончике языка мы лучше различаем кислое, сладкое и соленое, а горькое как раз наоборот, у корня языка. В центре языка находится круговая область, которая вообще не воспринимает вкус. Когда доктор прописывает нам горькие таблетки, которые покрыты сладкой облаткой, лучше их не сосать, как леденцы, поскольку тогда мы почувствуем неприятную горечь у основания языка при глотывании.

Давайте теперь более подробно рассмотрим четыре вида вкуса. Мы начнем со сладкого, ибо что бы мы делали без «сладостей жизни»! Если подержать во рту муку, которая безвкусна, то через несколько минут она станет сладкой! Эту метаморфозу осуществляем мы сами с помощью возможностей нашего пищеварения: мы делаем пищу приятной для нас. С кислым это более сложно — нам приходится напрягаться, чтобы вынести этот вкус. Когда мы едим кислое, в нас что-то сжимается. С солью все оказывается совсем сложно, мы можем вынести только совсем маленькое количество соли. Вы можете съесть целую тарелку сахара, и это вам понравится, тарелку кислого, уже с трудом, но тарелку соли вы никогда не съедите, это невозможно. Нам нужно очень мало соленого, то же самое верно и в отношении горького. И все-таки это нам нужно: еда без соли нам не нравится. Вы, наверное, знаете сказку о принцессе, которая сказала, что она любит своего отца, как соль в каше. За это ее изгнали. И лишь много лет спустя, когда ее отец, не зная, кто она, был у нее в гостях, она дала ему кашу, в которой не было ни крупинки соли. Тогда он понял, насколько сильно дочь его любила.

В то время как сладкое связано со средней областью человеческой души, с сонной, не совсем осознанной ее частью, кислое уже пробуждает нас: оно освежает. Не случайно маленьким детям сначала дают сладкое и лишь потом кислое. С соленым приходится ждать еще дольше — для младенцев оно даже может быть опасным для жизни. Соль действует очень пробуждающе, это знают хорошие повара. В блюдо необходимо добавить именно столько соли, чтобы проявился вкус, сокрытый в пище. Соль сама по себе не должна чувствоваться. Сладкое и кислое вкусны сами по себе, в то время как соль позволяет проявляться другим вкусам. Яйцо само по себе практически безвкусно. Если же добавить соли, тогда я ощущаю не соль, я начинаю лучше ощущать вкус яйца! Это очень странная вещь.

Теперь мы совершим скачок, следите за моей мыслью. Соль связана с мышлением. Мышление объясняет все остальное, забывая себя. Мышление никогда не занимается самим собой, оно все время занято другими вещами. Когда я рассматриваю одуванчик и высказываю

свои мысли насчет одуванчика, я говорю не о самих мыслях, я говорю об одуванчике. И если я делаю это хорошо, тогда вы начинаете лучше понимать, что такое одуванчик. Я как бы «посыпал его солью». Человек, который, в отличие от животного, является мыслящим существом, связан с солью. Вы наверняка знаете, что римские легионеры («солдаты») не сражались, если они, кроме жалования («соль-до»), не получали еще пачку соли. Соль латыни «sal». От него происходит, например, английское слово «заплата» — зарплата, в Швейцарии это же понятие называют словом «5а1аг»! Таким образом, соль связана с мышлением. Кислое, напротив, действует пробуждающе, освежающе. Сладкое помогает нам хорошо себя почувствовать. Горькое в конечном счете всегда требует волевого преодоления; приходится всегда задействовать свою волю, чтобы съесть горькое. Поэтому маленькие дети ни за что не хотят есть горькое, зато когда они подрастают, они могут с гордостью заявить: «А сейчас мне цикорий даже нравится!» Если они уже способны его переносить, то это означает, что они продвинулись в своем развитии. Человек должен быть способен проглатывать горькие пилюли. Здесь справедлив тот же принцип, что и при боли в отношении чувства жизни. Мы бы ни когда не смогли стать людьми без боли, без огорчений, без необходимости прилагать усилия. Все это укрепляет нашу волю. Если давать ребенку только сладкое и никогда не давать горькое, он никогда не станет сильным.

До сих пор мы говорили о вкусе в узком смысле этого слова: о том, что мы воспринимаем из мира. Но вкус также связан и с тем, что исходит от нас. Вспомним тот удивительный факт, что мы говорим с помощью того же органа, с помощью которого едим. По возможности, конечно, не одновременно. Но со вкусом рассказанная пикантная история нравится нам гораздо больше, чем сухое повествование, пресное и безвкусное. В этой сфере мы пользуемся замечательными характеристиками: мы говорим о медоточивых устах, горькой правде, соленых словечках. Мы распознаем горькие и даже ядовитые замечания.

Но это еще не все. Задумайтесь над тем, каким образом в мире появляется качество. Мы все знаем, что означает «у кого-то хороший вкус». Говоря это, мы не имеем в виду, что человек точно знает, каким на вкус должно быть настоящее печенье. Мы имеем в виду, что он умеет красиво одеваться, что его комната или его дом хорошо обставлены и т. д. На самом деле очень странно, что мы в абсолютно другой области почему-то пользуемся выражением «хороший вкус». Отчего это происходит? Я вам уже рассказывал, что когда мы пробуем что-то на вкус, мы находимся как раз на границе, где вещество, которое пока еще является частью внешнего мира, должно стать частью внутреннего мира, должно стать ассимилированной субстанцией. И что же мы определяем на вкус? Подходит ли нам это вещество, полезно ли оно для нас или же вредно. Так что же является самым существенным в пище, про которую мы хотим знать, является ли она полезной или вредной? То, способствует ли она построению нашего тела. Вы можете сравнить процесс приема пищи с процессом оплодотворения — оба даруют жизнь.

Пробуя на вкус, мы проверяем, каким образом мир нас оплодотворяет, а также то, нравится нам это или нет. И ощущая вкус, мы ощущаем именно этот поворотный пункт, в котором происходит переформирование нас миром. Так что же я делаю, одеваясь тем или иным образом? Что я делаю, обставляя свою комнату или же разговаривая с другим человеком? Во

время еды я разрушаю жизнь; говоря, я оживляю смертоносный выдох, углекислый газ, то есть я строю, оплодотворяю мир. Дело в том, что не только Космос строит нас, защищает, ограждает, но и мы всегда даем ответ — словом или действием. Этот ответ и есть наша культура. Когда мы говорим о культуре, мы всегда в том числе подразумеваем и вкус.. Сделано ли нечто со вкусом? То есть, с одной стороны, космос дарит нам вещества, которые мы принимаем и которые мы на этой границе между микро- и макрокосмосом пробуем на вкус. С другой стороны, мы дарим миру нечто подобное, что мы называем тем же словом — вкус; подобно тому, как мир нас одевает, мы также одеваем мир. Более точно выражаясь: подобно тому, как мир преобразуется в нас из макрокосмического в микрокосмическое вещество, точно так же и мы все время изменяем мир. Именно это и называется вкусом.

Вы замечаете, что вкус проникает гораздо глубже, чем запах. Если, например, посмотреть в Библии на самые сильные метафоры, то можно заметить, что ими являются метафоры голода и жажды. Когда вы хотите выразить нечто очень глубокое, тогда вы берете для сравнения образы голода и жажды, то есть того, что на первый взгляд кажется совершенно внешним. И все же трапеза является священнодействием, подобно тому, как возникновение культуры тоже в действительности является священнодействием: сначала мир насыщает человека, потом человек насыщает мир. Есть чудесный египетский рисунок, на котором показано, как фараон пьет молоко небесной коровы.

Мы питаемся благодаря миру не только в смысле еды, все гораздо глубже. Мы уже говорили, что мы усваиваем вещества. Но существует и учебное вещество, учебный материал. Поэтому мы можем глотать и книги. И, естественно, бывают неудобоваримые книги и лекции. То есть речь идет о том, что мы не проводим различия между пищей земной и духовной пищей. В принципе они суть одно. Я считаю, что об этом замечательно высказался Ангел Силезский: «Хлеб сам нас не питает. То, что питает нас в нем, есть Слово Божие, есть Жизнь и Святой Дух».

Было бы иллюзией считать, что атомы или вещества сами по себе могут сделать нас здоровыми. Мы исцеляемся только благодаря процессам оплодотворения, плодотворного влияния. А это иногда может быть очень горьким. Разве не странно, что жизненный опыт, жизненные испытания мы также описываем с помощью выражений, которыми мы описываем вкус? Горький опыт, кислая физиономия, девочка-конфетка. Очень интересно, что в Древнем Египте, где культура во многом зависела от Нила, у них было одно и то же слово для обозначения понятий «корабль», «жизненный опыт» и «вкус». Это же очень странно: одно и то же слово для корабля, который плавает по Нилу, для вкуса, который мы чувствуем на языке, и для жизненного опыта, который мы приобретаем благодаря нашей судьбе. Судьба является высшим способом оказывать плодотворное влияние на человека. Поэтому при всех испытаниях, которые нам выпадают, необходимо задавать себе вопрос: не является ли это переживание моей «пищей»? Не могу ли я также черпать духовные силы из трагичных или же горестных событий? Вы знаете, что наибольшей целебной силой обладают горькие вещества. Не можем ли мы стать более сильными и крепкими благодаря неприятным событиям нашей жизни?

Это то, что я хотел рассказать вам о вкусе. Знак Зодиака, который связан со вкусом, — Рыбы (К). Это понятно уже по облику рыб. Вкусовые клетки, которые у человека находятся на языке, у рыб могут быть расположены по всему телу, обратите внимание — с внешней стороны. Таким образом, рыбы являются плавающими языками. Для проверки качества питьевой воды рыб используют в качестве экспертов. Интересно, что продукты половых желез — молоки и икра — занимают столь много места, что во время нереста они выбрасываются в огромных количествах.

Знак Рыб кроме того является знаком Христа. Христос является Исцелителем, рыба также связана с исцеляющим элементом мира. Вы все знаете историю о Товиде, в которой это детально рассказывается¹⁵. Поэтому в биологически-динамических хозяйствах очень осознанно обращаются с оздоравливающим элементом земли и космическими исцеляющими силами. Благодаря этому пища становится по-настоящему здоровой. Конечно, приятно, когда пища еще и вкусна, да и поеденные тлей листья никого особо не радуют. Но так ли это важно на самом деле? Выживет ли человечество, если мы будем обращать внимание только на это? На самом деле имеет значение, останется ли у нас достаточно жизненных сил. А также: оставляем ли мы шанс тому существу, которое оказывает на нас плодотворное воздействие и помогает в формировании нашей судьбы. В этом состоит наша задача: построить христианскую культуру. И это снова является вопросом «хорошего вкуса».

И с этой точки зрения более правильным было бы говорить не о «естественном» питании. Мы не едим никакой естественной пищи. Это делают только животные. Мы едим «культурную» пищу. Сельское хозяйство — это тоже культура. Необходимо только задаться вопросом, хотим ли мы, чтобы наша культура была здоровой или же вредной для здоровья. Именно посредством здоровой культуры возникает «здоровая культурная пища», которую мы едим. Культура и культ снова должны стать одним и тем же.

В конце я хотел бы сказать еще вот что. Речь идет не только о том, откуда происходит пища, но также и о том, что мы с ней делаем. Задумайтесь: почему мы не едим цветы? Ну, конечно, цветы сирени или акации можно добавлять в муку, и иногда лепестки попадают в варенье. С другой стороны, мы же едим цветную капусту! Но никто не станет ее предлагать в качестве праздничного букета. Что же мы на самом деле едим? Некоторые скажут: углеводы, белки, жиры и минералы. Но я их никогда не ел, мне знакомы только блюда. Это нечто приготовленное. Прежде чем они попадают на стол, их нужно готовить на кухне. И в кухне самое главное — огонь. Без огня культура немислима. Сначала на поверхности Земли все «поджаривается» на огне Солнца. Что Солнце делает с нашими растениями? Если мы не вмешиваемся и не срываем их, то оно ведет растения через стадию цветения и дальше. Цветы являются прекрасным образом Солнца. Что же мы делаем на кухне? Когда мы варим корни, листья, стебли, мы их «превращаем в цветы». И все приготовленное мы подаем на стол в тарелках и пиалах из тонкого фарфора, которые тоже прошли через огненный процесс и на которых нарисованы красивые цветы. И наконец, мы ставим букет полевых цветов на скатерть с нарисованными на ней цветами. Вы уже все поняли: мы не едим цветы, но мы все превращаем в «процесс цветения». Мы так расставляем блюда на столе, чтобы они радовали глаз, подобно цветам на лугу.

Теперь вы понимаете, насколько еда является выражением нашей культуры. Наша каждодневная еда поднимает нас над обыденностью. Ведь мы сами становимся частью процесса цветения: за столом мы учимся быть цветком. Есть мало мест, в которых не положено ссориться: в храме, на кладбище и за столом! Ссоры и демонстративный уход из-за стола портят трапезу и нарушают общую атмосферу.

Можно сказать, что за столом встречаются три культуры. В отношении тела — это культура приготовления пищи. Она относится к прошлому. В душевном смысле — это культура украшения жилища, комнаты, скатерти, столовых приборов, а также наша одежда и поведение за столом. Это настоящее. Для духа — это культура нашего разговора, что означает общительность, обмен жизненными впечатлениями, разговоры о планах, т. е. устремленность в будущее. Тогда можно обойтись и без фоновой музыки.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО ЗРЕНИЯ И ЧУВСТВО ТЕПЛА ЧАСТЬ 1

• 17 мар, 2010 в 12:10

Скажи, Адам, насколько доволен ты

Узреть сей новый мир в сверканье красоты?

Пьеса «Парадиз»

Мы находимся как раз посередине нашего цикла, и вы, наверное, заметили, что говорить о возбуждении нервных связей довольно бессмысленно. Когда происходит восприятие запаха, обычно говорят, что в слизистой носа происходит возбуждение нервных окончаний. Но дело в том, что практически все мы можем назвать «возбуждением нервных связей». И есть только одна вещь, которая никогда не может быть возбуждена, — это сам нерв. Вам никогда в жизни не удастся «возбудить нерв», это просто невозможно. Вот человека можно возбудить, а нерв — нет. Конечно, вы можете сказать, что человек воспринимает что-то, воздействующее на нервы, которые, таким образом, возбуждаются. Но все это просто пустые слова, за которыми ничего не стоит. Мы же с вами все время должны стараться выяснить, что такое область возбуждения и почему она возникает. Вы уже поняли, что все эти области возбуждения нервов совершенно не похожи друг на друга. Так, например, орган обоняния принципиальным образом отличается от органа вкуса. Я надеюсь, мне удалось до вас донести, что как только мы входим в область запахов, как только мы начинаем ощущать запах, мы сразу же начинаем выносить суждения, и притом моральные суждения. По запаху мы всегда определяем, испорчено нечто или нет. Понятия добра и зла, которые могут возникнуть у человека, возникают именно благодаря вынесению этих суждений о запахах: пахнет ли гнильцой или, напротив, пахнет божественно — вспомните запах ладана! Мы вынуждены ощущать запахи, поскольку нос непосредственно связан с дыханием.

Мы увидели, что нервы носа самые короткие, что мозг мгновенно сталкивается с запахом. Вы наверняка замечали, что от сильного запаха у вас затуманивается сознание. Запах ошеломляет, с ним ничего нельзя поделать. И если вы кого-то на дух не переносите, то вы его толком и разглядеть-то не можете. Мы мгновенно реагируем на запах. Это очень характерно для запаха: он проникает в нас, и мы на него реагируем. При этом очень сложно вести себя как человек, на это просто нет времени.

В отношении вкуса все намного более интимно, там у нас достаточно времени. Все происходит внутри нас. Мы сами открываем рот. Мы взаимодействуем со вкусом, а не подвергаемся его воздействию, как в отношении запаха. Сам процесс более личный, нервы тоже более длинные. При восприятии вкуса мы находимся на пороге, где внешний мир становится внутренним. С помощью вкуса мы контролируем, являются ли здоровыми те вещества, которые мы хотим сделать частью своей микрокосмической телесности. Это можно назвать процессом оплодотворения. Я с горечью говорил о том, что никакой другой орган не используется настолько неправильно, как орган вкуса. Что речь идет вовсе не о том «вкусно» или «невкусно», а о том, чтобы человек получил представление, что является здоровым, полезным, а что нет. Именно это на самом деле мы должны определять с помощью органа вкуса. Мы говорили о грехопадении и о том, что именно вкус является «органом грехопадения», а также о том, что исцеление тоже происходит благодаря ему. Во всех религиях было известно, что все является субстанцией, земной или духовной пищей, и что исцеление происходит через рот человека. И все это связано с причастием, во время которого субстанция используется для того, чтобы исцелить человека. С другой стороны, мы можем сказать: когда кто-то молится или медитирует, необходимо, чтобы это действие было очень конкретным, чтобы человек «чувствовал на вкус» свою молитву или медитацию. Одно из указаний Р. Штайнера состоит в том, что при медитации и молитве помогает «бормотание». Раньше люди никогда не молились абстрактно, как в голову взбретет. Всегда произносился текст, поскольку его нужно было «попробовать на зуб», «проверить». И из-за этого возникало бормотание. Вы наверное знаете священников, которые бормочут молитвы. Позже следует, конечно, попытаться избавиться от этого бормотания. То есть когда вы берете конкретную медитацию, ее нужно проверить точно так же, как вы проверяете бутерброд с сыром. Тогда вы сможете прочувствовать, что в ней содержится большой целительный потенциал. Мы должны научиться настолько конкретно обращаться с духовными вещами, чтобы у нас возникло ощущение: вот именно это и является пищей в полном смысле этого слова. Мы должны снова научиться ощущать вкус духовных вещей.

Мы также говорили о том, что у человека есть вкус, который он привносит во внешний мир, с помощью которого создается культура. Это процесс, сходный с процессом насыщения человека пищей: мир насыщается благодаря человеческой культуре. Мы говорили о человеческой судьбе, в которой есть все оттенки вкуса: от горького, кислого и соленого до сладкого. Судьба также насыщает, оплодотворяет человека: через страдания, испытания происходит развитие. Даже самая горькая потеря может быть очень важна для развития человека; благодаря ей он может исцелиться. И это справедливо не только в отношении

отдельных людей, это справедливо и для культуры в целом. Разве не бывает так, что вся культура заболевает, когда она беспрепятственно может наслаждаться всеми «сладостями жизни»?

Теперь мы обратимся к новому органу чувств, а именно к глазу, органу зрения человека. Тем самым мы совершаем огромный скачок. Представьте себе существо, у которого только шесть органов восприятия, о которых мы говорили. Подобное существо обладало бы довольно слабым и смутным сознанием. Лишь когда открывается глаз, мир является во всем своем величии: вширь, ввысь и вглубь. Лишь тогда наступает истинное пробуждение. С помощью глаза мы можем исследовать все другие органы чувств. Глаз может исследовать даже себя самого! В зеркале мы видим свои собственные глаза. Можно сказать, что глаз все освещает. И в этом проявляется его родство с сияющим глазом космоса — Солнцем.

Глаз является замечательным органом. Никакой другой орган так не выделяется на поверхности тела, как глаз, находящийся в глазнице черепа. Это единственное место, где кожа расходуется. У новорожденных котят глаза еще не прорезались. Только у змей этот процесс происходит по-другому: кожа на глазу остается, но становится прозрачной.

Глаз замечателен и в другом отношении. Большинство органов чувств возникают где-то «на поверхности человека». Так, на примере запаха мы видели, как определенная область, которая когда-то находилась на поверхности тела, становится чувствительной и соединяется с мозгом. Точно так же все обстоит со вкусом: на слизистой языка образуются «поры, чашечки», которые связаны с мозгом. Позже мы увидим, что улитка в органе слуха тоже возникает из кожи человека. Принцип этих органов состоит в том, что маленькая область на поверхности кожи становится чувствительной по отношению к определенным раздражителям и после этого связывается с центральной нервной системой.

С глазом все обстоит прямо противоположным образом. Этот удивительный факт стал известен благодаря эмбриологии. Формирование глаза происходит от обратного: не нечто на поверхности тела становится чувствительным и после этого связывается с мозгом, а наоборот: все начинает мозг. Я бы позволил себе сказать, что мозгом «овладевает любопытство»! Мозг начинает «стремиться к поверхности». К сожалению, после того, как мы вырастаем, наш мозг тоже перестает расти, но в эмбриональном состоянии растет все, все очень подвижно, пластично и все время полностью изменяется. В эмбриональной фазе, в то время, пока мозг еще растет, происходит нечто странное: в двух местах он выпячивается и образует два глазных бокала, которые растут в направлении кожи. И лишь затем начинает изменяться кожа: она вдавливаются. Кожа начинает отвечать на движение глазных бокалов и образует хрусталики. Таким образом, нечто все-таки возникает из кожи, но это лишь хрусталики, мы не можем видеть с их помощью. Мы видим благодаря лежащей за ними чувствительной сетчатке.

Может показаться странным то, если об этом задуматься, что глазной врач, который через зрачок рассматривает глаз, непосредственно видит мозг, то есть тот его кусочек, который выдвинулся наружу. Вы наверняка слышали, что мозг окружен тремя оболочками: внешней

твердой мозговой оболочкой, средней паутинной мозговой оболочкой и внутренней мягкой мозговой оболочкой.

И все эти оболочки выпячиваются при образовании глаз. Белок глаза есть ни что иное, как внешняя твердая оболочка. Когда вы смотрите на белки человека, вы смотрите на продолжение того, что окружает его мозг. Паутинную оболочку, которая окружает мозг, вы тоже можете найти в виде сосудистой оболочки на задней стороне глазного нерва. Эта кожа питает глаз точно так же, как и кору головных полушарий. Удивительно, что нарушая все правила образования органов чувств, мозг сам пускается в путь, для того чтобы образовать орган восприятия.

- 1 конъюнктивa, соединительная оболочка глаза
- 2 роговая оболочка глаза
- 3 хрусталик
- 4 ирис, радужная оболочка глаза
- 5 зрачок
- 6 склера, оболочка глазного яблока
- 7 сосудистая оболочка глаза
- 8 слой пигментных клеток
- 9 сетчатка, сетчатая оболочка глаза (нервная ткань)
- 10 стекловидное тело глаза
- 11 глазной нерв (тысячи волокон)

Слой пигментных клеток состоит из одного слоя шестиугольных

(как соты) клеток. В каждую из этих клеток идет

глазное нервное волокно с палочкой (чувствительной к свету)

или колбочкой (чувствительной к цвету).

Продольный разрез глазного яблока

В глазу открыто и обнажено то, что обычно скрыто внутри черепа. Мозг, который полностью закрыт, фактически ищет свет посредством глаза. Что же происходит, когда кто-то ищет свет? Это можно очень хорошо наблюдать на примере растений. Что происходит, когда растение из темной земли выбирается на свет? Оно начинает цвести! То же самое мы находим в человеческом глазе. Там, где мозг нашел свет, тоже возникают цвета, как у цветущего растения. То, что глаза имеют цвет, само по себе бессмысленно, бесполезно. Голубые глаза не видят лучше по сравнению с серыми или зелеными. Со зрением это никак не связано, если рассматривать этот вопрос с чисто практической точки зрения. Но с духовной точки зрения

по-другому и быть не могло: глаза должны иметь цвет, поскольку они прошли путь от тьмы к свету.

Цвет наших глаз ничему не служит, но он выражает нечто. Цветная часть глаза абсолютно справедливо именуется ирисом или радужкой — по имени богини радуги, поскольку это действительно радуга. Радуга тоже следует закономерностям цветов; не законам Ньютона, а законам Гёте! Цвета, в которые окрашен наш глаз, нельзя представить себе в виде электромагнитных колебаний, но можно понять благодаря учению Гёте о цвете. Гёте говорит, что цвета возникают из борьбы света и тьмы; Ньютон же считал, что все цвета уже присутствуют в свете и их можно выявить с помощью призмы и других приспособлений. Тем самым Ньютон следует тому ходу мысли, который обычен для естествознания и состоит в том, что хотя все можно изменить, смещая атомы или же изменяя частоты колебаний, но ничего нового возникнуть не может. В учении Гёте о цвете формулируется необычная, непривычная мысль, что цвета возникают¹⁶. И все мы можем почувствовать, что цвета действительно возникают. Для этого мы должны научиться видеть, причем совершенно обыкновенные вещи, например, заходящее солнце. Что мы видим, когда мы смотрим на заходящее солнце? Через атмосферный покров мы видим, как солнце становится желтым, потом оранжевым и наконец красным. Так возникают так называемые активные цвета. И наоборот, когда мы смотрим на что-то темное, например, на темную гору или на бесцветное черное небо, мы можем увидеть, как возникает удивительный синий или фиолетовый цвет. Настоящий фиолетовый цвет мы видим только тогда, когда мы находимся высоко в горах или смотрим с воздушного шара. Так возникают пассивные цвета.

Гёте говорит, что, когда взаимодействуют тьма и свет, существует две возможности. Либо свет победит тьму, тогда возникнут активные цвета с красноватыми, оранжевыми или желтоватыми оттенками; либо победит тьма, и тогда возникнут синий или фиолетовый цвета.

Вспомните радугу, вы все ее видели. Замечали ли вы, что сверху радуги небо темнее, чем снизу? Обратите на это внимание в следующий раз, когда увидите ее. Очень многие удивляются, что раньше они никогда не замечали, что в месте, где заканчивается красный цвет радуги, небо темнее, чем там, где заканчивается фиолетовый (см. цветную вкладку).

Как же все это связано с нашими глазами? Мы не зря называв цветную часть глаза ирисом или радужной оболочкой. Дело в том, что какого бы цвета ни были ваши глаза, они окрашены неравномерно. Хотя в них и не присутствует весь спектр цветов радуги, но все же, как и в случае с ней, мы можем наблюдать целую последовательность цветов от черного центра зрачка к белку глаза. Обратите внимание на карие глаза: они никогда не бывают просто коричневыми. Если вы внимательно посмотрите в карие очи, вы заметите, что вокруг черного зрачка присутствует красный цвет, а сама радужка не равномерно коричневая, а к белку становится несколько зеленоватой или даже синеватой. Подобным же образом дело обстоит и с голубыми глазами. Там вокруг зрачка можно увидеть желтые цвета, а к белку они становятся темно-синими (см. цветную вкладку). Другими словами, тот же закон, который действует в отношении радуги, действует и в отношении радужки: на границе с темным краем, зрачком, у нас активные цвета: красный, оранжевый, желтый; с другого края, белка глаза, у нас темные цвета, т. е. зеленый и синий. Это невозможно объяснить с помощью

электромагнитных колебаний. Это просто закон природы, открытый Гёте: на границе с темным возникают активные цвета, а на границе со светлым — пассивные. Вы удивитесь, посмотрев друг другу в глаза — это всегда именно так! Конечно, на поверхности радужной оболочки могут быть всякие странные пятна: какой-то сегмент, какая-то часть вдруг приобретает другую окраску, но это исключения.

Вы, наверное, уже видели так называемый круг цветов. Такой круг образуется тогда, когда «последний» цвет переходит в «первый»: фиолетовый переходит в красный через карминно-пурпурный. В этом состоит удивительное свойство цветов. Попробуйте-ка проделать нечто подобное со звуками. Вы не можете сыграть гамму снизу вверх и в конце снова очутиться на той же ноте. Со вкусом это тоже невозможно: нельзя прочувствовать вкусы от соленого до горького и обратно. Температура тоже не может увеличиваться и увеличиваться, пока снова не станет такой же холодной, как была. Чудо глаза заключается в том, что в восприятии цвета вы можете ходить по кругу. Это тоже невозможно понять с точки зрения электромагнитных колебаний. А теперь сделайте, пожалуйста, упражнение, приведенное на цветной вкладке.

Вам известно, что если долго смотреть на цветное пятно, а потом закрыть глаза или взглянуть в сторону, тогда у нас перед глазами возникнет другой цвет. И всегда — полярный, который в кругу цветов находится с противоположной стороны. Это тоже возможно только в отношении цветов. Представьте себе, что вы пробуете нечто соленое, а на другом краю языка вследствие этого возникает сладкий вкус, это же невозможно! Или же вы ощущаете отвратительную вонь, которая затем превращается в чудесный запах лилий. В этом состоит чудо глаза, которому невозможно не удивляться: он способен замечательным и гармоничным образом восполнить все недостающее.

Вот простой пример того, каким образом глаз всегда сам дополняет цвет противоположным цветом (см. цветную вкладку). На этой фотографии вы видите пурпурный цвет рядом с красным. Удерживайте взгляд в течение одной минуты на черной точке, расположенной на границе между этими цветами. После этого, не смещая взгляда, закройте фотографию слегка сероватой бумагой. Вы увидите комплиментарные цвета. Вы видите, что комплиментарным к красному цвету является вовсе не зеленый, как часто думают? Зеленый, оказывается, является комплиментарным к пурпурному!

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО ЗРЕНИЯ И ЧУВСТВО ТЕПЛА ЧАСТЬ 2

• 23 мар, 2010 в 12:13

Еще один странный эксперимент, который еще больше проявляет «тотализирующую» способность глаза, состоит в следующем (см. цветную вкладку). Перед вами две светлые оранжевые полосы с серой полосой посередине. Смотрите в течение минуты на черную точку. Теперь снова положите серую бумагу сверху — что вы видите? Конечно, вы видите

комплиментарный к оранжевому цвет, но между ними, на том месте, где находилась серая полоса, т. е. там, где вы не ожидали увидеть никакого цвета, появился оранжевый! Глаз всегда дополняет одностороннее до целого.

В природе тоже можно видеть дополнение радуги. Радуга полностью присутствует в небе лишь тогда, когда над первой радугой появляется вторая (см. цветную вкладку). Эта вторая радуга шире и менее заметна, а последовательность ее цветов зеркальна по отношению к первой. То есть она вывернута изнутри наружу: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый.

Двойная радуга в виде круга

Между этими двумя радугами небо более темное, чем по сторонам. Обычно мы видим радугу как дугу. А теперь представьте себе эти две радуги в виде круга (см. рис.), который вы сами можете раскрасить. Вы видите, что внутренняя радуга представляет собой образ Солнца. Теперь отвлекитесь на минутку, а потом представьте только внешнюю радугу, которая внутри граничит с темнотой, а извне окружена белым. На что это похоже? Черный зрачок, радужка, белок — это же глаз!

Но что же такое цвета на самом деле? Попробуйте представить себе следующее. Допустим, что вы никогда в своей жизни не видели цветов, только лунный ландшафт, где нет никакого цвета. Вы должны забыть все, что связано с цветами, и представить себе, что вы всю жизнь находились в окружении черно-серо-белого ландшафта. А теперь представьте, что вы впервые в жизни видите в цвете. Что с вами тогда произойдет? Мы уже так привыкли к цветам, что нам сложно даже вообразить нечто подобное. Я убежден, что с вами произойдет нечто необычайное. Это похоже на то, как если бы вы вдруг оказались на великолепной выставке, это очень сильное переживание. Сложно описывать подобные вещи словами, но я надеюсь, что у вас создалось некоторое представление. Когда мы видим цвета, мы вдруг начинаем осознавать сущность природы. Пока вы видите лишь серое, черное и белое, вы видите лишь внешнее. Сущность вещей еще не проявлена, природа хранит свои тайны. Но как только возникают цвета, природа раскрывается. Это можно сравнить с садом, в котором был только зеленый цвет и вдруг в нем солнечным утром раскрывается бесчисленное множество разных прекрасных цветов. Я уже говорил вам, что именно в цветке заключена тайна растения. Посредством цвета мать-природа показывает свою внутреннюю суть. В этом заключена тайна цвета. Мы всегда погружены в свое эго, поэтому мы всегда хотим открыться природе. И ни в каком другом органе чувств природа не идет нам навстречу с такой готовностью, ведь нам помогает Космос: без Солнца зрение невозможно! Дело в том, что подобно тому, как наше внутреннее солнце жаждет освещать мир, так и космическое Солнце необходимо для того, чтобы раскрыть ошеломляющую красоту природы.

Что же происходит, когда вы рассматриваете какой-нибудь цвет? Какой совершенно элементарный процесс происходит в вашей душе? Задействуется ваша сердечность! Я имею в виду, что вдруг неожиданно появляется новый элемент, для которого у нас нет соответствующего описания. Как выразить цвета?

Лучше всего подходит слово настроение. Сложно выразить настроение в черном, белом и сером, хотя они и позволяют очень тонко уловить все характерное. Как бы великолепны ни были художественные образы, изображенные на черно-белых рисунках углем, офортах, как

бы замечательны ни были черно-белые рисунки Рембрандта, настроение проявляется лишь благодаря цвету. Красный, например, возбуждает нашу активность. Оранжевый нас воодушевляет, а желтый радует, не так ли? Зеленый, напротив, передает спокойствие, гармонию. И так далее. Цвета воздействуют, непосредственно что-то в нас высвобождая. Совершенно простые вещи, которые дремлют в вашей душе, вдруг просыпаются. В отношении других органов чувств это не так. Вы не услышите, чтобы за столом кто-нибудь сказал: «Какой серьезный вкус у капусты сегодня!», или «Какой веселый ананас!», или «Как же меня успокаивают эти овощи!» Вы, конечно, сейчас скажете: «Но с музыкой же дело обстоит точно так же!» Не волнуйтесь, мы к этому еще вернемся.

Глаза имеют такое большое значение для людей, они настолько красноречивы, яркие, настолько «цвету-щи», что несложно понять, почему они находятся в на самом видном месте — посредине лица. Конечно, они могли бы располагаться где-нибудь еще, — например, на лбу. Это было бы гораздо практичнее. Если бы мы могли выбирать, мы бы их, наверное, туда и поместили. АН, нет! Они у нас расположены практически в центре лица, поскольку душа человека выражается через лицо. Мы редко влюбляемся друг в друга из-за чудесных ушей или носов. Это тоже, конечно, возможно, хотя и сложно. Но душа непосредственно встречается с другой душой только через глаза. Глаза действительно зеркало души¹⁷, они являются ее непосредственным отображением. Наши глаза могут сиять или плакать, то есть с их помощью выражаются основные движения души. Глаз — это единственный орган, который мы можем закрывать посредством век. Хотя при еде рот закрыт, но зато открыты тысячи вкусовых пор на языке. При умирании душа покидает тело через глаза; теперь другой человек должен их закрыть. Рыбы не могут закрывать глаза. Они живут вне тела, в водном пространстве, которое окружает их тело.

И все же это лишь один аспект человеческого глаза. Существует еще и другой. Взгляните на эти рисунки. На первом вы видите белую вазу. Или же это два темных лица? У вас все смещается в голове. Но после того, как вы немного потренировались, вы можете уже этим управлять: видеть то одно, то другое! Это возможно потому, что у вас есть «сверхчувственные руки», которые берутся за рисунок то так, что вы видите вазу, то так, что вы видите два лица.

На следующем рисунке вы видите закручивающуюся спираль. Но разве на самом деле это спираль? Проследите за линией! Что вы видите? Это самые замечательные круги, какие только можно себе представить. Существуют сотни таких оптических игр, которые мы называем «оптическими иллюзиями», или «обманом зрения». Хотя это и досадно, но наши глаза довольно легко обмануть.

Другие органы чувств вам обмануть не удастся. Хотя вы можете дать ребенку горькую пилюлю, которая покрыта сладким слоем, он ее разгрызет и все же почувствует горечь. Вкус нельзя обмануть, а вот глаз — запросто. Вы можете сколь угодно долго смотреть на этот рисунок, и все же вам не удастся увидеть на нем ряд окружностей вместо одной спирали.

Почему же наши глаза так легко обманываются? Потому что мы «думаем» глазами! Именно поэтому дикие звери в природе никогда не обманываются. Но как только они попадают к человеку, они тоже начинают делать странные вещи и даже впадают в заблуждение. Только человек думает о вещах, и поскольку мышление во многом происходит с помощью глаз,

оказываются возможными и «обманы зрения». Если вы снова вспомните о рисунке с белой вазой или черными лицами, вы можете заметить, что именно ваша мысль определяет, что вы видите. То, что мы видим, мы дополняем с помощью мышления тем, что мы ожидаем увидеть, и тогда возникает обман зрения. Поэтому было бы более правильно говорить об «обмане понимания». Гёте совершенно прав, когда он говорит: «Чувства не обманывают, обманывает суждение» («Прозаические изречения»). И в этом заключается другой аспект зрения: с одной стороны, глаз является органом настроения, с другой стороны — это научный инструмент, инструмент мышления.

Этот аспект проявляется и в том факте, что мы всегда хотим понять, что мы видим. Когда мы видим картину, мы сразу же спрашиваем, что на ней изображено. В отношении музыки это совершенно не так. Если в музыке мы слышим отголоски природы (пение птиц или рычание льва), то эта музыка кажется нам примитивной, а не высокохудожественной. Портрет же мы никогда не повесим на стену вверх ногами. Когда диапозитив проецируется размыто, мы начинаем беспокоиться и кричим: «Резкость!» Мы хотим сразу же понимать то, что мы видим. Именно поэтому для многих современная живопись ни о чем не говорит: «Эту картину можно с таким же успехом повесить и вверх ногами!» Для маленьких детей, которые еще не думают в четких контурах, не играет никакой роли, как висит картина.

У глаза есть еще одно интересное свойство. Его можно заметить, сравнив два важнейших органа: глаз и ухо. Мы многое можем услышать в этом мире. Особенно летом, когда стрекотание, гудение, щелканье и пение не прекращаются всю ночь напролет. Однако на земле есть и такие спокойные места, где ничего нельзя услышать, или же мы можем запереться в комнате, куда звуки не проникают. И, напротив, мы видим всегда. Вы, конечно, скажете: «Но в темноте-то мы ничего не видим». Но это не так. Вы просто ничего не можете различить. Когда вы при свете солнца попадаете в густой туман, вы тоже ничего не «видите». И все же вы четко ощущаете свет, подобно тому, как в темноте вы четко ощущаете темноту. Мы обычно думаем, что слепорожденный находится в темноте, но темнота ему настолько же незнакома, как и свет. Вы можете пережить нечто подобное в эксперименте со «слепым пятном» (см. стр. 245). Когда пятно исчезает, вместо него появляется не темнота, а «ничего». Просто ничего. Когда при операции на глазу проводят анестезию зрительного нерва, то становится не темно, а просто никак. Другим, не оперируемым глазом вы можете очень хорошо различать темноту, когда вы его закрываете. Вы уже замечаете, что глаз отличается от других органов чувств. Когда нечего слышать, тогда мы ничего и не слышим; когда нет запахов, мы ничего не обоняем и т. д. Исключением является глаз: мы всегда что-то видим, даже темноту; глаз — это бодрствующий орган.

Задумайтесь, мы уже разобрали определенное количество органов; почему мы можем о них говорить? Потому что мы их можем хорошо разглядеть с помощью глаз. Нельзя говорить о глазе с позиции органа обоняния, хотя мы спокойно можем говорить об органе обоняния с позиции зрения. Глаз является органом, в котором содержатся все остальные органы чувств. Я сейчас вам приведу несколько примеров этого.

Для сохранения равновесия мы гораздо больше, чем звери, используем зрение. Пилот в тумане никогда не знает, в каком направлении он летит, если он не смотрит на приборы. Он не знает, летит ли самолет прямо или нет, поднимается или опускается. Но собака, которая рядом с ним сидит, это прекрасно знает! Можно наблюдать, как она меняет положение своего

тела в зависимости от положения самолета, хотя человек ничего не замечает. Слепой, которому нужно пройти по доске, обычно не может это сделать. Слепую же кошку очень сложно отличить среди остальных: она легко может пробежать по узенькой кромке. В глазу у человека тоже есть своего рода орган равновесия. У нас есть четыре мускула, которыми мы можем двигать глазное яблоко, а также еще два так называемых косых мускула сверху и снизу, с которыми напрямую связан орган равновесия. Благодаря им мы видим, стоят ли вещи прямо или косо, как с помощью вертикального отвеса. В ряду многочисленных нервных волокон существует отчетливая разница между правой и левой стороной, даже в очень маленьком желтом пятне, с помощью которого мы можем видеть очень четко. Определение позиции нашего тела, о котором я говорил в лекции об органе равновесия, непосредственно связано с глазом.

Подобно тому, как возможность сохранения равновесия присутствует в нашем глазе, в нем есть также чувство температуры, или тепла, о котором мы сейчас будем говорить. Мы говорим о теплых и холодных цветах. Но часто мы называем краски также чистыми или грязными, что связано с чувством вкуса и обонянием. Очевидно что чувство движения также присуще глазу: никакой другой орган не является настолько подвижным, как наши глаза. Когда вы видите треугольник, вы своими глазами обегаете его по периметру. Ваши глаза постоянно бегают. И одновременно с этим вы, смотря на что-то, с помощью чувства жизни ощущаете, приятно ли смотреть на увиденное или нет. Когда человек встречает другого человека, что связано с чувством Я, глаза тоже играют немаловажную роль. Невидимыми руками мы «ощупываем» мир на расстоянии. Взглядом можно даже «убить»! Существует только одно определение, которое подходит для глаза, определение, которому соответствует жест и которое гласит: глаз — это всеобъемлющий орган чувств.

Какой знак Зодиака соответствует глазу? Это, конечно, Дева, самое большое зодиакальное созвездие. Дева заботится о том, чтобы мы распознавали внутренние, непосредственные душевные движения вещей. Именно в этом и состоит тайна всего, что связано с глазом. То, что я вначале довольно приблизительно сравнил с великим даром, теперь можно описать как созвездие Девы, Девы Зодиака. Это действительно является проявлением женственности, когда природа, космос раскрываются внутри нас. Это настолько трогательное и вместе с тем всеохватывающее проявление этого органа; Дева — это мировая душа. И эта Мировая Душа в древности звалась Изидой, или Софией, божественной мудростью, которая излучает свет мысли в мир.

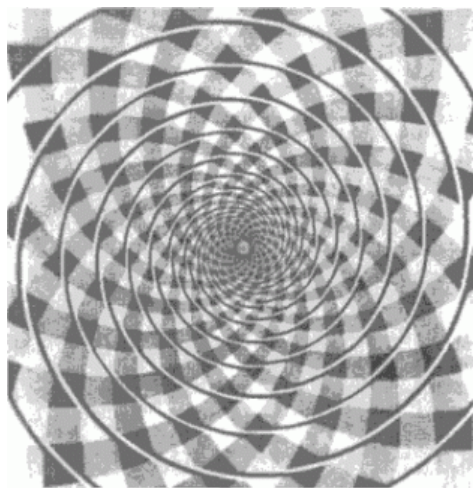
Теперь я должен обратить ваше внимание на некоторые внешние аспекты глаза. Сначала коснемся его прозрачности. Прозрачные ткани знакомы нам в основном только из эмбриологии. Пока все еще микроскопически мало, оно прозрачно и чисто. Но когда существо растет, субстанция становится плотнее и мутнее. Абсолютным исключением из этого правила является глаз. Роговица со всеми нервами (вы знаете, насколько мы чувствительны в этой области), очень сложный хрусталик, стекловидное тело глаза с его клетками, сетчатка, состоящая только из нервных клеток, — все это необъяснимым образом остается кристально прозрачным! Лишь в глубокой старости там возникают помутнения, которые в некоторых случаях исчезают сами по себе. Хотя глаза новорожденных уже практически полностью сформировались, материя ткани остается молодой, прозрачной, чистой, девственной. Хрусталик вообще ведет себя по-особому. Он продолжает расти у человека всю жизнь, даже в

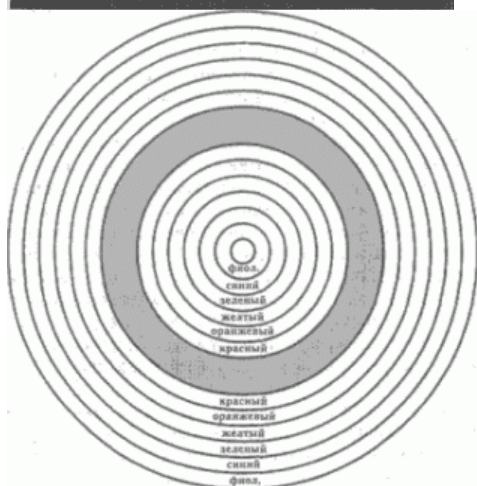
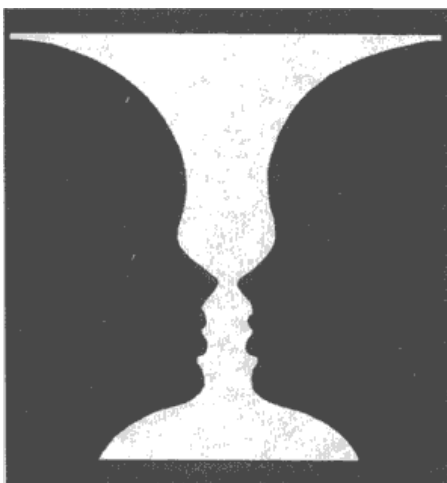
восемьдесят лет. Этот рост, который, собственно говоря, характерен для молодости, является отличительным признаком глазной ткани. В невероятной подвижности глаза мы тоже находим нечто искрящееся, молодое. Здесь мы затрагиваем вопрос — нетронутый, девственной праматерии, которой занимались древние алхимики.

Если поискать нечто подобное в живой природе, то мы найдем разве что крылья насекомых, например, стрекоз. Но эти крылья очень тонки. Можно вспомнить прозрачных рыб, но они тоже чрезвычайно плоские. Медузы не совсем прозрачны, они скорее мутноватые. Полная прозрачность является, таким образом, характеристикой глаза.

И все же я еще не раскрыл вам «очевидную тайну» человеческого глаза: глазная щель настолько широка, что мы уже с довольно большого расстояния видим белоснежный чистый белок по обеим сторонам радужки. У многих животных, рыб, амфибий, рептилий, птиц мы нередко можем встретить удивительные глаза но мы не увидим никакого белка, даже у обезьян. Может быть, только чуть-чуть, когда они сильно скашивают глаза.

Звери привязаны к страстям, инстинктам, антропософски выражаясь, к собственному астральному телу. У человека же есть Я, которое может усмирить эти страсти, властвовать над ними. Видимым выражением этой власти является белок глаза, который окружает цветную его часть, — проявление астрального тела. Это уже видно в глазах маленького ребенка, хотя у него белок еще несколько голубоватый из-за просвечивания черного пигмента. Когда что-то не в порядке, когда, например, глаза красные, мы пугаемся. В большинстве случаев это быстро проходит, и оболочка снова становится белой. Черные пятна в глазу очень редки, белок безупречен у молодых и у старых, мужчин и женщин, у людей любого народа и любой расы. Белок является не зеркалом души, а скорее выражением нашего внутреннего человека, который выше дискриминации.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО ЗРЕНИЯ И ЧУВСТВО ТЕПЛА ЧАСТЬ 3

• 6 апр, 2010 в 10:15

Давайте теперь обратимся к чувству тепла, или чувству температуры! Теплота переносит нас в совершенно иной мир, в котором, однако, как и в случае со зрением, не следует забывать о солнце. Тепло и свет даруются нам солнцем, хотя и совершенно разными путями. Когда солнце заходит, свет исчезает с земли, и притом довольно быстро, хотя и не везде так стремительно, как в тропиках. Совсем по-другому обстоит дело с теплом. За день сами вещи полностью пропитались теплом и начинают его отдавать. Это можно назвать «послесолнечным излучением». Таким образом, тепло излучается точно так же, как и свет, оно пронизывает материю, подобно тому, как свет, например, сияет сквозь прозрачный кристалл или стекло. Но тепло не просто пронизывает материю, оно также наполняет ее, связывается с ней, даже с самыми твердыми материалами. И все же материя вынуждена снова отдавать это тепло. Тепло невозможно полностью запереть и сохранить.

Давайте представим себе нечто противоположное: солнце заходит и все на земле еще некоторое время сияет, фосфоресцирует, но зато мгновенно наступает ледяной холод. Благодаря подобным фантазиям можно лучше понять мудрость творения. Весь день солнце «высиживает» землю, как наседка яйцо, а ночью эту роль выполняет природа. Человека и высших животных, птиц и млекопитающих, мы называем теплокровными: у них есть своя собственная тепловая организация. Человек является тепловым солнцем, а не световым солнцем. Но тело должно восполнять постоянно исчезающее тепло. Иначе устроены низшие животные, которых мы называем хладнокровными, они полностью зависят от окружающей температуры. Чем холодней, тем медленней становятся их движения. Удивительно, что среди низших животных есть и такие, которые излучают свет: глубоководные рыбы, каракатицы, которые выбрасывают светящуюся жидкость, светлячки. Мы, люди, свет не излучаем. Здесь мы приближаемся к мистерии тепла. Представьте себе мир, полный света, но в котором нет тепла. В нем бы царила абсолютная неподвижность. Без тепла было бы невозможно никакое изменение. Время бы застыло или, правильнее, никакого времени бы не было.

В холодильнике мы действительно почти останавливаем течение времени. Все процессы, в том числе и процессы гниения, замедляются или вообще останавливаются. Все консервируется. Так из мирового «холодильника» периодически извлекают хорошо сохранившихся доисторических мамонтов.

Этимологи, т. е. ученые, которые занимаются исследованиями значения и происхождения слов, считают, что латинское слово *letriz*, которое значит время, и слово температура родственны. Еще более интересно то, что это слово связано с греческим словом *ααυατ* — делить, разделять, которое, в свою очередь связано с санскритским словом *йа'у* — (произносится «дай»), которое значит раздавать, владеть и сочувствовать (ср. русское дай, дар, дарить — прим, пер.), а также со словом *йауа*, которое означает симпатию или сострадание. Делить, разделять, раздавать — все эти слова имеют социальный компонент. Все, что связано с изменением, движением, течением и становлением, связано с теплом. И чем теплее, тем быстрее протекают процессы. Эта динамика неразрывно связана с силой и энергией. Слово энергия происходит из греческого *ενεργει*, что значит «я действую». Это переживание силы полностью отсутствует у всего, что связано со светом и цветами. Еще одна странность заключается в том, что благодаря теплу все расширяется, с непреодолимой силой распрямляется. Когда мы нагреваем железо, его объем увеличивается. Очень жарким летом это может привести к тому, что начнут гнуться рельсы. При высокой температуре твердые вещества становятся жидкостью, а затем паром, то есть они становятся более подвижными, более легкими, короче говоря, менее привязанными к земле, менее зависимыми от силы притяжения. Все становится более «солнечным», хочет снова вернуться к солнцу. Исчезают все границы; разделение, изоляция становится невозможным. Многие вещества получают возможность смешиваться друг с другом и даже образовывать новые химические соединения.

В этом заключается могущество, магия тепла: оно пронизывает все. Насколько просто заслониться от света, настолько невозможно отгородиться от тепла. Конечно, есть вещества, которые менее теплопроводны, чем другие, но в конце концов тепло все равно пронизывает и их. Тепло воспринимается, сохраняется, накапливается — но снова и снова отдается. Это

происходит и в больших массах морской воды, которые, отдавая тепло, помогают нам перезимовать. Моря являются грелками земли. Нельзя забывать, что атмосфера, из которой мы берем кислород, немислима без солнечного тепла; без него кислород был бы твердым веществом. Тепло, в принципе, способно осветлить материю, заставить ее пылать. Кульминация тепла — огонь, носитель культуры. Тепло является необходимейшей предпосылкой нашего земного существования, всей нашей деятельности, т. е. нашего движения, чувствования, мышления и восприятия всеми двенадцатью органами чувств. Но все эти процессы наше тело с помощью чрезвычайно сложной тепловой организации должно активно поддерживать.

До сих пор мы описывали тепло как явление. Но в чем же заключается сущность тепла? Почему мы не можем удержать то, что пронизывает все? Что именно мы имеем в виду, когда мы говорим, что тепло передается, скажем, через серебряную ложку, которую мы помещаем в горячий чай? Когда мы на лугу видим ряд маленьких земляных холмиков, мы говорим: там ползет крот, подземное существо, которое оставляет за собой результаты своей деятельности. Мы не говорим: холмик передается другому холмику. Точно так же сущность тепла «ползет» по серебряной ложке и показывает нам, как оно работает, в числе прочего проявляясь в виде тепла. Так что передается не восприятие тепла, а сущность тепла. Эту сущность нетрудно описать: это энтузиазм, что в дословном переводе означает «быть в Боге» (по-гречески *ep* — «в», *Igeoz* — «Бог»). Когда кто-то меня «распалает», это не значит, что он передает мне тепло, которое можно измерить. Конечно, кто-то может согреть мои холодные руки своими. Замечательно! Но я сейчас имею в виду другое. Он побуждает меня к личной активности, к инициативе, к сотрудничеству. Даже когда кто-то согревает мои руки, это странным образом является лишь побуждением к тому, чтобы я сам начал их согревать. Если теплу другого я не противопоставлю свое собственное тепло, то я заболею. Я «перегреюсь», и у меня, возможно, поднимется температура, подобно тому, как у меня поднимается температура, когда я «переохлаждаюсь». Наше тело не выносит чужой температуры. Внешнее тепло не должно слишком сильно проникать в нас. Когда мы стоим на сквозняке, неважно, зимой или летом, следствием является то, что в нас проникает чужая температура. Удивительно, но этого можно избежать, если осознавать это. Риск простуды возрастает именно при бессознательном переживании смены температуры.

Внешнее тепло необходимо нам лишь как базис, как призыв к нашей собственной активности. Для того, чтобы выжить во внешней среде, мы должны одеваться, использовать огонь. Для того, чтобы выжить внутренне, чтобы вести достойное человека существование, мы должны делать все, исходя из личной инициативы, из внутренней активности.

В антропософии структуру, благодаря которой человек может двигаться с помощью своих внутренних усилий, называют астральным телом, то есть «звездным телом». Можно называть ее «солнечным телом», поскольку Солнце тоже является звездой. Я уже упоминал об этом, когда мы рассматривали чувство движения. Мы все делаем различие между растениями и животными. Растения хотя и растут, но не двигаются, у них еще нет внутренних побуждений. А вот у животного и у человека эти побуждения есть. Человек, вследствие любопытства и интереса, может свободно и сознательно перемещаться по земле. Астральное тело создает

орган, который позволяет нам ощущать тепло. Без тепла человек немислим как свободно перемещающееся существо.

Для обозначения целого класса живых существ мы используем слово теплокровные. Кровь не случайно имеет красный цвет — он отчетливо передает нам ощущение тепла. Красный является выражением струящейся силы, в центре которой находится неустанно трудящееся сердце. Наши мускулы, слуги нашей воли, тоже красные. Даже самые маленькие живые существа, одноклеточные, можно отличить от растений по активно пульсирующему пузырьку (сокращающейся вакуоли). Гармоничный, сбалансированный, спокойный зеленый цвет характерен для лишенных страстей растений. Зеленый цвет возникает только на свету. Красный цвет крови возникает именно в темноте: в костном мозге, с помощью железа. Это железо транспортирует кислород, который через легкие распространяется по всему телу и тем самым обеспечивает теплообразование. Из школьного курса вы знаете, что сердце тоже является мускулом. Но этот мускул расположен посередине, он скрыт и непосредственным образом реагирует на изменения в нашем настроении. Мы не можем им управлять, «сердцу не прикажешь». Все остальные мускулы, которыми мы можем осознанно пользоваться, произвольно управляемые нами мускулы, которые обеспечиваются кровью благодаря деятельности сердца, напротив, расположены снаружи, в основном на руках и ногах. Все они являются периферийными сердцами, с помощью которых мы проявляем свою внутреннюю суть во внешних жестах¹⁸.

На льду полюсов Земли жизнь практически невозможна, хотя там в течение полугода не заходит солнце.

Зато подо льдом жизнь вполне может существовать. Королевский пингвин, который на Южном полюсе в середине зимы высидывает яйца, является воплощением того, что может быть достигнуто живым существом в подобных условиях. В холодных глубинах океанов и в пещерах жизнь без света, хотя скудная и бедная, но все же возможна. Существуют бактерии, которые вообще не переносят света. Есть ночные животные, например, летучая мышь. Но все великолепие природы, с ее восхитительной жаждой жизни, черпает свои силы из всепронизывающего тепла Солнца, благодаря которому все изменяется, благодаря которому бушует шторм и волны бьются о скалы. (Наверное, никто так не ощущал этот мир пронизанным теплом так глубоко, как Ван Гог, этот истинный «сеятель Солнца»!) И все это происходит под очень тонким атмосферным покровом, который удерживается благодаря силе тяготения.

На полюсах и высоко в горах почти неподвижно лежат вечные снега, а в так называемых изломах земной коры бушуют огненные вулканы, с их неожиданными извержениями, землетрясениями и даже смещениями земной коры. То есть противоположности: тепло и движение с одной стороны, холод и неподвижность с другой.

Наша современная наука с ее фанатической приверженностью к измерениям считает, что наша Земля есть лишь невероятно маленькая песчинка, которая кружится в огромном, измеряемом в световых годах пустом пространстве. Хорошо, на этой крошечной песчинке мы можем отыскать еще более крошечное место, которое называется город Милан. В городе

Милане можно найти музей, а в этом музее — определенную фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». На ней запечатлен краткий миг, а именно — миг, в который высокое божественное существо Христос говорит, что один из сидящих вокруг него учеников предаст его (Ев. от Иоанна 13, 21). Нет такой меры, которой можно было бы измерить ценность этой фрески. Эта ценность не имеет ничего общего с количеством квадратных метров. Величие ее определяется внутренней силой этой композиции.

В нашем курсе я все время пытаюсь с разных сторон показать вам это величие композиции. Само по себе ничто не имеет ценности, только во взаимосвязи с остальным. В антропософии исследование отношений между большим миром — Космосом и малым миром — микрокосмосом человеком играет очень важную роль. Здесь не идет речи о «невероятно огромном» или «невероятно маленьком», мы говорим о взаимосвязи между ними, о связи, о религии (по-латыни означает связывать).

Благословением умеренных поясов является то, что мы можем легко переносить тепло и холод. В тропиках это гораздо сложнее. И как бы великолепно ни были ледяные ландшафты, нельзя забывать, что мы можем любоваться ими только тогда, когда мы тепло одеты, обеспечены провиантом и газовой горелкой. Эти ледяные ландшафты мы рассматриваем будучи «летними» существами, с теплым бьющимся сердцем, и понимаем, что мы должны быть благодарны — слава Богу, не вся Земля представляет собой такой ледяной дворец. Каждый год весной, летом и осенью благодаря сопровождаемому светом теплу, происходят процессы почкообразования, цветения и созревания. На холоде материя представляет собой лишь застывшую силу, и только благодаря теплу эта сила высвобождается. Давление пара разрывает котел, если у того нет клапана. Свет же, наоборот, умеет снова уплотнить эту силу растений, сделать ее земной, превратить в уголь. Хлорофилл растений делает из углерода с водой углеводы (сахар и т.д.), которые нам абсолютно необходимы. Итак, свет может уплотнять, делать более земным, способствовать образованию пищи, из которой мы снова черпаем тепло. Наш скелет тоже становится прочным только благодаря солнечному свету. Вы наверняка знаете, что маленькие дети, которые недостаточно бывают на свету, становятся рахитичными: скелет деформируется под тяжестью тела. Замечательно также и то, что растения не такие сочные, как мясо. При готовке растений мы добавляем воду, в то время как мясо мы жарим, т. е. делаем его более сухим. В связи с этим интересно, что сочную часть фрукта мы называем «мякотью» (по-немецки буквально «фруктовое мясо» — прим. пер.).

Мы подошли к вопросу: что нам кажется теплым или холодным? Окружающая температура, которую мы хорошо переносим, составляет 18—20° по Цельсию (комнатная температура). Это означает, что мы не хотим воспринимать иную, резко отличную температуру. То есть здесь также у нас снова налицо противоречие между миром красок, пестрота которых нас очаровывает, и миром тепла, который необходим нам только как нейтральное окружение. Переживание различных температур одновременно очень неприятно. Поэтому мы перемешиваем теплую и холодную воду, прежде чем залезть в ванну.

Удивительно, что когда мы моемся под душем, вода комнатной температуры кажется нам холодной. Больше всего, как ни странно, нам нравится, когда температура воды совпадает с нашей собственной температурой, т. е. составляет 37°С, это та температура, в которой

находится эмбрион. Когда мы моем руки, нам тоже нравится температура не выше 40°C. Совсем по-другому мы воспринимаем температуру еды и питья. Теплые напитки имеют температуру 50°C. Держать в них палец практически невозможно. Но нам приятны и холодные напитки. Мы получаем удовольствие от теплых и холодных напитков потому, что мы сами активно изменяем температуру, которую воспринимаем. Горячий чай мы проглатываем только тогда, когда мы охладили его во рту. И кусочек мороженого держим во рту до тех пор, пока он достаточно не нагреется. Вода кажется нам не теплой и не холодной, если ее температура составляет 29°C, т. е. на 8 градусов меньше, чем наша собственная температура. Пить ее противно, в лучшем случае, ею можно прополоскать рот; наша собственная активность при этом не задействуется.

А теперь давайте обратимся ко сну! Сначала вопрос: почему мы вообще должны спать? Обычно отвечают: потому что мы устали и перестаем испытывать интерес. Но почему мы устаем? На это я дам вам сейчас предварительный ответ: наше сознание не обладает строительными силами и забирает их у наших жизненных сил. Наше сердце и многие другие органы, которые мы не осознаем, никогда не устают. Сознание же уменьшает наши жизненные силы. Мы правильно говорим, что сон снова должен их восстановить. Когда мы хотим спать, мы ищем темноты и спокойствия. Мы отгораживаемся настолько, насколько это возможно, от восприятия чувственного мира, кроме одного исключения: нам необходима приятная температура. Мы спим плохо, когда нам слишком холодно или слишком жарко. Для лица температура не так важна, а вот руки мы обычно кладем под подушку. Все, что активно трудилось в течение дня, мы покрываем теплым одеялом, которое сохраняет температуру нашего тела. Можно сказать, что высшие силы ночью снова восстанавливают наше тело, обращая на него свой интерес и заботу. Наша тепловая организация является точкой входа этих строительных сил. Днем мы интересуемся миром, и можно задать себе вопрос: нет ли у нас ощущения, что этим интересом мы укрепляем мир? Не является ли наш интерес к миру в течение дня настолько же важным для макрокосмоса, как и значение его строительных сил в течение ночи для нас? Разве мы не хотим всегда заботиться, ухаживать за частью мира?

Если бы температура, в которой мы живем, была бы такой же, как температура нашего тела, мы воспринимали бы ее как изнуряющую, почти тропическую жару, которая сделала бы нас довольно апатичными. Очевидно, что температурное различие — это расстояние, тепловой интервал в 17°C между окружающей температурой и температурой тела нам необходим для того, чтобы поддерживать нашу внутреннюю активность. Хотя земля с помощью солнца дарит нам значительное количество тепла, остальное мы должны делать сами. Эта разница является призывом к свободной связующей деятельности. Это призыв к тому, чтобы мы не были равнодушными.

При рождении этот призыв обрушивается на нас с потрясающей силой. Температура падает с 37°C, которую имеет околоплодная жидкость, до 20°C комнатной температуры. Крик новорожденного является его испуганным ответом на первый вдох воздуха. Ни у кого из млекопитающих воля к жизни не проявляется настолько сильно. Если ребенок не хочет дышать, его нужно облить холодной водой, дав понять: «Человек! Теперь ты должен справляться с этим сам!» Мы как космонавты, которые из состояния невесомости и парения

приходят на твердую землю, где им приходится учиться носить свое собственное тело. Странно, что мы практически не ощущаем веса собственного тела. Наше удивление возрастает еще больше, если мы попробуем поднять человека, который весит 70 кг. Неужели я вешу примерно столько же? Мать-природа несет на себе вес нашего тела. Лишь когда мы устаем, заболеваем или стареем, мы начинаем ощущать этот вес. Быть на земле означает ощущать вес всех вещей, и мы должны развивать собственную силу. Таким образом мы сталкиваемся с разницей в весе.

По поводу чувства обоняния мы уже говорили, что у человека практически нет никакой врожденной инстинктивной мудрости в отношении запахов. Он всему должен учиться, причем в течение всей жизни. Никакое животное не требует такого долгого ухода, как человек, ни одно животное не лежит полгода на спине. За это время должна возникнуть любовь, интерес к миру, т. е. восприятие. Звери не воспринимают. Они просто ощущают и сразу же реагируют. Совершенно неправильно слишком часто класть младенца на животик только для того, чтобы он как можно быстрее научился двигаться на четвереньках.

Обычно описания чувства температуры начинаются с очень интересного опыта. Нужно взять три ведра: одно с холодной водой, одно с горячей водой, а между ними — емкость с водой 29°C. Нужно засунуть одну руку в ведро с холодной водой, другую — в ведро с горячей и подержать примерно 2 минуты. Затем надо поместить обе руки в среднее ведро. Руке, которая была в холодной воде, эта вода кажется теплой. Руке, которая была в горячей, — холодной. Это очень странное, вводящее в замешательство ощущение. Этим абсолютно не связанным с реальной жизнью опытом экспериментатор хочет нам показать, что на чувство температуры нельзя полагаться. Он рекомендует: возьмите лучше термометр. Он сообщит вам точно и надежно, какова температура в среднем ведре. Но если теперь мы вместо рук засунем в ведра по термометру, что мы на них увидим? В холодной воде термометр покажет низкую температуру, в горячей — высокую. Если теперь переместить оба термометра в среднее ведро, тогда на холодном градуснике температура начнет подниматься, а на горячем опускаться, пока они не сравняются. Это произойдет очень быстро, но и с нашими руками происходит то же самое, просто несколько медленнее. Если немного подождать, через некоторое время руки станут воспринимать температуру в ведре одинаково. Итак, нас обманывают не чувства, а ученые.

Гораздо более интересно то, что у термометра нет нейтральной точки отсчета, от которой можно исходить для измерения теплоты и холода. У нашего тела, если рассматривать его как термометр, она есть. В описанном опыте среднее ведро имело температуру 29°C. На человеческом термометре эту температуру следовало бы обозначить 0°C. Не правда ли, вода, температура которой равна 29°C, воспринимается нами как нейтральная?

Основной вопрос, который человек себе задает, звучит так: чего я хочу? Даже когда он спрашивает себя: кто я на самом деле? или: откуда я? — все эти вопросы в конечном счете сводятся к вопросу: что я буду делать дальше? Для того, чтобы что-то делать, надо этому сначала научиться. Мы идем в школу для того, чтобы получить навыки. В хорошей школе заботятся не о том, чтобы обрушивать на ребенка тонны информации, а о том, чтобы развить в нем радость жизни, раздуть пламень энтузиазма и передать факел радости — духовную

эстафету. Мы все знаем, что мы благодарны именно тем учителям, которые учили нас с энтузиазмом. И когда позже мы выбираем профессию, мы пробуем найти то, чем мы могли бы воодушевлять других. Вся работа в принципе основывается на том, чтобы помочь другому, чтобы позаботиться о нем. Благодаря этому основному вопросу: чего я хочу? — можно лучше понять то описание возникновения человека, которое дает Р. Штайнер.

Почему у существа, неважно, бог это или человек, возникает желание что-то сделать? Эта потребность возникает, когда приобретен богатый опыт. Мы хотим поделиться опытом с другими, мы не можем использовать его только для себя. В своей книге «Из Акаша-хроники»¹⁹ Р. Штайнер описывает, что очень высокие божественные сущности — в христианской традиции их называют Тронами — тоже были людьми в далекие доземные духовные эпохи и приобрели обширный опыт бытия людьми. Троны были настолько воодушевлены этим, что в них возникло желание поделиться своим внутренним духовным опытом, воплотить его, сделать зримым. Наш мир является результатом их действий. Рудольф Штайнер называет Троны «Духами Воли» и описывает их как «сверкающее Пламя», или «сияющая Жизнь». Творение есть воплощенный божественный опыт бытия человеком «Духами Огня». И этот созданный мир тоже призывает человека к тому, чтобы посредством теплого, активного участия сделать это внешнее творение своим внутренним опытом. Новалис говорит об этом так: «Внешнее есть ставшее тайной внутреннее». Это означает, что творение есть откровение духовного мира, откровение глубоко внутреннего, теплого духовного опыта.

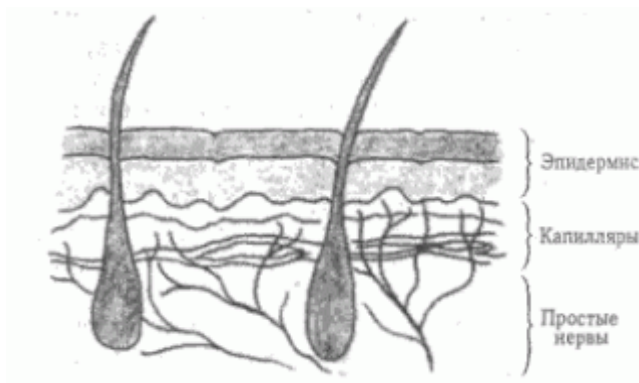
Давайте исходить из того, что мы построены по образу и подобию Бога. Но в чем же именно это проявляется наиболее характерно? В средневековой народной пьесе о рае есть место, в котором содержится ключ к этому вопросу. Бог-Отец сотворил мир, рай. Тем самым Он воплотил во вне нечто внутреннее, Он не мог держать это в себе. Но тут важна еще одна вещь: ему был нужен зритель. Все, что он сотворил за 6 дней, было хорошо. Конечно, Бог знает все. И все же, как это ни странно, Он все-таки не все знает, поскольку задает вопрос: что думает об этом человек? В пьесе это звучит следующим образом: «Скажи, Адам, ну как.это тебе? Я всем сердцем хочу это знать». Какое воздействие оказывает на человека ставшее явленным? Как он его воспринимает, восхищается ли оно его, наслаждается ли он им? Именно это прежде всего интересует Бога. Любопытство Бога должно быть удовлетворено его творением — Адамом. Человека призывают к тому, чтобы он стал самостоятельным и активным, чтобы он проявил воодушевление. Так с помощью чувства тепла мы становимся «интересующимися существами», ценителями. Любовь, с которой Бог все сотворил, требует ответа, эха. Тот простой факт, что мы все время задаем друг другу вопрос: как это тебе? — очень характерен для нашего божественного происхождения. Человек никогда не должен стоять в стороне, никогда не должен быть равнодушным.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО ЗРЕНИЯ И ЧУВСТВО ТЕПЛА ЧАСТЬ 4

Р. Штайнер называет чувство тепла первым чувством, которое возникло у человека. Этот орган сначала располагался вверху головы. Вы наверняка слышали о «третьем глазе», но этот третий глаз никогда не был глазом²⁰. Этот орган можно найти у рептилий, например у ящериц: он находится сразу под черепом. В черепе там имеется отверстие, поэтому орган действительно выглядит как примитивный глаз. Ученые установили, что с его помощью животные могут воспринимать инфракрасное излучение — то есть не что иное, как тепло. Получается, что это орган восприятия тепла. У человека раньше тоже был такой орган, с помощью которого он мог отыскивать наиболее благоприятные для себя места, где было питание. «Раньше» в антропософской литературе называют «лемурийской эпохой». Этот орган использовался для поддержания собственной жизнедеятельности. Но постепенно третий глаз атрофировался и стал всего лишь маленькой железой, которую называют эпифиз, или шишковидная железа²¹. В стадии эмбрионального развития можно увидеть эту железу под большим родничком, когда череп еще не закрыт. Позднее на ней вырастает головной мозг. Таким образом, эмбриология нам показывает, что в ранние эпохи человек проделал очень долгий и странный путь развития.

Наука очень мало знает о чувстве тепла. Специалисты говорят о холодных нервах и теплых нервах, но ученые друг другу противоречат. Я считаю, что есть только одна правильная теория, лекцию о которой я прослушал единственный раз в жизни. Эта теория состоит в следующем. Под кожей у нас есть множество различных, находящихся друг на друге, слоев очень маленьких кровеносных сосудов и капилляров. Также под кожей находится целый ряд различных нервов с не очень понятными функциями. Это простые нервы, голые нервы, которые не заканчиваются ни в каком специализированном органе чувств. И эти голые нервы пронизывают слои находящихся друг на друге кровеносных сосудов. Нервы, которые просто воспринимают, как тепло выходит или входит через кожу.

Продольный разрез кожи

Это очень простые нервы, поскольку здесь речь идет об очень простых движениях человеческой души. Душа проявляет интерес и ждет, произойдет ли ответное движение или нет. Для этого ей нужны «нервы интереса». Есть ответное движение? Да? Тогда мы ощущаем тепло. Тогда мы чувствуем, что нас принимают, что космос нам симпатизирует, что мы можем действовать вместе. Нас поддерживают и вдохновляют. И наоборот, мы, как душевные существа, тоже можем вести себя подобным образом. Мы же заботимся друг о друге. Мы воодушевляем друг друга. Это именно то, что мы делаем, интересуясь миром. Чувство тепла является первым органом человека, который в качестве базовой способности присутствует во всех остальных органах чувств.

Сущность любого органа чувств заключается в проявлении интереса. Третий глаз внешне, как локальный орган чувств, атрофировался, превратившись в эпифиз, но его деятельность является основой всех чувственных восприятий. Двенадцать органов чувств одновременно являются двенадцатью видами восприятия, двенадцатью формами вдохновения миром.

Факт остается фактом: мы, будучи теплообразующими существами, хотим действовать. Отсутствие работы вызывает ощущение изоляции, выключенности. Мы хотим с помощью нашего интереса приобретать опыт. И странно, но в этой области нам необходимо максимально возможное разнообразие. За разнообразие того, что мы воспринимаем с помощью глаза, отвечает природа. За разнообразие того опыта, который мы хотим приобрести, отвечает мы сами. Именно благодаря тому, что наше тело является тепловым организмом, мы способны передвигаться по земле, но опыт, который мы ищем, это нечто внутреннее. С помощью чувства жизни мы воспринимаем приятное или неприятное, то есть внешнее, телесное. Чувство температуры учит нас ощущать чувство радости или неудовлетворенности. Даже когда мы получаем что-то просто так, без задействования собственной активности, прекрасный подарок или замечательную погоду, мы все равно должны активно на это прореагировать. Даже когда нам что-то не нравится или не удается, когда все валится из рук, нам все равно необходимо внутренне это пережить. Животные передвигаются для того, чтобы найти пищу, которая поддержит их физическое существование. Человек двигается еще и для того, чтобы обрести опыт, то есть духовную пищу.

Давайте теперь рассмотрим, какой поворот произошел в использовании чувства тепла. Праорган тепловой чувствительности, третий глаз, был «эгоистичным» органом и служил для заботы о существовании человека. Современный орган тепла как раз не хочет заниматься внешним теплом или холодом. Он хочет, отдавая внешнее тепло, подарить также и внутреннее тепло и интерес (вспомните о разнице температур в 17°C).

Я хотел бы обратить ваше внимание на хорошо вам известное, но от этого не менее странное явление. Сначала — несколько слов о чихании. В течение жизни мы научились осторожно обращаться с теплом, не обжигаться горячими предметами и огнем, одеваться, чтобы не простудиться, и так далее. Наше тело располагает мощнейшим предупредительным рефлексом, который является выражением чувства жизни и который в области обоняния с непреодолимой силой принуждает нас к тому, чтобы активно наброситься на врага. Чихание — действительно очень драматичное и комическое представление, некий взрыв. Мы чихаем не

только от резких запахов перца или табака, которые даже причиняют боль, но и тогда, когда мы стоим на сквозняке. Что же происходит, когда мы чихаем? Мы делаем короткие вдохи, как будто собираясь расплакаться, мы собираемся в нашем верхнем полюсе. И затем, в высшей точке, мы взрываемся до нижнего полюса, до живота и конечностей. Мы выкидываем все наружу. Слезы плача становятся слезами смеха. В мгновение ока это охватывает наш нос, и без носового платка нам конец. Чувство жизни предупреждает нас: с твоим тепловым организмом не все в порядке. Давай, со всей силой, быстро встряхни его, чтобы все встало на место! Это как у птицы, перья которой взъерошились ветром. Одно быстрое встряхивание, и все снова лежит как надо. Во время чихания мы встряхиваем свое теплое перьевое одеяние для того, чтобы оно хорошо лежало.

Так чувство жизни замечательным образом приводит к взаимодействию двух полярных органов чувств — обоняния и чувства тепла. Это является примером совместной работы органов чувств. При этом переходе «от слез к смеху» мы также производим очень громкие звуки. Международное слово «апчхи», обычно произнесенное трижды, наполняет пространство. Чихание является лучшим профилактическим средством от простуды. Не случайно раньше люди предлагали друг другу щепотку табака с пожеланием: «Будь здоров!»

Еще одно явление, которое говорит о многом и которое также принадлежит чувству тепла, — это дрожь от холода. Она совершенно противоположна чиханию, которое исходит из очень локального места (области обоняния). Мы дрожим, вернее сказать — нас трясет с головы до ног, сотрясается вся поверхность тела, причем беззвучно и постоянно, без перерыва. Мы чувствуем, что можем замерзнуть, чувствуем, как мы деревеем, и поэтому делаем все, чтобы этого не произошло. Обычно мы помогаем себе тем, что двигаемся: потираем руки, приплясываем, хлопаем себя руками. Это явный пример того, что от нас требуется личная активность. Полярность чувства тепла и обоняния мы обнаруживаем в полярности дрожи и чихания.

Очень показательна также разница между страхом и стыдом. Когда мы испытываем страх, мы бледнеем, периферийные кожные кровеносные сосуды сужаются. Мы пытаемся стать как можно меньше, как бы стремимся превратиться в точку и исчезнуть. Когда же мы испытываем стыд, мы можем покраснеть «с головы до пят». В отличие от обычного стремления поделиться своим опытом с другими, в тот момент, когда мы стыдимся, мы пытаемся утаить, скрыть что-то. Вместо излучения интереса мы пытаемся воздвигнуть вокруг себя стену, задержать тепло. Но все наши усилия напрасны, поскольку мы замечаем, что мы, краснея, компрометируем себя еще больше. Великая моральная сила стыда заключается в том, что дурное не может оставаться скрытым. Человек действительно может покраснеть с головы до пят. Высший человек стыдится за низшего. Я не буду сейчас говорить о том, что в наше время и в нашей культуре делается все, для того чтобы люди стали бесстыдными. Традиции Вавилона приобретают все большую силу. Церковь всегда утверждала, что человек ничего не может утаить, на этом основана исповедь. Для извращения этой интимной встречи между грешником и священником исповедальня переносится в телевизор. За большие деньги для развлечения сидящих перед экраном телезрителей рассказываются бесстыднейшие вещи.

Чувство тепла все время мешает нам быть равнодушными. Это нужно очень хорошо усвоить — благодаря чувству тепла мы постоянно воспринимаем разницу между нами и миром, и это пробуждает наш интерес. Мы перестаем быть людьми, когда интерес исчезает. Тогда мы говорим о мертвых душах, даже Бог не знает, что с ними делать. Они недостаточно хороши для неба, недостаточно плохи для ада, поэтому Данте помещает их у входа в ад, где их, голых, кусают мухи и оводы²². Их приходится внешним образом побуждать к внутренней активности, поскольку сами они ничего не делают.

Знак Зодиака для чувства тепла — Лев (<Q). Этот великолепный зверь с его царственной гривой, с его прекрасной солнечной головой есть чистое, вдохновенное наслаждение. Вы никогда не сможете стать по-настоящему человеком, если вы не наблюдали внимательно за семейством кошачьих: львами, тиграми, домашними кошками и т. д. Когда вы ощутите мягкость их движений — крадущуюся походку, стремительный бег, повороты, прыжки, эту силу, эту гибкость, — тогда вы заметите, насколько пронизаны солнцем, подвижны и эвритмичны их движения. Потягивающиеся по утрам, свернувшиеся клубком во время сна — нигде нет никаких зажимов, у них даже когти подвижны. (А попробуйте-ка подвигать своими ногтями!) А эти игры и забавы! Понаблюдайте за обыкновенными кошками. Их игры с предметами, с перышком, бумажным шариком, попытка поймать муху, балансирование на узком крае — все это великолепно! И затем: спокойствие, бесконечное наслаждение солнцем. Ни одно другое животное не обладает такими богатыми мимическими возможностями выражать свои чувства. Это касается как головы, так и всего тела. То ластящиеся, то испуганные, с выгнутыми спинами и вздыбленной шерстью, могущие как резко схватить, так и нежно дотронуться, неутомимо лазающие по деревьям. И — кошка, сидящая на подоконнике, элегантно обернувшая вокруг себя хвост. По моему мнению, на этом сотворение мира могло бы и остановиться. Подобные жизнелюбцы являются воплощением чувств, они же просто мурлычат от радости! Но при этом нельзя забывать, что лев — это хищное животное, которое прилагает огромные усилия для того, чтобы поймать добычу. Подобная львиная сила должна сопутствовать проявлению интереса. Беря и отдавая, мы хотим понимать и быть понятыми.

Давайте в конце еще более подробно рассмотрим этот странный процесс: первый орган тепловой чувствительности физически исчез, но способность проявлять разносторонний интерес передалась всем остальным органам. Сам орган превратился из центрального в орган, который распространен по всей поверхности нашего тела: произошло развитие от центра к периферии. Существует замечательный образец подобного развития. В Библии рассказывается о крещении в Иордане. Сущность Христа в этот миг соединяется с человеческим существом, Иисусом, которому исполнилось 30 лет. Божественное существо воплощается в человеческую оболочку и действует среди людей. Через два с половиной года его предают, распинают, он спускается в подземный мир (так называемое сошествие в ад), а затем воскресает (Пасха). В течение сорока дней воскресший Христос пребывает с апостолами и передает им свои глубокие эзотерические знания. Он, хотя и в сверхчувственном облике, пребывает меж ними. Затем он покидает их (Вознесение на небо, четверг), вследствие чего апостолы оказываются покинутыми в душевной ледяной пустыне. На десятый день пребывания в этом душевно-ледяном пространстве — на пятидесятый день после воскресения

— приходит утешение — снисхождение Святого Духа; это Троица, воскресенье (по-немецки этот праздник называется Pfing-sten, от греческого pentecoste, что означает пятидесятый день). Это нисхождение приходит с периферии, что символически выражается языками пламени, которые входят в апостолов. Теперь каждый из них говорит на своем языке, и все-таки они понимают друг друга. Огненные языки суть образ энтузиазма. Апостолы способны выполнить свою миссию, передать пламя дальше, каждый в соответствии со своими силами. Лишь теперь они стали апостолами в истинном смысле этого слова. В эволюции органов чувств мы тоже находим подобный величественный процесс от центра к периферии. Органы чувств стали великими учителями человечества. Каждый орган чувств говорит на своем языке, но все они понимают друг друга и образуют единое целое.

Я бы хотел закончить эту главу двумя стихами, которые помогут вам ощутить, как столь разные вещи могут родиться из чувства тепла. Первое взято из книги Фридриха Ницше «Веселая наука» (1882) и называется «Ессе homo» — «Се человек». Это слова, которые произносит Пилат, обращаясь к толпе (Ев. от Иоанна 19, 5). Второе стихотворение — это изречение Рудольфа Штайнера, написанное на последнем году жизни.

Ессе homo

Да! Я знаю эту тайну! Ненасытен словно пламя, Кверху рвусь, сгорая, я. Свет — все то, чего касаюсь, Уголь — все, что оставляю: Пламень страстный — вот кто Я!

Я хотел бы каждого человека Возжечь из космического духа, Чтобы он стал пламенем И огненно раскрыл сущность Своей сущности.

Другие, они хотят

Взять из космоса воду,

Которая тушит пламень

И всю сущность делает

Скованной внутри.

О радость, когда человеческое пламя

Пылает даже там, где оно покоится!

О горечь, когда человек

Связывается там, где он хочет быть подвижным.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО СЛУХА ЧАСТЬ 1

• 9 апр, 2010 в 11:41

Как сладко дремлет лунный свет на горке! Дай сядем здесь, — пусть музыки звучанье Нам слух ласкает; тишине и ночи Подходит звук гармонии сладчайший. Сядь, Джессика. Взгляни, как небосвод Весь выложен кружками золотыми; И самый малый, если посмотреть, Поет в своем движенье, точно ангел, И вторит юнооким херувимам. Гармония подобная живет В бессмертных душах; но пока она Земною, грязной оболочкой праха Прикрыта грубо, мы ее не слышим.

В. Шекспир ч Венецианский купец»2* (пер. Щепкиной-Куперник)

Как и в прошлый раз, сначала мы вспомним все то, что мы уже говорили об органах чувств. Этот курс мы начали с рассмотрения четырех органов чувств, которые относятся исключительно к физическому телу: чувство осязания, чувство жизни, чувство собственного движения и чувство равновесия. Чувство осязания, благодаря которому мы ощущаем себя как изолированное существо; чувство жизни, которое обращает наше внимание на то, что мы полны жизненных процессов, то есть на то, что у нас есть собственная конституция, что мы здоровы или больны. Чувство собственного движения, которое указывает на то, что у нас есть динамическая способность, с помощью которой мы можем самовыражаться в своем теле и двигаться. И наконец чувство равновесия — оно позволяет человеку быть равновесным существом. Подобно тому, как при помощи чувства осязания мы прощаемся с миром, так мы снова входим в мир благодаря чувству равновесия. Мы удерживаем равновесие только благодаря миру.

После рассмотрения этих четырех органов чувств, относящихся к физическому телу, мы подробно рассмотрели четыре душевных органа чувств: обоняние, чувство вкуса, зрение и чувство температуры. Существует своеобразное повторение в способе функционирования душевных и телесных органов чувств. В случае с обонянием мы имеем дело с сухостью — когда у вас насморк, вы не ощущаете запахов, — а также с чем-то подобным тени; с тем, что уже умерло. Запах растения, сколь бы много жизни в нем ни было, все же есть лишь испарение, выделение физических веществ. Высушенные травы пахнут очень сильно. Мы увидели, что запахи воздействуют на нас очень агрессивно, и что мы тоже очень агрессивно на них реагируем. Запахи будят наши инстинкты, и мы, со своей стороны, реагируем на них инстинктивно. Можно сказать, что запах обладает волевым характером.

Что касается вкуса, этой странной пограничной области, то, как я вам уже говорил, он на самом деле является самым дурно используемым органом человека, поскольку мы все время с его помощью определяем, вкусно ли то, что мы едим, или нет. На самом же деле его функция заключается в том, чтобы мы на вкус определяли, здоровая ли пища или нет, подобно тому, как действует наше чувство жизни. Но в отношении чувства вкуса очень многое зависит от нас самих: разовьем ли мы эту способность или нет.

Если бы у нас были только два этих связанных с телом органа чувств, только обоняние и вкус, тогда бы мы были полусонными, находящимися в своеобразном трансе существами. Лишь благодаря чувству зрения мир открывается перед нами. Глаз — совершенно

удивительный орган, который охватывает все, с помощью которого мы видим весь мир. Я рассказал, что краски раскрывают нам внутреннюю суть мира. Благодаря краскам проявляется душа мира, и мы встречаемся с ней. И подобно тому, как при свете мы выходим в мир, а в темноте уходим внутрь себя, точно так же и краски существуют между двумя этими полюсами. У каждого, кто представит себе желтый цвет, сразу же возникает чувство, что этот цвет как-то связан со светом, в то время как синий свет является представителем темноты. Гёте все это очень детально описал. Связь между цветами и душевными настроениями обнаруживается также и в языке: мы говорим о веселых красках и о мрачных цветах, сдержанных тонах и так далее. В отношении вкуса это невозможно. Вы же никогда не скажете, что морковь очень веселая на вкус или что лук мрачен? Таким образом, зрение принадлежит области душевных переживаний. В антропософии используется понятие душа ощущающая, и здесь речь идет именно о душевных ощущениях.

Итак, подобно тому, как запах обладает волевым характером, а вкус благодаря своему интимному характеру связан с жизнью чувств, так зрение, раскрытие глаз является своеобразным мыслительным процессом. Разглядывая, мы всегда одновременно «думаем» с помощью глаз. Мы не были бы мыслящими существами, если бы у нас не было глаз. Мы говорили об обманах зрения — они возможны только потому, что при зрении важную роль играет мышление. Отсюда не следует, конечно, делать вывод, что тот, кто является слепым, не может думать. Но в любом случае слепому в процессе обучения всегда требуется помощь зрячего человека. Мы не были бы мыслящими существами, если бы у нас, у человечества, не было способности видеть.

Задумайтесь над тем, о каких вещах вы размышляете. Эти вещи в значительной степени связаны со зрительными впечатлениями. Даже когда мы говорим о запахе или о вкусе, мы смотрим на нос или на рот и описываем, что мы видим. Нам очень сложно, поскольку мы являемся мыслящими существами, отключиться от зрительных образов. Все естествознание по большей части является «визуальным миром». Даже сам глаз мы исследуем с помощью глаза, подобно тому, как мышление можно исследовать с помощью мышления. Можно поставить знак равенства: знать = прозревать!

Восьмым по счету органом чувств у нас был орган восприятия тепла. И хотя этот орган мы рассмотрели лишь восьмым, на самом деле чувство температуры является первым чувством, которое было дано человеку. Дело в том, что благодаря чувству тепла может произойти наша встреча с миром. В этом человек сходен с животными, растения не могут ничего воспринимать. Воспринимать могут лишь животные и человек, поскольку у них есть внутреннее стремление ко встрече с миром. Эта их способность называется астральным телом.

В астральном теле, или в душевном теле, мы взаимодействуем с чувством тепла. Животное полностью подвластно собственным инстинктам, поэтому никакое животное не осознает, что оно воспринимает, что оно встречается с миром. Человек же, напротив, осознает это. Благодаря этому осознанию он обладает восприятием того, что он является частью мира. И поскольку принятие или непринятие участия в том, что происходит в мире, выражается с помощью температуры, можно утверждать, что тепло выражает принадлежность, соучастие (мы замечаем, что наш интерес к миру встречает теплый прием), а холод выражает

закрытость, ограниченность (холодное равнодушие). Тем самым мы выразили совершенно элементарные, первоначальные предпосылки человеческой души. Человек всегда соединяется с окружающим его миром, проявив интерес и ожидая ответа на свой интерес.

Холод мы ощущаем как покинутую Солнцем землю; тепло — как призыв к тому, чтобы стать пронизанным космическими силами — не только нам, но и всему земному бытию: Земля снова должна стать Солнцем. Однажды Земля отделилась от Солнца. Но в глубине Земли, и глубоко внутри нас самих, мы ощущаем оставшееся тепло. Вспомните все, что связано с извержением вулканов. Наша задача состоит в том, чтобы благодаря нашему энтузиазму Земля снова могла объединиться с Солнцем: «...она однажды станет Солнцем», написал в своем стихотворении Кристиан Моргенштерн.

Многие из вас сейчас, наверное, подумали, что чувство слуха тоже относится к душевным органам чувств. Но я надеюсь, мне удастся вам показать, что благодаря слуху мы оказываемся в совершенно ином мире. Давайте подумаем: у нашего тела есть определенный запах, и с этим ничего не поделаешь. Какой-нибудь каннибал может нас съесть и сказать: у него такой-то и такой-то вкус. У нашего тела определенная окраска и (хотя и в небольших границах) различная температура, которую мы не можем регулировать по собственному желанию. Все эти вещи нельзя изменить! Но во всем, что касается шумов, дело обстоит совершенно иначе. Мы умеем шуметь с самого рождения. Мы способны производить шум и звуки не только с помощью инструментов, но и с помощью нашего тела, которое само является инструментом, на котором можно играть. Мы можем гудеть, жужжать, выть и говорить сами с собой или с другими; мы являемся источником звуков.

В природе всегда есть на что посмотреть — яркое многообразие впечатлений захлестывает нас. Везде присутствует определенная температура. Но по сравнению с этим существует очень мало шумов. Помимо шума листьев, грохота водопадов или шума моря, шелеста капель дождя, раскатов грома или рева обрушивающейся лавины и, конечно же, звуков, которые производят животные, существуют огромные пространства, где царит тишина. Нам нужна тишина, мы ищем тишины в нашей комнате, в лесу, на природе. Конечно, мы можем наслаждаться пением птиц, но и они не поют непрерывно. Есть только одна птица, жаворонок, которая поет очень долго и без перерыва, но она поет высоко в небе, паря и одновременно занимаясь охотой на мушек. Один-единственный жаворонок поет, как целый хор.

Наши глаза постоянно живут в мире красок, туман мы воспринимаем как неприятное исключение. Но действительно чистые звуки встречаются нам, напротив, довольно редко. Пение птиц является исключением, и наверно поэтому оно настолько нас очаровывает. Среди тысяч видов птиц можно на пальцах одной руки пересчитать тех, которые способны производить чистые звуки. Ни одно наземное животное не поет. Некоторые виды обезьян вечером «поют», но это скорее стенания, чем пение. Птицы принадлежат высоте, стихии воздуха. Англичане вообще не относят птиц к животным, они говорят о «birds and animals» (о «птицах и животных» — прим. пер.). Изображая сверхземные существа, например, ангелов или драконов, мы наделяем их крыльями. Есть птицы, которые больше не могут летать: пингвин, страус и так далее. Но они и не относятся к певчим птицам.

Представьте себе все наоборот: мир, в котором огромные пространства были бы лишены красок! Тогда бы мы ощущали себя слепыми. Нас охватил бы панический страх, и мы сразу же устремились бы назад, в царство красок. Теперь представьте себе ландшафт, наполненный чистыми звуками. Нечто подобное мы переживаем на концерте, когда музыканты настраивают свои инструменты. Результатом является дикая какофония, все звучит фальшиво, сплошные дисгармонии, диссонансы. А теперь представьте себе, что вам приходится это слушать целый день! Можно задаться вопросом: почему творение Божие таково, каково оно есть? Не может ли быть так, что человек призван ощущать эту звуковую пустоту? В начале «было Слово». Это поистине так. Не должно ли все снова стать Словом?

Давайте, сохранив в душе этот тихий вопрос, более пристально взглянем на мир звуков. Я снова хотел бы начать с вопроса: как, собственно, возникает звук? Представьте себе, что вы еще ни разу в жизни ничего не слышали. Вы все видели, даже красивый медный колокольчик, но вы не знаете, что существуют звуки и что в этом медном колокольчике есть еще что-то, кроме его восхитительной формы. И вот однажды, когда вы уже выросли, вы ударяете этот безгласный сверкающий предмет и вдруг в первый раз в жизни слышите звук. Что с вами происходит? Вы, вероятно, будете абсолютно ошеломлены и начнете спрашивать себя, как же возможно, что этот чудесный, сияющий и сверкающий предмет может одновременно быть чудесным звучащим предметом. Поверите ли вы тогда, что это всего лишь пара колебаний, которые можно точно рассчитать и изобразить графически? Ведь это изображение вам ничего не говорит? Оно ведь никак не связано с сущностью звука, который вы слышали?

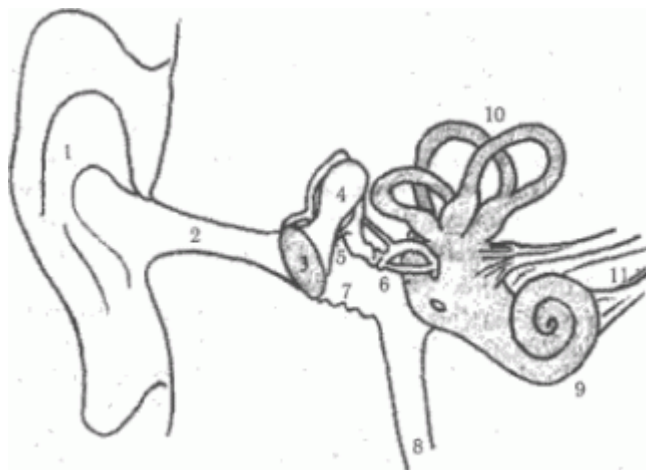
Что необходимо для того, чтобы заставить нечто звучать? Когда вы ударяете по куску мокрой глины, никакого звука не получается. Для того, чтобы предмет звучал, когда мы по нему стучим, он должен быть твердым, «земным». Но это не единственное требование. Ударьте по куску руды, который глубоко погружен в землю. Он ведь тоже не звучит. Пока предмет глубоко и прочно сидит в земле, он не звучит. То есть для того, чтобы появился звук, у нас должно быть нечто твердое, нечто очень земное, но больше не связанное с землей. Лишь земное, отделенное от земного, звучит. Мы должны поднять его высоко, освободить его от привязанности к земле. Замечательным примером этого является металл. Лишь тогда, когда металл закалили и в доменных печах освободили от земных остатков, сделали его парящим, лишь тогда он способен к тому, чтобы издавать чудесные звуки. Конечно, последнее требование мы не можем полностью выполнить: нам придется все же его держать. Но представьте себе, если бы мы смогли закаленный, очищенный металл действительно заставить парить, — то, ударяя по нему, мы могли бы извлекать из него самые удивительные звуки. Когда мы ударяем, возникает колебание, движение.

В чем же заключается особенность этого колебательного движения? Вы все знаете, что Земля вращается. Это подтверждается знаменитым опытом с «маятником Фуко», который был сделан в Париже в середине позапрошлого столетия. Движение маятника не постоянно, в каждый момент времени его скорость изменяется. С высшей точки вниз он движется все быстрее и быстрее, пока не достигнет самой низшей точки. Затем его движение замедляется, пока он не останавливается на краткий миг в противоположной высшей точке, чтобы затем

вновь начать ускоряться. Таким образом, его движение не является постоянным, оно двигается «само в себе». Кроме того, это самодвижущееся движение согласовано с космосом. Вертикальная плоскость, в которой движется маятник, неподвижна относительно космического пространства. Но вследствие того, что Земля вращается в космосе, кажется, что эта плоскость меняется. На самом же деле меняется положение Земли. Подобным же образом дело обстоит со звуковыми колебаниями. Они, подобно «освобожденному от Земли» маятнику, тоже являются движущимися внутри себя движениями, которые ориентированы на космос. То, что наука проводит различие между колебательными движениями в твердых телах и колебательными движениями маятника (то есть между продольными и поперечными волнами), ничего не меняет, поскольку эти движения подобны друг другу.

Если вы поймете и запомните этот образ земного, ставшего «неземным» и находящегося в мощном колебательном движении, которое ориентировано на космос, то вы начнете понимать, что такое звук. Материя оказывается в состоянии, которое ей не свойственно. Благодаря этому определению вы сможете действительно постигнуть чудесную природу звука, который возникает тогда, когда мы берем нечто, что никогда бы само по себе не смогло двигаться, нечто твердое, земное и доводим его до такого состояния, которое свободно от земного. А затем мы приводим его в грандиозное состояние движения, которое связано не с Землей, а ориентировано на две звезды, которые находятся по обеим сторонам горизонта, то есть на Космос.

Теперь, когда мы знаем, в чем состоит сущность звука, мы можем заняться вопросом, каким образом работает «аппарат» человека, который способен воспринимать звуки,— ухо.

Внешнее ухо

1. ушная раковина
2. слуховой проход
3. барабанная перепонка

Среднее ухо

4. молоточек

5. наковальня
6. стремечко
7. барабанная полость
8. евстахиева труба

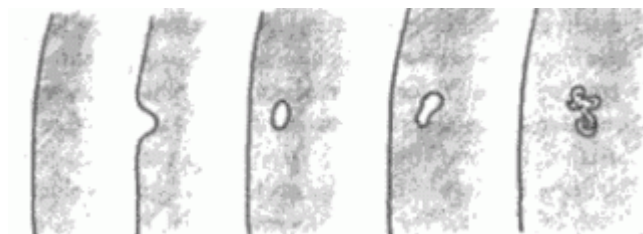
Внутреннее ухо

9. улитка
10. полукруглые каналы (орган равновесия)
11. нервы

Разрез органа слуха

Ухо состоит из трех частей: наружное, среднее и внутреннее ухо. Внешнее ухо включает ушную раковину, наружный слуховой проход и барабанную перепонку. В среднем ухе находятся три слуховые косточки: молоточек, наковальня и стремя. От среднего уха ко рту идет слуховая труба. Она забита, когда вы простужены; по имени ее открывателя ее называют евстахиевой трубой. И, наконец, во внутреннем ухе находится так называемая улитка, которая связана с тремя полукруглыми органами равновесия, полукруглыми каналами, о которых мы уже говорили.

Орган слуха, подобно многим другим органам чувств, возникает на поверхности. Сначала на коже появляется борозда, так называемая область жаберной щели, из которой затем возникает механизм дыхания и еды. Это происходит на ранней эмбриональной стадии, когда глаза находятся в начальной фазе своего развития по бокам головы. Постепенно они «сдвигаются» вперед, в то время как зачатки ушей двигаются назад. Таким образом, в конце концов уши оказываются совсем в другом месте, чем то, где они первоначально были заложены. Между тем маленькая борозда на коже постепенно становится пузырьком, наполненным жидкостью. Из этого пузырька впоследствии возникнут три полукруглых канала (орган равновесия) и улитка. Из кусочка кожи, то есть из того, что находится снаружи, постепенно возникает наше внутреннее ухо. Закрытый пузырек перемещается все глубже и становится улиткой и тремя полукруглыми каналами. То, что изначально было кожей, оказывается у человека глубоко внутри височной кости, в основании черепа. Если вы посмотрите на череп млекопитающих, вы увидите, что там эта глубина не достигнута. Там внутреннее ухо просто прикреплено к низу черепа. Только у человека оно находится так глубоко, в самой твердой кости.

Схематическое изображение возникновения внутреннего уха

Внутреннее ухо возникло благодаря тому, что кусочек нашей внешней кожи оказался глубоко внутри тела. Каково же происхождение слуховых косточек среднего уха? Эти косточки возникают за счет атрофировавшегося кусочка челюсти, причем это происходит одновременно с преобразованием того, что позже станет подъязычной костью. Наружное ухо возникает, когда около шести кожных почек срастаются в ушную раковину. Но самыми важными частями уха являются, конечно, внутренние части.

Как вы видите, ухо возникает странным образом, причем направление движения его возникновения полностью противоположно направлению возникновения глаза. Там процесс начинается спокойный, неподвижный мозг, который выдвигается наружу и живописно раскрывается нашими очень подвижными глазами. Путь, по которому идет ухо, напротив, начинается с беспокойного полюса желаний, из той области, где мы, для того, чтобы поддерживать свое существование, дышим и едим.

В университете, где я учился, один профессор, рассуждая на тему происхождения высших животных, к которым он также относил и человека, всегда говорил: «Сегодня мы слышим той частью тела, с помощью которой раньше ели!» Он конечно, шутил, но это действительно так. Я бы только чуть-чуть иначе это сформулировал: «Мы слышим тем, чем мы раньше ели», поскольку нет никакой существенной разницы между поеданием и слушанием. И в этом тоже заключена тайна становления. Вспомним тот факт, что при «ударе», при мозговом кровоизлиянии функции питания и дыхания отказывают последними. Эта область особенно защищается, поскольку источником жизни человека является возможность есть и дышать. И именно из этой области возникает слух, который позже обособляется и наделяется противоположной функцией.

Более яркий контраст действительно сложно себе представить. Дело в том, что наша нижняя челюсть движима самыми сильными мускулами: когда вы с силой что-то кусаете, вы производите работу, равную подъему одного человека. И вы можете делать это много раз подряд. В цирке есть номер, когда человек, висящий вниз головой, держит в зубах шест, по обеим сторонам которого висят две прекрасные акробатки!

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО СЛУХА ЧАСТЬ 2

• 10 апр, 2010 в 16:00

Теперь мне необходимо объяснить вам новое движение, которое, вероятно, будет для вас совершенно незнакомым. Я могу бежать все быстрее или же я могу бежать медленнее и медленнее, пока не остановлюсь. Но можете ли вы себе представить движение, которое еще более неподвижно, чем просто неподвижность? То есть когда нечто, например, нижняя челюсть двигается быстро, затем все медленнее, пока, наконец, это «нечто» — эта нижняя

челюсть — не прекращает двигаться и не останавливается. Если продолжить ее собственное движение дальше, за состояние покоя, тогда, как вы можете догадаться, челюсть позволит двигать собой. Другими словами: быть еще более неподвижным, чем просто неподвижным, — это позволять двигать собой, подобно тому, как иметь меньше, чем несколько денег, означает иметь долги. В отношении денег, это означает потерю, а в нашем случае это означает приобретение. Наши слуховые косточки действительно позволяют двигать собой. Ведь именно из наиболее подверженной инстинктам области, где мы, вдыхая и питаясь, боремся за собственное существование, и где находятся самые сильные мускулы, именно из этой области обособливается нечто, что становится настолько неподвижным, настолько внутренне погруженным само в себя, заключает себя в самую твердую нашу кость, становится настолько спокойным, что позволяет двигать собой. Даже пара маленьких мышц, которые находятся на слуховых косточках, служат лишь тому, чтобы тормозить движение, которое возникает вследствие внешних воздействий, если оно становится слишком интенсивным.

Теперь мы рассмотрим наружное ухо. Я уже сказал, что внешнее ухо — это несколько бугорков, которые срастаются в ушную раковину. При этом странно, что ушная раковина людей (а также обезьян и человекообразных обезьян) прилегает к голове и неподвижно на ней закреплена, вместо того, чтобы быть прикрепленной наверху головы в виде воронки, как, например, у лошади. Почему это так? Ведь воронка была бы гораздо удобнее! Ведь когда кто-то тихо говорит или плохо слышно, мы прикладываем к уху руку, образуя воронку. Но я должен сказать, что если бы ваши уши имели форму маленьких воронок, вы смогли бы лучше слышать, но вы никогда бы не смогли прислушиваться! Вы замечали, что лошадь не прислушивается, она «видит» ушами; она способна двигать своими ушами, поскольку она не может прислушаться. Возможность движения у человека как раз отсутствует — хотя ушные раковины окружены множеством мускулов, человек практически не способен двигать ими. Перед нами очень странное явление — нечто присутствует для того, чтобы им не пользовались. Без ушных раковин мы слышим не хуже! Край ушной раковины не такой острый, как у воронки, и, в отличие от многих животных, загнут складкой вовнутрь. Вероятно, это самая прекрасная форма, поскольку у нее больше нет никаких внешних функций.

Теперь мы можем приблизиться к пониманию отдельных аспектов человеческого духа. Дело в том, что человеческий дух выше, чем человеческая душа. В отношении души стоит вопрос: как мы реагируем на мир, что мы в нем можем «сделать»; в то время как с помощью духа мы можем «сделать» нечто в нас самих. Самое удивительное в слухе — тот факт, что хотя он происходит из того полюса, где человек хочет действовать в силу своей личной активности, орган слуха уходит вовнутрь. Благодаря этому процессу преодоления инстинктов, человек становится способен к внутренней активности. Этот уход вовнутрь является процессом, поэтому ухо должно быть первоначально заложено вовне, для того, чтобы оно смогло осуществить уход вовнутрь. Если бы ухо было изначально заложено внутри, этот процесс был бы невозможен. Человек должен пройти по этому пути, и в этом заключается величие эмбриологии как науки. Благодаря ей, мы всегда можем увидеть, каков путь развития отдельных органов. Подобно тому, как глаз проходит путь развития, влекомый

любопытством, и в результате встречает лишь поверхностный внешний мир, путь развития слуха ведет от внешнего все дальше внутрь.

Я должен сказать вам нечто по поводу этого внутреннего. Вы знаете, что в костях всегда есть костный мозг. Костный мозг является источником жизни человека, он питает нашу кровь. И вдруг с височной костью, куда удалился слух, происходит нечто совершенно неожиданное. В определенный момент эмбрионального развития мы наблюдаем, что целые полчища клеток идут к этой височной кости для того, чтобы «пожирать» костный мозг, источник нашей жизни. Пожираются «неприкосновенные запасы» и в результате возникают мертвые, пещероподобные пространства. Здесь перед нами снова тот же самый процесс — кость вначале полна жизни, а затем вся жизнь исчезает. Возникают пустые полости. Совершенно логично, скажете вы, ведь должны же возникнуть резонансные пространства. Это правильно, но интересно то, что эти пустоты могли быть заложены с самого начала, если бы в самом процессе забирая жизни не было бы какого-то смысла. Нет, именно благодаря тому, что мы так углубляемся в эмбриологию, мы начинаем по-настоящему понимать, насколько все имеет смысл. У трех слуховых косточек нет костного мозга.

Благодаря эмбриологии мы узнаем, что наш орган слуха идеально приспособлен для того, чтобы высвободить нас из сферы инстинктов. Ведь что такое инстинкт? Инстинкт — то, что привязывает нас к земле. Подобно тому, как металл необходимо извлечь из земли, освободить его от связи с землей для того, чтобы из него можно было извлечь звук, точно так же и орган, который способен воспринять этот звук, необходимо освободить от земли, из сферы инстинктов, из той области, которая ориентирована лишь на поддержание жизни. Вы можете теперь понять, что с помощью слуха мы гораздо более глубоко проникаем в реальность, чем с помощью зрения, которым способны видеть лишь поверхность вещей. Чувство тепла проникает глубже. Ваши глаза еще можно обмануть, обмануть чувство тепла гораздо сложнее. С его помощью мы ощущаем не только поверхность вещей, но и чувствуем, каковы они внутри. И все же чувство тепла и температуры во многом зависит от окружения. Один и тот же предмет на холоде и в тепле мы воспринимаем по-разному. Но когда мы нечто слышим, мы действительно слышим это так, как оно есть. Щелкнув по винному стакану, мы можем понять, действительно ли он хрустальный. А у итальянского кондуктора в автобусе рядом с кассой стоит маленький мраморный поднос, на который он роняет монеты, чтобы по звуку определить их подлинность. В звуках действительно слышен голос вещи, открывается сокровенное внутреннее: серебро звенит так, другой металл — иначе. Хрусталь звучит чисто, обыкновенное стекло — по-другому. С помощью слуха мы глубоко проникаем в сущность материи.

И все же в человеке ничто не происходит настолько механистично, как колебательные движения. Нигде внешний мир не проникает в нас настолько глубоко. В нас ничего не вибрирует настолько сильно, как слуховые косточки. Но мы не слышим этих вибраций. Мы не слышим колебаний. Мы слышим звук! Это величайшая загадка. Нечто очень механистическое работает внутри нас. Мы можем измерить звук и абсолютно точно представить его в числовой форме. Он настолько земной, насколько это вообще возможно. Нигде земное не проникает в нас настолько, но мы слышим нечто совершенно неземное. Мы

слышим не какие-то там 87 или 493 колебания в секунду, мы слышим звук. Мы можем сделать так, чтобы глухой почувствовал внешние колебания; но внутреннего переживания при этом не возникнет.

Здесь нам необходимо ввести новое слово, чтобы более точно выразить то, с чем мы еще имеем дело во время ухода вовнутрь. Это слово стирание, устранение. Ведь что такое уход вовнутрь? Это стирание. Это можно объяснить на следующем примере. Что происходит, когда вы читаете? Вы читаете отдельные буквы? Нет, потому что если бы это было так, вы бы читали как маленькие дети, которые еще не научились связывать буквы в слова. Вы должны «стереть» отдельные буквы, эти странной формы пятна краски на бумаге, для того, чтобы иметь возможность прочесть текст. Чтение — вещь совершенно личная, поскольку при этом слух тоже играет свою роль. Вы «слышите» слово, даже когда вы читаете про себя. Раньше люди могли читать только вслух, как наши маленькие дети, учащиеся грамоте. Они еще используют при этом свой активный полюс инстинктов.

Подобно тому, как переход от процесса чтения букв к обычному чтению является процессом стирания, в отношении слуха мы можем сказать, что мы стираем колебательные движения, убираем их. Мы никогда не слышим колебательное движение, поскольку именно его мы и стираем. Мы стираем все земное, и это возможно потому, что орган слуха полностью освободился от своего волевого полюса за счет того, что ухо «ушло вовнутрь».

Если вы сможете увидеть это с такой точки зрения, вы поймете необычайно много о слухе. Вы поймете, что вы можете стирать не только звуковые колебания — это вы всегда делаете автоматически, — но также и звуки. Вы можете сыграть до, затем соль, построив таким образом квинту. Что же произойдет, если вы возьмете эти два звука на рояле одновременно? То же самое. Когда вы слышите интервал, вы перестаете слышать основной тон и следующий тон. Нет, вы это стираете и слышите только интервал. Таким образом вы воспринимаете мелодию. Мелодия вовсе не является следующим друг за другом определенным количеством звуков. Если бы вы слышали только определенное количество звуков, вы бы не смогли услышать мелодию. Мелодия — это то, что возникает между звуками. И для того, чтобы ее услышать, вы должны стереть отдельные звуки.

Вы уже чувствуете, что здесь мы имеем дело не с характеристиками души. Здесь мы действительно оказываемся в области духа. Поэтому музыка имеет настолько много общего с математикой; все в музыке мы можем выразить численно. Это невозможно в отношении цветов, они не определяются математическими формулами. Но в отношении звуков это очень даже возможно. Можно довольно легко подсчитать, сколько звуковых колебаний присутствует в данном конкретном звуке. Вы можете задать интервальные отношения с помощью чисел. Ведь математика в действительности — это внутреннее слышание, это дух.

С каким знаком Зодиака связан слух? Если вы внимательно посмотрите на этот символ знака Зодиака (♎), то вам станет более понятно, почему слух связан с Раком. Этот символ изображает то, что один мир заканчивается, а новый мир начинается. И каковы же эти два мира Рака? Для того, чтобы это объяснить, я должен сначала немного рассказать вам о нескольких общих вещах, связанных со спиралью.

Если мы посмотрим на макрокосмос, мы увидим там гигантскую спиральную туманность с тысячами звезд. Откуда возникла эта спиральная туманность? Откуда возникли все видимые звезды? Есть древний закон, согласно которому все видимое всегда происходит из невидимого. Все, что возникло, возникло из невидимого. Поэтому и наши видимые звезды, спиралевидная туманность, возникли из невидимого. То, что мы воспринимаем, есть лишь зримая половина, которая отделилась от незримого. Каждое творение состоит в том, что первоисточник отделяет от себя часть, и при этом так, что творящий элемент переходит в творение. Это наиболее краткая формулировка процесса сотворения мира.

Движение, которое мы описали для макрокосмоса, имеет место и в микрокосмосе, а именно в нашем животе, в кишечнике. Наш кишечник тоже является спиралью. Из эмбриологии вы можете узнать, что наши кишки закладываются как простые трубы, которые затем начинают изгибаться и закручиваться в спираль. Мы все, конечно, знаем, что это очень удобно, что у нас очень длинные кишки. Но почему же это все-таки спираль? Что она выражает? В чем заключается ее смысл? Что происходит в кишечнике? Мы уже затрагивали этот вопрос, когда говорили о вкусе: мы едим макрокосмос, мы едим нечто из мира, и это нечто должно полностью исчезнуть, стать полностью переработанным, потерять свою структуру, поскольку ничто из внешнего мира, ничто, что с ним связано, не должно напрямую попадать в человека. Это нечто должно быть полностью уничтожено, прежде чем оно через стенку кишечника попадет в кровь. Макрокосмос приводится в нулевую точку для того, чтобы затем быть ассимилированным, он преобразуется в собственную субстанцию человека, при этом все чуждое исчезает. Таким образом, макрокосмос становится нашей собственной субстанцией, и это возможно только в спирали. Спираль кишечника является выражением того, что там кончается один мир и возникает новый.

Сейчас вам должно стать понятно, почему улитка в ухе имеет форму спирали. Она не может иметь зигзагообразную форму, прямую или образовывать круг. Она должна быть спиралевидной, поскольку это выражает то, что в ней исчезает совершенно мертвый, механистический мир и из материи освобождается духовное, дух. Это движение — одно состояние исчезает и за счет этого возникает новое, абсолютно противоположное состояние — мы обнаруживаем в символе Рака.

Но как этот символ самозакручивающейся и раскручивающейся спирали связан с раком? Тут нам поможет наша фантазия. Представьте себе, что вы в течение тридцати лет радовались, слушая, как ваш сосед — один или с друзьями — музицировал. Сами вы никогда не видели ни исполнителей, ни инструментов. Однажды вас настолько разобрало любопытство, что вы пришли к вашему соседу и попросили его показать вам инструменты. Несомненно, вы никогда не поверите, что чудесная музыка возникает из этих странных вещей, пока вам не покажут, как это происходит. Это вас убедит, но вы все равно будете считать музыкантов волшебниками. Все эти твердые, мертвые предметы, которые на первый взгляд вообще ничего общего не имеют с музыкой, оказывается, тесно связаны с ней!

А вот рак: противное животное, с ощупывающими усами, голова окружена ужасными клешнями. Все, даже ноги, заключено в панцирь. Кошмар. Все в живой природе рождается маленьким и нежным, а затем становится больше и тверже. Но панцирь не может расти. Как

же природа решает эту проблему? Рак, который достиг определенного размера, вдруг перестает есть. За то время, пока он не ест, вся его твердость растворяется, прежде всего это касается кальция. Кальций попадает в желудок и осаждается на его стенках в виде так называемых раковых камней, по форме похожих на чечевицу. Теперь рак может немного вырасти, и после этого кальций снова отделяется от стенки желудка и устремляется на периферию, образуя панцирь большего размера. Это волшебство рака: материализация — дематериализация. Нигде в природе мы настолько явно не увидим того, как мертвое и застывшее снова становятся частью потока жизни. Подобно тому, как музыкальный инструмент должен быть твердым и земным для того, чтобы создавать совершенно неземную музыку, в твердом и жестком раке мы видим, как много раз ритмически происходит неземное освобождение из панциря. Музыка является освобождением материи из панциря. В скобках заметим, что раковые камни используются в медицине в качестве чрезвычайно эффективного средства при уплотнениях.

Известно, что ребенок, который родился глухим, никогда не сможет стать человеком искусства. Ни скульптором, ни художником, ни архитектором. Это означает, что человек искусства всегда является «слушающим», даже если он и не занимается музыкой. Дело в том, что каждый человек может радоваться музыке и даже подпевать ей. В этом смысле чувство слуха является чувством искусства.

Вы видите, какими окольными путями нам пришлось пройти для того, чтобы понять нечто очень простое. Это же абсолютная загадка, почему орган равновесия и ушная улитка имеют общее происхождение. Чистое естествознание никогда не сможет нам объяснить, что есть общего между равновесием и слухом. Только когда мы действительно рассмотрим развитие человека (в чем нам помогает эмбриология, поскольку микрокосмос возникновения человека является отражением макрокосмоса возникновения человечества), мы начнем понимать, что наш слух и наше равновесие возникли из одного и того же пузырька на поверхности кожи, но они полярно противоположны друг другу. С помощью органа равновесия мы связываемся с землей, ориентируемся в земном пространстве. И лишь тогда, когда мы научились ориентироваться в земном, мы можем подняться над ним. Но как же нам подняться? Как попасть в царство духа, в космическую сферу? Прислушиваясь! С помощью нашего слуха! Мы должны отключиться от внешнего равновесия для того, чтобы приобрести внутреннее. Слушание музыкального произведения можно рассматривать как «прогулку» с внутренним чувством равновесия. Равновесия между низким и высоким, быстрым и медленным, громким и тихим. И если в музыкальном произведении этого равновесия нет, мы совершенно справедливо говорим тогда о негармоничном, несбалансированном произведении.

Теперь мы можем понять, что мы тем лучше слышим музыку, чем более расслабленно сидим на стуле, чем меньше удерживаем равновесие, чем меньше ощущаем себя как тело. Неверно, что тот, кто покачивает головой в такт музыке, слышит ее лучше. Мы должны делать еще меньше, чем ничего. Мы можем слышать хорошо только тогда, когда мы отключим наш земной орган, орган равновесия. Но для этого мы должны его сначала иметь! Проще говоря: не используя орган равновесия, мы делаем его резонансным для слушания.

Что самое существенное в музыке? Музыка состоит только из трех вещей: высоты, долготы и громкости звуков. И это все. Если мы овладели этими тремя вещами, мы можем играть, поскольку больше ничего в музыке нет.

Теперь я хотел бы сделать с вами пару упражнений. Сначала я дам вам послушать низкие тона, затем постепенно они будут повышаться. Попробуйте своими руками отображать высоту тонов. Вы замечаете: каждый сначала держит руку внизу, а затем постепенно ее поднимает. Даже в собственном теле вы ощущаете низкие тона внизу, а высокие вверху, доходя до самой высокой точки головы. Это движение снизу вверх описывает первое измерение. Каждый может сочинить таким образом мелодию и поэкспериментировать с перемещениями звуков по телу.

Мы сделали это простое упражнение, потому что очень важно глубже погрузиться в эти чудесные отношения. Современная наука проводит различие между сенсорными нервами, с помощью которых мы воспринимаем, например, запахи, вкусы, цвета, звуки, и так называемыми моторными нервами, которые передают мускулам импульсы к движению. Наличие последних, как представляется на первый взгляд, легко доказать экспериментально. Мы действительно можем вызвать сокращение мускула за счет того, что пропустим через нерв, который связан с этим мускулом, электрический импульс. На основе этого открытия появилось мнение о том, что «жизнь» — это электрическое явление. Рудольф Штайнер всегда очень резко возражал против данного представления. Он говорил, что нерв может только воспринимать и что он никогда не может быть источником импульса. Нерв уже настолько сильно сформирован, что стоит в конце своего развития. Волевой импульс может иметься только у того, что еще начинается. А это постоянно находящиеся в становлении процессы обмена веществ. Вы знаете, что все в нашем теле должно постоянно обновляться. Мы должны дышать, есть и пить для того, чтобы компенсировать выделения. Мы также ощущаем то, что воля непосредственно владеет мускулами. Современная наука почему-то соединила мозг и душевную жизнь. В связи с этим я хотел бы только коротко упомянуть о том, что в антропософии жизнь чувств — радость, горе, страх и так далее — связана не с мозгом, а с ритмической системой, к которой принадлежат также дыхание, сердце и система кровообращения. Благодаря этим новым знаниям мы можем, по крайней мере, понять, почему звуки, тона обладают свойством приводить нас в движение, почему мы так охотно под них танцуем. Звуки тоже должны все время образовываться заново, в точности как и волевые импульсы. Музыка и воля, таким образом, родственны друг другу. Теперь вы понимаете, почему ушная улитка и орган равновесия возникли из одного и того же и почему удержание равновесия является видом движения. Когда мы обсуждали глаз, нам стало ясно, как глаз и орган равновесия взаимодействуют друг с другом. Стоять ровно и неподвижно с закрытыми глазами сложно, а на наклонной поверхности более чем сложно. Здесь глаз является помогающим органом. При движении, ходьбе, танцах, прыжках, помощником является равновесие.

Теперь мы сделаем следующее упражнение. Я буду все время задавать один и тот же тон, не изменяя громкости, я позволю ему звучать. Попробуйте слиться с ним, разведите руки в стороны. Тон распространяется, расширяется — это второе измерение, плоскость.

Теперь мы будем увеличивать силу тона. В вас появляется стремление с раскрытыми руками идти вперед. Тон приобретает вес, мощь, приводит вас в движение в пространстве — это третье измерение.

Разве это не потрясающе? Наше чувство равновесия помещает нас во внешнее пространство, в пространство силы тяжести. Я уже вам говорил, что три полукруглых канала тесно связаны с нервами наших мускулов, с так называемыми моторными нервами. Музыка тоже ведет нас в пространство, но в совершенно иное: внутреннее трехмерное пространство. Музицирование — это удержание равновесия во внутреннем пространстве, противоположном пространству силы тяжести, музицирование — это внутреннее путешествие. Мы не просто парим там, мы действительно ищем равновесия, гармонии. После медленной музыки нам хочется более быстрой. Высокие и низкие звуки должны чередоваться и так далее.

Теперь мы с вами сделаем несколько очень простых упражнений на слух. Вы все, конечно, знаете это ужасное скрежетание гвоздя по стеклу или мела по доске.

Нечто отвратительное. Это на самом деле никакой не звук. Вы «слышите» его кожей. Вы чувствуете, как он трется о вашу кожу, ушами вы его вовсе не слышите. В подобных экстремальных случаях мы становимся более осознанными. Мы замечаем, что подобный шум не входит в нас, а остается на периферии. Послушайте ради сравнения прекрасное звучание скрипки, и вы почувствуете нечто совершенно иное. Звучание скрипки, если оно чистое, действительно как-то связано с чувствами; оно не остается на коже, а проникает немножко под кожу, как поглаживание. И затрагивает чувства. Не случайно фальшивая игра на скрипке очень напоминает скрежет гвоздя по стеклу. Это вещи одного порядка.

Итак, подобно тому, как мы чувствуем звуки скрипки сразу под кожей, звуки других инструментов мы можем ощутить в других местах. Например, мы ударяем по ксилофону (греч. Ksylo — деревянный столбик) и пытаемся полностью сконцентрироваться на том, где этот звук отзывается в нашем теле. Мы обнаруживаем, что действие этого инструмента проникает глубже, чем скрипка. Звуки ксилофона ударяются о наш скелет. Поэтому при изображении танца скелетов на театральной сцене практически бессознательно всегда используется сопровождение ксилофонной музыкой. Металлофон, или вибрафон, оказывают другое воздействие. Звук звенящего металла (колокол) или хрусталя мы «слышим» своими мускулами. В то время как ксилофон создает в нас чувство того, что мы ощущаем твердость собственного тела, наших костей, металлический звук мы воспринимаем как массаж наших мускулов. «Звук» — это прежде всего «металлическое».

Музыка флейты тоже глубоко на нас воздействует, но, опять же, по-другому, чем деревянные или металлические ударные инструменты. Флейта прежде всего воздействует на наш воздушный организм. Низкие тона мы ощущаем в животе, высокие — в полостях головы. Подобно тому, как скрипка гладит нашу кожу, флейта воздействует на нашу воздушную систему. Есть только один инструмент, о котором можно сказать, что человек не только играет на нем, но и сам является инструментом, — и это флейта. Дышащее существо — человек может играть на флейте своих губ, произносящих гласный «у»!

Еще одним из базовых инструментов является рог или труба. Для многих людей сложно осознать производимое ими воздействие. Хотя эти инструменты тоже связаны с нашей воздушной системой, но все же с более глубокими ее слоями, а именно с той областью, где воздух перерабатывается в теле: нашей кровью и нашим сердцем. Возможно, для того чтобы более ясно это осознать, вам поможет образ ангела с тромбоном. В звуке тромбона звучит сердце ангела.

А на какую же область тела воздействуют звуки арфы? Есть ли еще какой-нибудь инструмент, который издает настолько нежный звук, как арфа? Есть ли еще какой-нибудь инструмент, который настолько успокаивает, обладает таким же целительным воздействием? Музыку арфы мы воспринимаем своими нервами. Лучшая терапия для измотанных нервов — это терапия музыкой арфы. Можно сказать, что наша нервная система — это наша внутренняя арфа. Высокие звуки арфы мы ощущаем выше в себе, низкие — ниже. Ни для какого другого инструмента нет такого точного соответствия. Высокие звуки фортепиано расположены справа, низкие — слева. Высокие звуки виолончели получаются, если мы прижимаем струну ниже, а низкие звуки, когда мы прижимаем струну выше. Высота звуков арфы точно соответствует высоте их расположения. При игре на ней ее нужно охватить обеими руками; высоко настроенные струны действительно расположены выше, а низко настроенные достигают ног. Никакой другой инструмент не расположен так близко к сердцу, и ни на каком инструменте все десять пальцев не действуют так непосредственно.

Как для глаз солнце на подвижной водной глади разбивается на тысячи маленьких зеркал, так для ушей звучат тысячи капель дождя, падающих на спокойную гладь. Все эти упражнения помогают более четко осознать то, что мы слышим всем своим телом!

Смысл этих упражнений заключается не в том, чтобы вы научились сознательно слушать отдельными частями тела. Когда мы слушаем, мы должны забывать обо всем этом. Но в качестве эксперимента это все же интересно понаблюдать, — благодаря упражнениям с инструментами я хотел вам показать, что в действительности звук сначала держит нас, но затем мы стираем этот звук для того, чтобы совершить «прыжок» в духовный мир (еще раз повторюсь: к счастью, это происходит в большинстве случаев бессознательно).

Со слухом возникает социальность культуры. Слух поднимает нас выше нас самих, поскольку вначале он захватывает наше тело. Звук действительно преодолевает, стирает телесное. Мы можем слушать друг друга, мы можем вместе петь!

Какие силы позволяют нам это делать? Если вы взгляните на весь ряд органов чувств, сначала вам покажется, что нет ничего, что помогало бы нам это сделать. Мы видели, что мы располагаем большими силами в отношении низших органов чувств: чувства жизни, чувства собственного движения и чувства равновесия. Мы выяснили, что все душевные силы распределены по четырем органам чувств: душа сознательная и наша воля связаны с запахом, душа рассудочная и наши чувства связаны со вкусом, душа ощущающая и наше мышление связаны со зрением, а астральное тело и наш непосредственный интерес, наше внимание связаны с чувством тепла, или чувством температуры. Что же тогда связано со слухом? Ничего. Рудольф Штайнер говорит по этому поводу, что человек сам не способен слышать,

ему требуется помощь другого существа. Мы слышим, поскольку нам помогают души ангелов. Мы слышим с помощью душ ангелов, а не с помощью нашей собственной души, поскольку для того чтобы слышать, мы, грубо говоря, слишком эгоистичны. Истинно социальное, истинно бескорыстное, истинно исполненное любви в социальном отношении среди людей еще долго не будет присутствовать. Требуется еще очень много времени для того, чтобы оно развилось. Конечно, мы часто пытаемся быть социальными, действовать исходя из любви. Но только ангелы поступают так всегда. Они всегда действуют бескорыстно, являясь хранителями людей. Поэтому именно ангелы действуют в нашем истинно социальном, истинно духовном органе — в слухе.

Рудольф Штайнер сказал нечто очень странное по поводу органа слуха. Он сказал, что хотя чувство температуры является первым чувственным органом человека, однако чувство слуха было прежде начала всего.²⁷ Что касается чувства собственного движения, я уже продемонстрировал вам, что план является довременным, лишь исполнение плана происходит во времени. Таким образом, здесь мы имеем дело с органом чувств, которого на самом деле вообще не может быть, с органом чувств, который заложен еще до творения. «Еще до творения» означает: творящий, еще не сотворенный. Тем самым нам сразу же становится более понятным влекущий, принуждающий к движению характер музыки. Музыка никогда не является сотворенной, она все время должна создаваться заново. И очень важно, чтобы мы воспитывали своих детей, не ставя им мумифицированные диски, а позволяя им слышать то, как музицируем мы сами.

Чувство слуха является парадоксальным органом чувств. Слух абсолютно земной, он функционирует абсолютно по-земному, и все-таки, этот орган построен непосредственно из небесного и в нем до сих пор действуют ангелы, существа небесной иерархии, которые стоят непосредственно над человеком. Слух, в отличие от зрения, это реальность, а не иллюзия, это не картинка, а магия. Вы никогда не начнете танцевать перед картиной, но очень сложно усидеть неподвижно, слушая музыку. Музыка может повести за собой и воодушевить целую толпу людей. С помощью музыки измученный до полусмерти отряд солдат можно снова заставить идти в течение нескольких часов. Музыкой можно пробудить и усыпить, довести до слез и поддержать, разрушить стены и заставить коров лучше давать молоко. Музыка — это динамическая творческая сила. И поскольку это небесная сила, она может стать и демонической. Демоны точно знают, как можно овладеть человеком, часто они делают это с помощью музыки. Ничто не может быть настолько демоническим, как музыка, поскольку в ней содержатся высшие силы и поскольку человеку трудно их осознавать и противостоять им. Все это тоже является магией.

Но действительное слушание требует, чтобы мы были абсолютно неподвижны. Именно в той области, которая легче всего может привести нас в движение, вы должны сделать движение внутренним, воспринять его душой. Поэтому слушание является сущностью социального: то, что не стало земным, осталось на небе, все еще имеет доступ к человеку, который слушает, — оно протягивает ему нечто, похожее на нить. Слушание всегда означает отвлечение от самого себя и погружение в нечто иное. И это мы еще не способны сделать в

одинокую. Поэтому в любом сообществе, которое возникает, в любом взаимоотношении между двумя людьми необходима помощь и защита ангела-хранителя.

После всего, что я вам рассказал по поводу мира звуков и слуха, вы, наверное, понимаете, что этот мир в наше время переживает невероятное унижение. В заключение мне хотелось бы сказать об этом еще несколько слов.

Мы живем в то время, когда все хотят все удержать навсегда. Мы хотим все сохранять в «памяти», мы «мумифицируем» все подряд: фильмы, кассеты и т. д. При этом мы все складываем в одну кучу, все дозволено. Нам вообще не приходит в голову проводить различие между картинкой и звуком. И все же с точки зрения духовной науки существует очень большая разница между тем, что мы отображаем, и тем, что мы фиксируем в качестве записанного звука. Я уже говорил: картинка — это всегда иллюзия, звук — это всегда реальность.

Речь идет о следующем. На умерших все, что является отображением, записанной картинкой, не оказывает никакого влияния. Но это не так в отношении записи звуков, и прежде всего, в отношении человеческого голоса. Музыка, речь должны все время возникать заново. Записывая на пленку, мы насильно удерживаем то, что уже прошло. Если внутренне осознать это, мы поймем, что это довольно опасная вещь — «включать» законсервированный, магнитный голос умершего человека, который нам дорог. Это замедляет развитие души, которая теперь находится в духовном мире, которая там должна продолжать идти по своему пути. Совершенно иное дело, когда мы сами, используя свою энергию, воскрешаем воспоминания об умершем, как бы неполны они ни были. И как будут историки будущего описывать то, что в XX—XXI веках во время кремации использовались пленки в качестве заместителей настоящих музыкантов? С заиканием произнесенное слово, немного неточно спетая песня имеет в тысячу раз большую ценность, чем самая совершенная запись симфонии самого лучшего оркестра. Хотя она совершенна, она не присутствует, ее нет, не правда ли? Единственное, что действительно требуется в этой сфере, это быть творческим, присутствующим.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО РЕЧИ, ЧУВСТВО МЫСЛИ И ЧУВСТВО Я ЧАСТЬ 1

• 10 май, 2010 в 22:00

Сегодня мы закончим цикл наших лекций. Когда мы встретились в первый раз, я сказал вам, что мы займемся первой главой антропософии. Теперь вы уже поняли, с чем вы столкнулись в этой «первой главе». Я уже тогда предупредил вас, что эта глава всеобъемлюща. Теперь я могу вам сказать: какую бы главу антропософии мы ни взяли, она всегда будет всеобъемлющей. В этом и состоит особенность антропософии. В ней сложные вещи никогда не рассматриваются как сумма очень простых вещей. Наоборот. Даже когда мы

занимаемся маленькой частной областью, мы можем понять ее только в ее взаимосвязи со всем всеобъемлющим целым, в то время как это целое никогда нельзя понять из маленькой области. Считается, что мы все можем понять, исходя из теории о крохотных атомах. Однако для того, чтобы понять крошечный атом, маленькую частную область (органы чувств тоже являются такой частной областью), нам необходимо всеобъемлющее мировоззрение. После того, как был изобретен микроскоп, люди стали думать, что клетки являются «простыми кубиками» из которых строится тело. Казалось, что достаточно исследовать эти клетки, и мы сможем понять все остальное. К сожалению, выясняется, что эти клетки еще более сложны, чем все тело.

В прошлый раз мы занимались только слухом. Я постарался показать вам, что слух является социальным органом чувств, духовным органом чувств. Мы говорили о звуке и о слышании звуков. Мы увидели, как наш орган слуха возник из кусочка кожи, из области дыхания и еды. Теперь мы знаем, где в нашем теле мы воспринимаем звуки отдельных инструментов, и мы знаем, что лучше всего слышим музыку, когда как можно меньше внимания обращаем на свое тело. Мы понимаем, что звуковые колебания, конечно, есть, но просто мы их не слышим. Мы сразу же стираем эти колебания для того, чтобы добраться до звука, до внутренней сущности материи. Поэтому мы гораздо больше поймем о материи, занимаясь музыкой, чем шпионя за ней с помощью микроскопа. Даже наука более-менее пришла к этому выводу, правда, с совершенно другой стороны. Вы знаете, что в настоящее время мы подразделяем материю на так называемые атомы. Но кроме всего прочего выяснилось, что все вещества необходимо упорядочивать в определенном ритме, в музыкальном ритме, образуя своеобразную гамму. При этом необходимо, чтобы семь веществ следовали друг за другом, а восьмое вещество — как восьмая ступень октавы — обладало свойствами, сходными со свойствами первого вещества.²⁸ Мы называем это «Периодической системой Менделеева».

Мы также поняли, почему орган равновесия и орган слуха расположены настолько близко друг к другу и даже имеют одно и то же происхождение. И в заключение я рассказал вам о том, что в отдаленном будущем мы через слух сможем развить социальные чувства и истинный социальный подход, и что сейчас нам в этом должны помогать ангелы, которые на самом деле и «управляют» нашим слухом.

Сегодня мы рассмотрим три оставшихся органа чувств, которых мы еще не касались: чувство речи, чувство мысли и чувство Я. Эти три органа чувств были впервые открыты Р. Штайнером. Сегодня их описывает уже куда большее количество людей — например, у профессора Буйтендийка мы можем найти подробное исследование чувства Я, когда он рассматривает человеческую феноменологию. Но Р. Штайнер был первым, кто начал говорить об этих чувствах. Именно из-за новизны, неизвестности этих органов чувств мы должны приложить серьезные усилия, чтобы понять, о чем же идет речь. Для их описания все еще не хватает понятий. В отношении новых вещей всегда получается так, что слов не хватает; мы должны слышать между строк для того, чтобы понять, что именно имеется в виду.

Чувство слова, или чувство речи, означает, что мы слышим речь, замечаем, что кто-то говорит на определенном языке. Сразу же становится понятным: именно это чувство является чувством общения, чувством контакта. Вы можете сказать: конечно, мы слышим речь, у нас ведь есть орган слуха! Но благодаря Рудольфу Штайнеру мы знаем, что существует огромная разница между слушанием музыки и слушанием речи. Это нечто принципиально иное. Речь не является одним из сложных видов музыки; речь не является «музыкой общения», вроде того, что мы издаем определенные звуки, имея в виду то или другое. Рудольф Штайнер указал на то, что речь настолько же далека от слуха, как, например, температура от зрения или запаха от вкуса. Слушание музыки, то есть звуков, музыкального элемента, принципиально отличается от слушания речи. Попробуйте как-нибудь следующее: возьмите радио, которое может ловить много станций, и выберите канал, где передают музыку, которую вы никогда раньше не слушали, которая вам абсолютно чужда, а затем канал, на котором говорят на незнакомом языке. И хотя вы незнакомы ни с этой музыкой, ни с этим языком, вы сразу же можете определить, что это — музыка, а то — речь. Вы сразу это слышите. Ну а если вы слышите эту разницу, то объясните, в чем она состоит? Это сложный вопрос. Что происходит в вашей душе, когда вы слушаете музыку, и что происходит, когда вы слышите речь? Это не связано с тем, что речь более сложна, чем музыка, этого вы на слух определить не можете. Музыка тоже может быть очень сложной, в особенности, если это музыка других культур или современная музыка. И все же мы слышим, что это музыка. Что же тогда речь?

Многие скажут, что речь — это тоже музыка. Мы же говорим о музыкальной составляющей речи. Это так. Сравнивая различные языки, мы обнаруживаем, что музыкальные составляющие в них действительно отличаются. Но эта музыкальная составляющая вовсе не самая основная в речи. В любом языке есть нечто музыкальное, но речь — не музыка. За речью кроется более глубокая тайна. Мы можем сочинять музыку. Но вот язык, живой язык? Никогда! Конечно, были попытки, например, эсперанто, но в этом есть нечто искусственное. Хотя структура эсперанто благодаря ее творцу логична, проста и более практична, чем структура всех других языков, эсперанто никогда не станет живым языком. Никто не будет воспринимать его как настоящую речь. Это характерный пример «не-языка», эсперанто, скорее, — набор условностей. И это обусловлено тем, что язык — это вовсе не сложная, условная музыка, но сущность более высокого порядка. Тот, кто сочиняет музыку, не может лишь вследствие этого творить и в сфере языка. Есть люди, которые действительно являются «гениями языка», как мы их называем, и есть люди, одаренные музыкально, но в большинстве случаев эти два феномена не встречаются одновременно. Нельзя сказать, что музыкально одаренные люди легко выучивают иностранные языки. Музыкально одаренные люди очень часто так же одарены математически, но «гений языка» и «музыкальный гений» — это совершенно разные вещи.

Если я действительно хочу услышать речь, я должен сначала отключиться от музыки, которая в ней присутствует. Именно на музыку я должен не обращать никакого внимания. Конечно, музыкальная составляющая речи очень интересна; вспомните, как нам было интересно понаблюдать, где в нашем теле отзываются различные инструменты. Но если вы попытаетесь выяснить и понять, что такое музыкальность в речи, вам это удастся только в случае, если вы сознательно будете обращать на это свое внимание. И тогда вы будете

слышать не то, что говорится, а то, как говорится. При обыкновенном слушании мы хотя и воспринимаем музыкальную составляющую речи, но бессознательно мы обособливаемся от нее, поскольку мы встречаемся с речью как с речью: речь есть речь.

Мы не можем переделывать язык. Попробуйте как-нибудь ввести в язык новое слово. Это очень сложно и удается крайне редко. Новое слово вдруг возникает в языке, как-то ему это «удается». Часто мы даже не знаем, откуда оно. Возьмем, например, голландское слово «fiets», обозначающее «велосипед»! Откуда оно взялось? Конечно, есть люди, которые скажут, что оно возникло из слова «velosipede». Но это все теории. На самом деле мы не знаем. И даже если оно действительно возникло из этого слова: кто это сделал? И почему «fiets», а не «velos» или как-нибудь еще? Нет, слово возникло именно так и сразу же вошло в обиход.

Мы знаем, что все время появляются творцы речи и реформаторы языка. Современный немецкий многим обязан Лютеру. В итальянском многое связано с Данте, он действительно сильно повлиял на итальянский язык. Но только отдельные, колоссальные фигуры способны формировать язык. Мудрость языка — это мир в себе, который нельзя приравнивать к музыкальности. И в чем же особенность этого отдельного мира, если мы не рассматриваем музыкальную составляющую?

Вы знаете, что язык состоит из гласных и согласных (по-немецки: самозвуки и созвуки — прим. пер.). Вы сейчас скажете: «Но разве это не точно так же, как в музыке? Там ведь тоже есть основные тона и дополнительные?» Но вы прочувствуете, что это не одно и то же — ведь с элементами языка вы можете делать то, что вы никогда не сможете сделать со звуками фортепиано. «А», т. е. «ля» на фортепиано полностью определено, у него определенное количество колебаний в секунду. И поскольку это число четко задано в музыке, мы назвали этот звук «ля». Музыка четко задана в том смысле, что там каждый звук имеет свое определенное место. Но вот с буквой «А», с гласным «А» я могу сделать много странного. Высота тона звука «А» не определена. Я могу сказать «А» басом, а могу сказать высоким писклявым голосом. Но все равно это будет «А». Я даже могу пропеть мелодию со звуком «А». Я могу петь гласный и даже согласный. Я могу промычать «М» с разной высотой. Таким образом, я могу петь на отдельных элементах речи. На отдельных нотах музыки это невозможно.

А на чем мы точно так же можем играть мелодии? На виолончели, на флейте или на пианино. Короче говоря, мы можем играть мелодии на всех инструментах, позволяя звучать разным звукам. Таким образом, в действительности ценность элемента речи, ценность отдельного гласного или отдельного согласного сравнима с ценностью отдельного музыкального инструмента! То же самое, что вы можете сделать с виолончелью, вы можете сделать с одним гласным или согласным. Речь — это вещь более высокого порядка, чем музыка. Когда вы слушаете речь, например, слово «дерево», вы не обращаете внимания на то, как это музыкально звучит. Произнесите по буквам: «д-р-е-в-о». Скажите это слово низким или высоким голосом. При этом происходит нечто необъяснимое: в то время как вы слышите друг за другом ряд музыкальных инструментов, вы постоянно стираете музыкальный элемент! Вы представьте себе более сумасшедшую вещь: вы слышите гитару, затем флейту, сразу за ней скрипку, потом трубу и т. д. В музыке вы бы просто не смогли это слушать. А в

речи вы постоянно этим занимаетесь. Слушая речь, вы слышите не что иное, как ряд музыкальных инструментов — один за другим.

В своей жизни я только однажды встретился с человеком, который описал это точно таким же образом. Это был английский автор А. С. Гарвуд (A. C. Harwood), который рассказывает, как он смертельно усталый падает на кровать в гостинице и пробует уснуть. Как раз в тот момент, когда он уже засыпает, в комнату входят гости, которые ему мешают, и он в буквальном смысле этого слова вынужден слушать их разговоры. Они говорят на языке, который ему незнаком. Это иностранцы, поэтому он их не понимает. Он слушает их речь такой, какая она есть, как некий феномен, и он настолько устал, что его интеллект не работает. И что же он переживает? Он описывает это гораздо лучше, чем я: «Это напоминало мелодию, каждая последующая нота которой игралась другим инструментом, и при этом переходы от одной ноты к другой были не резкими, а плавными и органичными»²⁹.

Прослушав эту фразу, вы поняли, как уставший человек непосредственным образом пережил то, что я так долго пытался вам объяснить. Теперь вы понимаете, какие невероятные усилия мы совершаем во время слушания речи, усилия, превосходящие те, что требуются нам для обычного слушания, и те, что требуются для слушания музыки. Мы стираем не только звуки, для того, чтобы добраться до интервалов, мы стираем все музыкальное, мы стираем всю музыку для того, чтобы услышать речь. И если вы это поняли, тогда вы также понимаете, что гласные и согласные являются сущностями более высокого порядка, что они являются космическими инструментами, и что мы способны непосредственно соединять звуки этих инструментов в последовательности. Это действительно более высокий порядок, чем слушать просто звуки, мелодию из простых звуков. Здесь перед нами мелодия на следующих друг за другом инструментах, которые и образуют речь.

Искусство, которое позволяет нам использовать эти инструменты, то есть буквы, в наших словах подчинено строгим правилам. Какие инструменты являются самыми лучшими для того, чтобы выразить мысль, настроение, ситуацию? Я приведу вам пример. В голландском есть слово «slak». По-немецки это называется «Schnecke». (по-русски — «улитка» — прим, пер.) Звук «Л» гораздо лучше выражает слизко-скользящий, скользящий характер этого животного. Таким образом, звук «Л» является хорошо выбранным инструментом. Еще один пример. Мы говорим «handschuh» («перчатка» — прим, пер.), англичане называют это «glove». Этот последний ряд звуков чудеснейшим образом отражает процесс вскальзывания руки в оболочку. Идея круглого лучше выражена в голландском «bol» и английском «ball», чем в русском слове «мяч». Русское «колесо» катится очень неровно, немецкое «Rad» гремит, а голландское «wiel» скользит бесшумно. По-русски говорят: самолет летит «над горами», по-голландски самолет летит «over het gebergte», а по-немецки «tiber das Gebirge». Звук «U» гораздо лучше передает высоту полета, чем «O» или «A». По-русски «тонет — утонУл», а голландцы говорят «zink-gezonken». Звук «У» «тонет» глубже, чем «O». Французское слово «la flute» звучит лучше, чем русское «флейта».

Подобно тому, как мы, говоря о чувстве собственного движения, должны были сослаться на эвритмию, так здесь необходимо упомянуть об антропософском искусстве речи как о средстве, которое может помочь нам освоить этот инструментарий, эту творящую и

образующую силу букв и звуков. Праязык был утерян. В Библии это описано в виде метафоры вавилонского смешения языков. Наша задача состоит в том, чтобы преодолеть это смешение, с тем чтобы язык перестал быть привязан к одному народу, одной-единственной языковой группе.

Простое упражнение состоит в следующем: обратите внимание на разницу между механическим звуком в природе — например, звуком грома, падающего камня, шелестом ручья или звуком музыкального инструмента — и звуком, который издает животное, например, рычанием льва. Вы сразу же почувствуете, что в этих звуках выражает себя какое-то существо. Чувство речи начинает работать уже со звуков, которые издают животные: в них мы непосредственным образом слышим нечто внутреннее этого существа. Это нельзя смешивать с механическими шумами, которые производят некоторые животные, например, щелканье аиста клювом, треск кузнечика или стук дятла. Другое очень тонкое упражнение состоит в том, чтобы услышать разницу при игре на флейте и самостоятельном выдувании звуков. Попробуйте как-нибудь.

Это чувство слова или чувство речи, как его называет Р. Штайнер, противоположно чувству собственного движения. Я вам объяснял, что чувство собственного движения — способность, благодаря которой мы воспринимаем, переживаем и ощущаем собственные движения. Но что же мы, собственно говоря, делаем, когда мы воспринимаем движение? Есть два вида движений: движение приспособления (целесообразное движение) и эмоциональное, выразительное движение. Все движения, которые приспособляются к инструменту, устройству, являются движениями приспособления (целесообразными движениями). Например, плотничество, одевание, вождение автомобиля, питье чая. Даже когда я на что-то указываю, я приспособляюсь к своему пальцу как к инструменту показа. Эмоциональные движения, выразительные движения я использую для того, чтобы выразить свои эмоции. Это мимические жесты, например, удивления, испуга, страха, радости. Для мимики лица очень важна подвижность бровей. У зверей нет никаких бровей, у человекоподобных обезьян это место вообще лишено волос. Возникновение морщин, как вертикальных, так и горизонтальных, которые столь характерны для старых людей, связано именно с мимическими движениями. Вы, наверное, и сами чувствуете: когда мы берем нечто, когда нам необходимо использовать какой-то инструмент, это похоже на произнесение согласного. Согласные в определенной степени можно сравнить с инструментами. Поэтому они дают речи структуру, являются скелетом языка. В диалектах, например, часто по-другому произносятся гласные, в то время как согласные изменяются гораздо меньше. Согласные остаются более-менее одинаковыми во всех языках, в то время как гласные разных языков полностью отличаются друг от друга, например: голландское и немецкое boom — Baum, обозначающие «дерево», или bond — Hund — «собака», или sterk — stark, «сильный». Гласные можно сравнить с нашими выразительными, эмоциональными движениями, нашими чувствами.

Я вам уже рассказывал, что мы не образуем наш язык сами. Мы являемся проводниками космических существ, которые через нас образуют язык. Эти существа называются архангелы. У архангелов, в отличие от ангелов, нет задачи заниматься формированием отдельного человека. У каждого человека есть свой собственный ангел, но нет своего собственного

архангела. Архангелы занимаются формированием человеческих групп, языковых групп, в которых мы чувствуем себя дома, в которых мы были воспитаны. Вы должны понять, что когда вы слушаете речь, на самом деле вы слушаете существом архангела, который ведет группу людей, который формирует нас посредством языка, хотя это и не происходит настолько индивидуально и непосредственно, как в случае с ангелом. Если в языке много согласных, как, например, в чешском, то в самой структуре этого языка, а также этого народа мы слышим другое существо, чем когда мы слушаем язык, в котором очень много гласных. Общее формирование человека достигает необыкновенных глубин, и оно во многом связано с его родным языком.

Углубляясь в искусство речи, мы попадаем в мир архангелов. Мы должны полностью абстрагироваться от самих себя, мы должны отвлечься от наших чувств, не использовать наши собственные инструментарии, только инструменты богов, архангелов. Именно они являются духами языка, или духами народов, и стоят на ступень выше, чем ангелы.

Язык — удивительно органичный, плавный переход от одного инструмента к другому. И этими инструментами являются чувства и творящие элементы духа языка — архангела, который с нами связан.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО РЕЧИ, ЧУВСТВО МЫСЛИ И ЧУВСТВО Я ЧАСТЬ 2

• 11 май, 2010 в 19:04

Теперь мы обратимся к чувству мысли. С помощью этого понятия — «чувство мысли» — Р. Штайнер хотел указать на то, что мы можем слышать еще нечто, кроме речи, что мы можем делать нечто большее, чем просто констатировать то, что слышим. А именно: мы можем понимать, ухватывать, о чем идет речь. Лишь тогда, когда мы овладели языком — и это не обязательно должен быть родной язык, — тогда этот язык, когда мы слышим речь других людей, становится для нас прозрачным. Мы начинаем видеть сквозь язык. Мы можем следить за тем, что произносится. Это просто невероятное ощущение. Мы сразу замечаем, что мы попадаем в совершенно иную область восприятия: услышанное становится понятным. Р. Штайнер в 4-й главе своей работы «Философия свободы» сказал, что понятие невозможно описать словами! Попробуйте как-нибудь описать, что такое понятие, что такое представление. Это совершенно невозможно — слова лишь указывают на то, что существуют понятия.

Интересно, что мы никогда не можем точно сказать, что мы имеем в виду. Почему же? У нас есть идея о чем-то. Но где живет эта идея? Она живет в языке? Нет, она лежит выше

плоскости языка. Дело просто в том, что для передачи вашей идеи другому вам требуется язык. Вы должны решить, хотите ли вы передать ее по-английски, по-французски, по-немецки или по-русски. Иногда на одном языке это не получается, тогда вам приходится использовать слово другого языка. В голландском языке, например, нет слова, обозначающего понятие «вообще», а у немцев нет слова, которое синонимично голландскому словосочетанию «het valt mee». Это типично голландское выражение, которое непереводимо. Иногда налицо языковая бедность в отношении какой-то определенной области, тогда на своем языке вы просто не можете выразить некое представление. Антропософам эта проблема более-менее знакома, поскольку Р. Штайнер приложил большие усилия для того, чтобы передать свой духовный опыт в очень четкой и ясной форме — на немецком языке! Из-за этого довольно часто возникают большие сложности при передаче этих идей на других языках. Вы все наверняка знакомы с проблемой из другой области: вы что-то хотите сказать, вы абсолютно четко понимаете, что вы хотите сказать, но вы не знаете, какие слова использовать для того, чтобы описать это. Тогда вы чувствуете, что за словами есть нечто еще, что невозможно ухватить, что невыразимо. И когда вы все же это произносите словами, происходит нечто подобное вавилонскому смешению языков. Вы должны решиться использовать какой-то определенный язык, но дело-то в том, что сама идея все-таки бессловесна. Вы можете на разных языках сказать «стол», «table», «tafel», «Tisch», в этом нет сомнений. Но что есть идея «стола»? Она живет в абсолютно безмолвном мире. В этом и заключается величайшее чудо: вы чувствуете, что вы способны стирать также и слова. Вы должны всегда учитывать тот факт, что никто никогда не может выразить то, что хочет. Вы поймете другого только тогда, когда вы сотрете и то, что он сказал. Вы должны стереть язык, и тогда вы доберетесь не до «table», «tafel», «Tisch», а до находящейся выше всех языков скрытой идеи. Видите, все больше и больше вещей стирается. Конечно, для начала вы должны обладать хорошим органом слуха, в котором происходит стирание длины волн и колебаний, что позволяет вам слышать. Я вам говорил, что в этом социальном органе в вашем теле действуют ангелы. Но затем вам требуется помощь существ более высокой иерархии, помощь архангелов, для того чтобы стереть музыкальное в языке, чтобы вы услышали, что это речь. Можно продвинуться еще на шаг вперед. Существует один четкий миг времени, когда вы понимаете речь, стирая ее, миг, в который речь становится для вас прозрачной, настолько прозрачной, что вы можете увидеть над ней мир идей. Вы входите в сферу над-языкового, в бытие, которое поддерживает все сотворенное. Стирая речь, вы попадаете непосредственно в мир представлений другого человека.

Чувство представления противоположно чувству жизни — органу чувств, с помощью которого мы ощущаем собственное состояние, с помощью которого мы воспринимаем: больны ли мы, устали или голодны, или, наоборот, чувствуем себя сильными и бодрыми. Вы воспринимаете свое собственное эфирное (жизненное) тело, свою конституцию. Но входя в мир идей, вы оказываетесь в совершенно иной области. Вы понимаете, что идея не имеет ничего общего с тем, как вы себя чувствуете. Наоборот: когда другой человек высказывает нечто из своего мира идей, его настроение никак не влияет на то, истинно это или нет. Так, например, вы не можете сказать: «Слушай, сегодня сумма углов треугольника не составляет 180 градусов, потому что у меня ужасная мигрень!» Нет, для того, чтобы проникнуть в мир

идей другого человека, вы должны отказаться от своего чувства жизни. Для этого вы должны для начала до совершенства развить его, ведь вы можете принести жертву только тогда, когда у вас есть, что жертвовать.

Чему мы научились, благодаря нашему чувству жизни? «Трудностям жизни!» Я уже обращал ваше внимание на то, что человек хочет мучиться, а также время от времени страдать и испытывать боль. Мы никогда не сможем достичь истины, если никогда не испытывали боли. Чрезвычайно важно, чтобы чувство жизни активно использовалось и развивалось в детстве и юности. Если мы только балуем детей, так что они никогда не испытывают боли, в зрелом возрасте у них будет плохо развито чувство истины. Для культуры, в которой ребенка балуют, очень характерен недостаток чувства истины. Дело может доходить до того, что детям рассказывают следующее (я действительно взял это из современной книжки по воспитанию ребенка): «А теперь ты, наверное, хочешь узнать, откуда ты появился. Из яйца! Ты тоже был маленьким яичком, как и все другие люди и животные!» Подобные вещи просто разрывают мне сердце. Понимаете ли вы, что здесь написано? Тут написано, что человек выходит из яйца, и, следовательно, человек был яйцом. Это такая же логика, как, например: «Смотри, папа выходит из машины, папа тоже был машиной!» И подобный бред, подобную неправду автор этой книги рассказывает первоклассникам! Потому что это правда. Аист — это бред, а то, что ребенок был яйцом, — правда!

Мы должны помучиться для того, чтобы прийти к истине. И для этого необходима духовная борьба. вспомните то время, когда вы учились складывать и вычитать, — это была духовная борьба. Вообще-то говоря, на этом курсе я почти что ничем иным и не занимаюсь, как вас мучаю, уважаемые слушатели. Я конечно, не говорю вам: «А вот сейчас мы друг друга как следует помучаем, чтобы добраться до истины!» Это понятно. Но если вы спросите, где возникает истина в человеческой душе, то ответом будет — там, где было вынесено много страданий. Рудольф Штайнер называет мудрость кристаллизованной болью. Поэтому важно, чтобы вы позволяли ребенку делать трудные и болезненные вещи. Необходимо и противоположное: не давать ребенку что-то делать! Хорошо, если ребенку иногда приходится ждать, когда приготовится еда, когда ему не всегда дают то, что он хочет, когда ему приходится делать вещи, которые вовсе не являются приятными и радостными. Не нужно сразу же отвечать на все его вопросы. Терпение, умение ждать, умение бороться и находить ответ самостоятельно — все это создает плодотворную почву для духа. Мы никогда не сможем найти истину, мы никогда не сможем следить за мыслью другого человека, никогда не проникнем в духовный мир другого, если мы не испытывали внутренней боли. Лишь когда мы с помощью чувства жизни научились испытывать телесную боль, мы можем стереть это чувство, этот опыт, и начнем испытывать боль, когда другой человек говорит неправду. Я говорю здесь не о аморальной неправде, ведь автор этой книжки, конечно же, хотела как лучше, она действительно не хочет обмануть детей. Она делает это со стопроцентной, я бы даже сказал, с христианской уверенностью. Но то, что она говорит, причиняет боль, поскольку в ее словах нет истины. Они даже не соответствуют элементарнейшей логике вещей. Но к сожалению, чувство истины становится в людях все более редким, и все же это именно то чувство, которое мы должны в себе развивать.

Где мы находимся, когда говорим о мире идей, о мире, в котором все внешне слышимое стерто, где слова больше не существуют, где языки потеряли свое значение, где живут лишь понятия? Это должен быть мир, в котором даже духи языка перестают быть важными. Р. Штайнер говорит, что чувству восприятия мыслей мы обязаны высоким существам, которые тоже помогают людям. Подобно тому, как ангелы помогают нам воспринять звуки, как архангелы помогают нам воспринимать речь, здесь нам помогает общий дух человечества. Здесь мы непосредственно имеем дело с существом Христа. «Дело в том, что только в жизни представлений мы впервые встречаемся с духом Христа в его истинном облике...»

Для того, чтобы это понять, вы должны просто внутренне тихо это послушать: там, где мир в мире идей становится абсолютно безмолвным, там мы связаны друг с другом через общечеловеческое. Там внутри нас мы обнаруживаем нечто, что связывает нас со всеми остальными людьми, что невыразимо с помощью языка, что находится за возможностью выражения и живет в нас в виде идей, в виде представлений. И в этой жизни представлений мы можем сделать первый шаг навстречу Христу. Там мы встречаем Христа как космическое существо, которое поддерживает нас всех, как духа правды, как Логос из Евангелия от Иоанна, в котором мысль и речь стали одним.

Чувство восприятия мысли, таким образом, может становиться действенным за счет того, что оно отказывается от использования чувства жизни, а кроме того, стирает воспринятое предыдущим органом чувств. Простыми словами — чувство мысли работает с чувством жизни в том смысле, что оно его не использует. Когда мы это немного осознаем, мы постепенно поймем, что все те упражнения в детском возрасте, мучительный процесс приобретения навыков в юношеском возрасте, и даже иногда жертвование самим собой в юности, позже приводят к образованию другой силы. Силы жертвенности, которая с помощью чувства жизни может развиваться настолько, что человек постепенно приобретет способность встречаться с существом, которое хочет соединить всех нас друг с другом, когда люди действительно прислушиваются друг к другу. Один из позитивных аспектов нашей культуры заключается в том, что в настоящее время существует невероятно сильная потребность не только читать и учиться, но и образовывать маленькие группы. Люди хотят говорить друг с другом, обсуждать, для того, чтобы достичь все-объединяющей истины. А истина — это макрокосмическая конституция, которая лежит в основе творения.

Она связана со знаком Тельца. Знаете ли вы, что самое удивительное в тельце, или корове? Мы используем все: мясо, кожу, рога. Вы можете назвать все, что угодно, нет ничего, что не использовалось бы в нашей культуре: от молока до навоза. Плюс еще его невероятная тяговая сила, напряженная и жертвенная, благодаря которой земля становится плодородной. Не случайно на Востоке корова считается священным животным. Это находит свое выражение даже в имени Будды. Готама или Гаутама Будда буквально означает: «самый коровий пробудился!». Слово корова имеет те же корни, что и английское «cow», голландское «go», а в санскрите от него можно образовать превосходную степень. Другими словами, телец, или корова, является типично жертвенным животным. И, таким образом, среди знаков Зодиака он соответствует чувству мысли. Это действительно орган чувств, который жертвует всем, что есть у человека. Он, в отличие от чувства жизни, не занимается самим собой, нашей

собственной конституцией, а ведет к тому, чтобы мы отказались от себя для того, чтоб постичь, что говорит другой, что он имеет в виду. Этот жертвенный процесс, который символизирует образ тельца, является активно действующим в нашем органе восприятия мысли. И этот орган стал тем, что объединяет нас всех.

Теперь мы снова возвратимся к чувству слова, поскольку теперь я могу объяснить, почему чувство слова связано с Близнецами (Ю- Что вы делаете, когда вы слушаете кого-нибудь? Вы прикладываете усилия для того, чтобы через язык добраться до его идеи. И часто в разговорах случается так, что вы настолько хорошо смогли ухватить идею другого человека, что вам даже удается найти для этой идеи более подходящие слова, чем вашему собеседнику. Вы таким образом дополняете вашего собеседника, что он говорит: «Да, именно это я и имел в виду!» Когда мы кого-то слушаем, мы ощущаем, как он борется за то, чтобы сделать слышимым неслышимый мир. Это творческий процесс. Когда мы слышим, как кто-то говорит, мы замечаем, что он творит — для того, чтобы привнести на землю нечто из более высокого мира, он пытается заключить вневременную, пребывающую истину в преходящие слова речи. Удивительно хорошо это удается совсем маленьким детям.

Мы пытаемся с помощью языка привлечь на землю неслышную для наших земных ушей небесную гармонию сфер, творческие силы. Это действие. Наши ноги приносят нас к месту работы (чувство собственного движения), с помощью рук мы проделываем работу (действие). Речь тоже является действием. И при этом мы имеем дело с созвездием Близнецов. Часто это созвездие изображают в виде играющих друг с другом детей. Это действительно лучший способ его изображения. Дело в том, что это знак творчески действующего человека, а все дети являются творцами. Глядя на играющих детей, мы вспоминаем о нашей задаче: небесное должно воплотиться на Земле. И у взрослых творчески может себя вести только их внутренний ребенок.

Философия тоже всегда игра: игра-творчество. Это очень серьезная игра: стремление найти слова, которые точно выражают идею. Философия и поэзия очень тесно связаны друг с другом. Философ творит в философской форме, поэт — в поэтической. Но и поэт тоже борется, у него те же трудности. Всегда есть нечто высокое, что с помощью языка должно быть воплощено на земле. Дети и подростки иногда вдруг становятся более усердными философами, чем настоящие ученые. Очень жаль, что в отношении стихов все время приходится выбирать только один язык. Может быть, с течением времени, эвритмия позволит нам пережить «бессловесную речь». Будем надеяться, что однажды с помощью эвритмии мы сможем настолько явно и ощутимо соединить речь и стоящую за речью идею, что выучим этот «безмолвный язык».

Конечно и в обычной жизни речь больше, чем просто произнесение слов. Набор инструментов, с помощью которого мы говорим, охватывает не только гортань и рот, но также руки и ноги: наших близнецов! Тот, кто говорит, засунув руки в карманы, похож на того, кто тихо мямлит. С помощью жестов мы действительно «выходим из себя», мы социально обращаемся к другому. Истинная речь требует сопровождающей ее речи жестов, которые так хорошо разработаны в эвритмии.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО РЕЧИ, ЧУВСТВО МЫСЛИ И ЧУВСТВО Я ЧАСТЬ 3

• 13 май, 2010 в 18:01

Мы рассмотрели чувство слова и чувство мысли, и у нас остался только один последний орган чувств: это чувство Я. Под ним Р. Штайнер не имеет в виду то, что человек может сказать «я» о себе или то, что человек переживает себя как отдельную сущность, а то, что он замечает — другой человек является «Я», другой человек, с которым он разговаривает, общается, тоже является индивидом. Мы все знаем, что когда другой говорит, мы слышим не просто шум. Но и не только речь. И даже не только то, что другой имеет в виду, вы также замечаете, что это он имеет это в виду, по крайней мере, если у вас немного развито чувство Я. Дело в том, что существует огромная разница между тем, сказал ли это один человек или другой. Это совершенно особое, очень поучительное переживание.

К сожалению, в наше время эта способность получает свое развитие у все меньшего числа людей. Мы обращаем все меньше внимания на то, кто говорит. Когда некто говорит правду, это уже огромное достижение, и нас чрезвычайно мало заботит, кто сказал эту правду. А на самом деле только это и имеет значение. Дело в том, что сложно сказать нечто оригинальное. Поэтому большинство людей все больше и чаще произносят то, что является простым повторением чего-то, что они услышали, или даже искажением услышанного. Поэтому очень важно уметь воспринимать, кто это говорит. Действительно ли то, что он говорит, соответствует его убеждениям. Если это так, то истина, которая существует уже на протяжении тысячелетий, приобретает новое звучание. Но истина, которая не открыта человеком самостоятельно, бессмысленно повторенная истина никогда не будет воздействовать на других как истина, никогда не сможет их вдохновлять. Поэтому мы должны развить в себе ощущение этого органа, с помощью которого мы воспринимаем индивидуальность отдельного человека. Тогда вы научитесь различать. Когда, например, один человек говорит: «Сейчас мы будем делать то-то!», для вас это означает, что вы абсолютно точно не будете этим заниматься, в то время как если то же самое скажет другой человек, вы сразу же понимаете, что хотите принять в этом участие.

В армии нужно знать о солдате две вещи: насколько он надежен и смел. Это не проверишь с помощью тестов! Командир просто должен взаимодействовать со своими подчиненными. Постепенно, с помощью чувства Я, он узнает, чего стоит каждый из них.

Благодаря чувству Я мы можем разгадать загадку, кто стоит за словами, за идеей. Часто мы задаем себе вопрос: является ли сказанное просто ловким ходом или же человек действительно убежден в этом? Соответствует ли человек своим словам? Можем ли мы на него рассчитывать или нет? И это мы можем определить только с помощью чувства Я. Но необходимо быть очень внимательным, чтобы не позволить уничтожить свое чувство Я

слушанием пустых политических речей или ложных истин, которые так часто создаются средствами массовой информации, рекламой, кричащими заголовками, раздутыми усовершенствованиями или предубежденными газетными статьями. Если мы будем внимательны, тогда выяснится, что у каждого человека действительно есть своя задача в жизни, что у каждого человека есть свои идеи, и каждый должен пользоваться языком для того, чтобы «выполнить» свою задачу. Но мы должны уметь проникать через эти слова и идеи к сущности, к Я говорящего человека для того, чтобы понять, стоит ли за ним следовать, или же он вводит нас в заблуждение. Для этого нам и необходимо чувство Я. И чувство Я есть у каждого, несмотря на постоянную агрессию, которая обрушивается на этот орган чувств.

Когда мы разговариваем с кем-то, мы сразу же замечаем, что другой является личностью, Я. Мы не разговариваем с куклами и с животными. Мы непосредственно встречаемся друг с другом как Я с Я. Вы скажете: «Но ведь мы разговариваем с нашими животными!» Это, конечно, так. Но разговаривать, это еще не означает разговаривать на равных. Когда вы гуляете с ребенком или с собакой, вы можете сказать ребенку: «Смотри-ка, какой красивый одуванчик, какие замечательные пушистые облака, а вот там, вдалеке, купол церкви!» Вернувшись домой, мы, возможно, еще немного про это поговорим, а собака тем временем будет лежать на своем месте и спать.

Вы как-нибудь проанализируйте, как вы реагируете в зависимости от того, наступил ли вам на ногу человек или собака. Есть огромная разница. Вы сразу же обижаетесь, когда вам на ногу наступает человек; а в случае с собакой вы не обижаетесь вообще, потому что она все равно не понимает. Конечно, она не понимает, ведь она не является Я. Другой же человек все понимает очень хорошо. Именно во время ссор и разногласий мы особенно явственно ощущаем, что другой человек тоже является Я. Во время ссор мы никогда в этом не сомневаемся. Пока мы согласны друг с другом, мы можем в основном заниматься собой, своими собственными идеями; но как только мы начинаем спорить, мы абсолютно точно встречаемся с Я другого человека. Дело в том, что нас может разозлить или обидеть только другое Я. Заметьте, часто только с помощью негативного мы по-настоящему замечаем, что эти органы чувств действительно есть!

Я вам рассказывал, что в речи мы имеем дело с гласными и согласными. Когда я говорю какое-то слово, например «древо», я использую последовательный ряд различных инструментов, которые удивительно гармоничным образом переходят один в другой. Когда мы воспринимаем идею, т. е. непроизносимое, не набор звуков «древо», а идею, стоящую за ним, то что мы воспринимаем? Это целое музыкальное произведение, прекрасная соната. Насколько богата всего лишь одна идея, например, идея «древо»! Ее невозможно описать и с помощью целой библиотеки книг. А что вы делаете, когда вы слышите, как кто-то произносит фразу? Фраза состоит из нескольких композиций, которые объединены в большую композицию, ведь фраза представляет собой не набор несвязанных друг с другом слов, а органическое целое. Просто невозможно себе представить, как целые композиции в стремительном темпе — вы понимаете, что здесь время уже не имеет никакого значения — сменяют одна другую во фразе. Возникает в буквальном смысле слова целый ряд концертов, которые в свою очередь образуют сверхкомпозицию, где эти концерты объединены в одно

целое. Я надеюсь, что эта метафора вам понятна. Дело в том, что с ее помощью мне бы хотелось сделать для вас более понятным тот факт, что когда мы кого-то слушаем, когда мы встречаемся с Я другого человека, когда мы используем наше чувство Я, мы поистине встречаемся с дирижером всех композиций, которые мы слышим.

Как же функционирует чувство Я, каким образом нам удастся воспринять Я другого человека? Это случается, когда мы перестаем обращать внимание на высоту звуков, которые произносятся, перестаем обращать внимание на то, что человек говорит на каком-то языке, и даже перестаем обращать внимание на то, что он говорит, и пытаемся ощутить, стоит ли его сущность за этими словами, действительно ли то, что он говорит, соответствует его внутренней сущности. И подобно тому, как есть красивые и отвратительные цвета, которые мы воспринимаем глазами, так и здесь мы можем воспринять демонический элемент, который присутствует, когда говорящий не отвечает за свои слова, когда он намеренно вводит в заблуждение. Это элемент Я другого человека. Поэтому для того, чтобы его ощутить, мы должны принести еще большую жертву, чем в случае с чувством мысли. Мы должны использовать противоположный орган чувств — чувство осязания в нас самих. Я вам говорил, что с помощью чувства осязания мы отграничиваемся от мира. С помощью чувства осязания мы оказываемся не в мире, но противопоставленными миру, мы окружаем себя стеной. Это необходимо, поскольку для того, чтобы воспринять Я другого человека, мы не можем исходить из пустоты, мы должны быть надежно защищены. И эту защиту нам обеспечивает чувство осязания. Мы как бы закованы в броню, которую с помощью чувства Я нам приходится снимать. Конечно, это происходит бессознательно. Сознательно это невозможно, потому что мы все любим говорить «я», нам нравится воспринимать себя как Я в своей телесности, но все же наше Я отнюдь не полностью связано с нашим телом. Конечно, мы ощущаем и даже переживаем, что наше Я находится в теле, но это ощущение обусловлено лишь тем, что там же находится чувство осязания. Я вовсе не является чем-то, что спрятано в теле, как в домике. Это в корне неверное представление. Нам просто так кажется, поскольку наше Я из-за чувства осязания кажется привязанным к нашей телесности. А теперь мы должны освободить его от этой кажущейся привязанности для того, чтобы встретиться с Я другого человека. И именно благодаря тому, что это происходит неосознанно, само по себе, нам не нужно быть для этого старыми, опытными. Маленькие дети непосредственно через глаза встречаются с Я другого человека, приветствуя маму первой, незабываемой улыбкой. Но эту способность необходимо сохранять и развивать. Именно поэтому чувство осязания настолько важно.

Мы говорили о том, что существует очень большая разница между тем, ощущает ли ребенок материнскую грудь или стеклянную бутылочку. Я говорил об интимности чувства осязания; благодаря ему мы отстраняемся от мира, противопоставляем себя ему. Мы стоим перед миром, но одновременно с этим мы глубоко внутри ощущаем, что мы все-таки связаны с ним. Чувство осязания это очень тонкий, нежный орган чувств.

Это глубоко религиозное, трансцендентальное переживание связано с чувством осязания. Все, с чем встречается ребенок благодаря осязанию, образует фундамент его существования. Существует действительно огромная разница, надет ли на ребенке свитерок из акрила или из

шерсти. Большая разница есть даже в том, связан ли он любимой бабушкой или механизмом. Это действительно огромная разница. Даже если купленный свитер выглядит более красивым, в нем нет ни петельки душевной любви, ни петельки тепла. Все, что ребенок осязает, закладывает основу для его чувства Я. Есть разница, играет ли ребенок пластиковыми игрушками или живыми материалами, например, деревом. Вы постепенно замечаете, что вы становитесь настоящим материалистом только тогда, когда начнете углубляться в антропософию! Лишь тогда вы станете материалистом в том смысле, что будете приписывать материи большую ценность. Рудольф Штайнер не был человеком, который хотел увлечь нас всех в мир ангелов и архангелов. Он говорил о том, что именно в стихии земли, в материи заключены самые глубокие тайны. И последним, что мы сможем познать, будет материя, наша мать. Поэтому материальное очень важно для ребенка. С чем ребенок встречается? Дело в том, что только если воспитатели ребенка обращали на это внимание, ребенок, став взрослым и самостоятельным, сможет встречаться с другими людьми, проникая через идеи к их сущности. И эти встречи, проникновение в суть другого, будут иметь место только тогда, когда мы отвлечемся, сотрем ощущения чувства осязания — органа, который мы до этого с такой тщательностью развивали. За счет того, что мы перестаем быть ориентированы вовнутрь, мы сразу же проникаем в сущность другого. Когда мы воспринимаем Я другого, мы больше не обращаем внимание на его телесность. Это не обязательно должно идти лишь через слух, мы часто можем непосредственно уловить взгляд другого или увидеть его сущность в жестах. И здесь мы прикасаемся к великой тайне: Я — это не раса, не род, не народ, не мужчина и не женщина, у Я нет возраста. Я надеюсь, что теперь вы понимаете, почему мы рассматривали органы чувств как единое целое. Мы не можем рассматривать их по отдельности или в произвольном порядке; вы никогда не сможете научиться музицировать, если вы не знаете, где какие ноты находятся на фортепиано. В беспорядочном рассмотрении учения об органах чувств нет никакого смысла, поскольку все совершенно невообразимым образом связано друг с другом.

Р. Штайнер в своих лекциях об органах чувств описывает, что мы внутренне облачаемся в доспехи, внутренне защищаемся от Я другого человека, когда мы с ним разговариваем или когда мы внимательно его слушаем. Дело в том, что мы чувствуем, что другой человек (чье Я настолько же важно, как и наше, поскольку он тоже является человеком), своеобразным образом наносит нам удары. В восьмом докладе курса «Общее учение о человеке как основа педагогики», прочитанного Штайнером в 1919 году для педагогов первой вальдорфской школы в Штуттгарте, он говорит об этом так: «Когда вы стоите пред человеком, происходит следующее: вы короткое время воспринимаете человека, он оказывает на вас определенное впечатление. Это впечатление возмущает ваш внутренний мир: вы чувствуете, что человек, который является равным вам существом, оказывает на вас воздействие, подобное атаке. Следствием этого является то, что вы начинаете внутренне защищаться, вы противодействуете этой атаке, вы становитесь внутренне агрессивным по отношению к человеку. Затем ваша агрессия ослабевает и вообще исчезает; тогда человек снова оказывает на вас впечатление. За это время вы накапливаете силы и снова становитесь агрессивным. Затем агрессия снова ослабевает, человек снова на вас воздействует и так далее. Это отношения, которые существуют, когда человек взаимодействует с другим человеком,

воспринимая его Я: самоотдача, обращенность к другому человеку — внутреннее сопротивление, самоотдача, обращенность к другому человеку — внутреннее сопротивление; симпатия — антипатия, симпатия — антипатия. Я говорю сейчас не о жизни чувств, а лишь о воспринимающем противостоянии. Тогда душа вибрирует; симпатия — антипатия, симпатия — антипатия, симпатия — антипатия»³¹. Вы замечаете большую разницу с чувством осязания: мы не можем ощупывать с внутренней агрессией.

Вы понимаете, что вы всегда должны оставаться осознанными, взаимодействуя с другими. Это знают руководители сект. Они умеют полностью овладевать другими людьми именно в тот момент, когда те находятся в фазе слабости Я. Поэтому они боятся, что их последователи будут слишком много общаться с другими людьми, — ведь у лишнего собственного Я человека может вдруг снова возникнуть естественное чувство, что невозможно вынести то, что другой человек полностью вами овладевает, полностью в вас проникает. Разговор, общение с другими всегда должен быть позитивной внутренней борьбой. И восприятие Я другого человека — это очень осознанный процесс. Для него необходима постоянная и полная духовная пробужденность, которой мы сначала достигли на телесном уровне, хорошо развив чувство осязания, чтобы затем отказаться от него.

Это принцип Овна Су). Созвездие Овна является метафорой великой битвы, которую мы ведем друг с другом, не отводя взгляда. Битвы, в которой мы постоянно находимся в конфронтации с другим, в которой мы принимаем в себя человека и снова отбрасываем, для того чтобы создать внутреннее пространство, в котором мы снова сможем набраться сил, для того чтобы снова подойти к другому. Так должен вестись разговор. Во время разговора мы никогда не должны погружаться в транс, терять себя, это неправильно. С другой стороны, мы никогда не должны убеждать другого с помощью агрессии, ибо как наше собственное Я должно оставаться свободным, так и Я другого человека мы должны оставить свободным. В процитированном отрывке Р. Штайнера мы видим, как два овна с огромной силой сталкиваются друг с другом и снова расходятся.

А сейчас мы рассмотрим две грубые ошибки, которые мы постоянно совершаем. Первая ошибка состоит в том, что мы постоянно позволяем сбивать нас с толку посредством кричащих заголовков, рекламных лозунгов и т. д. Другая ошибка состоит в том, что мы постоянно пытаемся доказывать свое мнение и отстаиваем свои убеждения. Обе эти ошибки являются недопустимыми атаками на Я. В первом случае, на наше собственное Я, во втором случае — на Я другого человека. Мы часто настолько убеждены в том, что мы правы, что вообще не обращаем никакого внимания на мнение другого человека, не позволяем ему самому выносить суждение. Вы все знаете, что часто во время конференций мы принимаем определенное решение, которое сами же потом и не думаем выполнять. И слава Богу! Дело в том, что это очень, очень сложно — выносить суждения. Суждение возникает там, где происходит встреча людей друг с другом. Когда на конференции принимается совместное решение, твердое решение (особенно когда там присутствует много мужчин!), люди еще раз обсуждают это решение между собой в кулуарах, происходят встречи с другими людьми, и мы еще раз задумываемся по поводу принятого решения, мы думаем о нем во время бессонной ночи или же на следующий день, и это решение начинает выглядеть совершенно по-иному.

Наше мнение изменилось. И это очень хорошо. Поэтому вместо того, чтобы принять решение и больше его не обсуждать, потому что оно уже принято, было бы лучше, если бы люди развивали свое чувство Я.

Может произойти и так, что мы снова подпадем под очарование чужого мнения, чужого Я. Это другой аспект проблемы, при котором тоже важен принцип Овна. Мы должны разрушить стену, но затем мы снова должны удалиться к себе, а затем другие люди опять могут отыскать в нас место, которое они могли бы занять. А это и есть принцип Овна.

Вы видите, что наши высшие органы чувств еще требуется долго развивать. У аутичных детей чувство Я развито очень плохо. Улучшения можно добиться в том случае, если уделять особенное внимание противоположному органу чувств — чувству осязания.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО РЕЧИ, ЧУВСТВО МЫСЛИ И ЧУВСТВО Я ЧАСТЬ 4

• 15 май, 2010 в 12:04

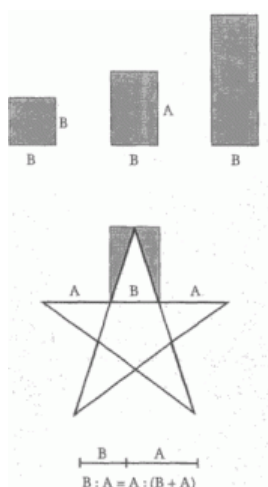

И в конце я хочу дать вам еще кое-что, как упражнение, как пример, с которым вы можете немного поиграть. Наши органы чувств являются способностями нашего существа. Я имею в виду, что это те способности, которые активно задействованы и которые мы можем развивать. Но эти способности на всем протяжении нашего развития (которое началось уже в эмбриональной стадии) особенно ярко проявляются в определенных местах. Способность видеть, например, создает инструмент — глаз, а способность слышать создает орган слуха. И для того, чтобы вы смогли это пережить, я сейчас расскажу вам об одном упражнении.

Попробуйте как-нибудь, когда вы будете слушать концерт, некоторое время обращать внимание только на флейту. Вы делаете это с помощью своих ушей? Конечно, для этого вам нужны уши. Но какой орган чувств исключительно и односторонне четок в своем проявлении? Это глаз. Глаз четко видит только одну точку в поле зрения, причем он делает это с помощью «желтого пятна» в сетчатке. Вы можете слушать только и исключительно флейту лишь тогда, когда вы «просунете глаз в ухо». У человека есть способность, которая состоит в том, что он может использовать орган чувств в другом месте, чем то, где он обычно задействуется. Вы вдруг начинаете «видеть» ушами.

Возможно ли противоположное? Можем ли мы слушать, прислушиваться с помощью глаз? Я показываю вам три прямоугольника. Если бы вы захотели купить тетрадь или книгу, какую бы из этих трех форм вы бы предпочли? Наверное, все-таки среднюю: у нее хорошие «пропорции». Горизонтальная и вертикальная линии находятся в гармоничном соотношении, которое называется золотое сечение. Это соотношение, которое довольно часто встречается в природе и определяет красоту вещи. В пентаграмме это соотношение тоже

представлено в чудесной форме, что вы сами можете увидеть на рисунке. Как ни странно, это соотношение можно выразить с помощью чисел: примерно 8 к 13. Но этого вы не видите. Вы не воспринимаете это глазом, вы слышите это с помощью духовного органа чувств, который называется ухом.

Меньшая сторона В относится к большей стороне А, как большая сторона А к целому (В + А)

Мы можем слышать глазами. Как-нибудь обратите внимание на то, как люди рассматривают картину. Вы знаете, что люди делают, когда они хотят воспринять красоту картины? Они не смотрят на нее неотрывно, а отходят на пару шагов, немного поворачивают голову, и им хочется, чтобы в это время вокруг них было тихо. Они делают это потому, что хотят услышать гармонию картины или же ее диссонансы, для того чтобы ее оценить. Если бы это можно было сделать только с помощью глаз, мы бы ни за что не стали бы отходить от картины. Но все же мы не поворачиваемся к картине ухом, не так ли? Мы действительно хотим слышать глазами насколько гармонично целое. И подобное мы проделываем ежедневно. Как только мы оказываемся в царстве красоты, мы не можем воспринимать лишь с помощью глаза, мы не можем пользоваться лишь одним душевным органом чувств, нам необходим духовный орган. Нам необходимо также услышать красоту. «Что говорит мне эта картина?», «Какая мысль заключена в ней?», «Кто художник, как мне найти его Я?» Это вопросы, ответы на которые мы ищем с помощью четырех духовных органов чувств, которые в данном случае действуют через глаза.

Вы наверное знаете замечательную картину Ван Го-га «Сеятель». Половину полотна занимает земля, а половину — небо. А на границе между землей и небом находится Солнце. И это солнце светит через голову сеятеля. Это грандиозная композиция. За ней стоит живая идея о том, что человек может сеять на земле, только когда он связан с Солнцем. Вы, возможно, теперь понимаете, что я имею в виду, когда говорю о том, что через глаз действуют более высокие органы чувств.

Я вам уже рассказывал, насколько важно сначала развить чувство обоняния, чтобы иметь возможность пережить, что хорошо, а что плохо. Вы, наверное, со мной согласитесь, когда я скажу, что нам приходится чуть ли не зажимать нос, когда мы смотрим современные

иллюстрации к детским книжкам. Все эти карикатуры, которые предлагаются ребенку, очень дурны. Я уже ничего не говорю о мультфильмах. Я вообще не понимаю, как можно весь этот грохот, удары, стирание в порошок, уродства, бессмысленные выдуманнные машины, роботы, супермены и чудовища в безумном темпе обрушивать на душу ребенка. Меня глубоко потрясает тот факт, что дети охотней всего смотрят рекламу: она, по крайней мере, повторяется! Неужели никто больше не знает о том, что здоровому ребенку достаточно малого, и что это малое ему необходимо снова и снова по-новому воспринимать? Вы представьте себе, что было бы, если бы мы никогда не могли есть то, что уже однажды попробовали, и все время были бы вынуждены пробовать что-то новое!

Было бы очень неплохо, если бы мы действительно рассматривали органы чувств как своих учителей и научились замечать и признавать действие одного органа чувств в другом. Тогда мы смогли бы, например, сделать так, чтобы наша способность к обонянию, помогающая нам узнать, является ли нечто грязным или чистым, превратилась во внутреннюю способность, которую могли бы использовать другие органы чувств. Тогда мы сможем пережить, что нечто, замечательным и изысканным образом нарисованное или сделанное, может тем не менее быть безвкусным, аморальным. Гениальность тут ничего не гарантирует.

Если хотите, в конце я перечислю вам некоторые темы, которыми вы можете позаниматься. Эта область неисчерпаема.

1. Мужество и чувство жизни.
2. Мужество и чувство тепла.
3. Взаимодействие чувства зрения и чувства вкуса
4. Взаимодействие чувства осязания и чувства зрения.
5. Полярность между нежностью чувства осязания и стремлением к борьбе у чувства Я.
6. Сравнительное изучение ушной раковины у человека и у животных, в особенности у летучей мыши.
7. Переживание Я в чувстве равновесия, чувстве тепла и чувстве Я.
8. Сравнение глаза и зрения с одной стороны и широко раскинутых (невидимых) рук с другой стороны (глаз при этом считается соответствующим плечевому суставу).
9. Сравнение слуховых косточек и ног: съезжившиеся и сломанные ноги
 - стремечко: кусочек тазовой кости, сросшийся с половинкой бедренной кости;
 - наковаленка: половина бедренной кости и половина голени, согнутые и сросшиеся;
 - молоточек: половинка голени, сросшейся со ступней на барабанной перепонке.
10. Для тех, кто читал «Очерк тайноведения» Р. Штайнера: взаимосвязь планетарных фаз Земли и чувственных процессов:

- Сатурн — Лев — чувство тепла;
- Солнце — Скорпион — чувство жизни;
- Луна — Водолей — чувство обоняния (инстинктивное чувство);
- Земля — Телец — чувство мышления (жертвенное чувство).

Я надеюсь, что вы получили «домашнее задание» до конца своей жизни. Под словом «домашнее» я имею в виду не ваш собственный дом, а наш общий дом, Вселенную. Другими словами: солнечный дом.

Заключение. Чувство Я и «историческая совесть»

Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.

Ев. от Матфея 24, 24

Мы должны как можно лучше овладеть нашими органами чувств и прежде всего чувством Я, чувством встречи человека с человеком. Это тот орган, с чьей помощью мы встречаемся со всеми людьми, которые являются нашими современниками. Орган чувств, благодаря которому мы можем пробудиться в отношении друг друга, благодаря которому мы можем почувствовать, в чем состоит жизненная задача данного человека и в чем состоит наша собственная задача. Обитатель одного дома знакомится с обитателем другого дома.

Для того чтобы произошла встреча, необходимы два неперемных условия: во-первых, активность Я другого человека, человека, посылающего сигнал, и, во-вторых, моя собственная активность, активность воспринимающего. Мы часто говорим о харизме, обаянии человека. Но также можно говорить и об обаянии минералов, растений, животных. Мы бы никогда не смогли познать самих себя, если бы мы постоянно не убеждались в том, что другой человек, хотя и является человеком, все же существенным образом от нас отличается. Мы никогда не смогли бы образовать слово, понятие «сущность», если бы мы постоянно не воспринимали других людей. Чувство Я можно также назвать «чувством сущности».

Мы начнем с примера. Когда учитель преподает детям, он должен заботиться о том, чтобы они присутствовали на занятии. Один из детей может смотреть на учителя своими большими глазами, и, как кажется, впитывая все, что говорит учитель. Дома он старательно сделает домашнее задание и даже украсит свою тетрадь красивыми рисунками. Но если начать задавать этому ребенку вопросы, то выяснится, что он ничему не научился, он не присутствовал, а находился в мире своих грез. Другой ребенок все время играет на уроке с карандашом и ничего не слушает. Так кажется. Намного позже, может быть, даже годы спустя, учитель выясняет, что его уроки оказали определяющее влияние на жизнь этого ребенка. Он полностью «присутствовал».

Другой пример. Одним из учителей Р. Штайнера был германист Карл Юлиус Шрёер, на чьи лекции ходило очень мало студентов. Прикладывая огромные усилия, Р. Штайнер уговаривал других студентов, чтобы они просто приходили на эти лекции для вида. Но

наконец настал тот день, когда к Шрёеру пришел один лишь Штайнер — ему больше никого не удалось уговорить. Шрёер пригласил его к себе домой. Благодаря этому Штайнер познакомился с так называемыми «Народными спектаклями верхнебережья» («Oberufer Spielen»), которые теперь каждый год ставятся учителями в Вальдорфских школах для детей (спектакль о Рае, спектакль о Рождестве и спектакль о трех царях). Обладал ли Шрёер обаянием? Штайнер считал, что да, и немалым, а другие студенты не замечали этого.

На этих примерах вы видите проблему жизни во всей ее целостности. Всегда ли мы сами присутствуем настолько, чтобы быть в состоянии воспринять присутствие других людей? Конечно, нет. Мы не присутствуем во время сна, при лунатизме, когда мы охвачены паникой, во время тяжелой депрессии, будучи охваченными безумием. А также когда мы выпили, — тогда, наоборот, все становится призрачным и ненастоящим. Сколько наркотиков и лекарств проглатывают тысячи людей, чтобы не присутствовать! Сколько тысяч людей действительно присутствуют во время футбольного матча? Сколько человек присутствуют во время массовых мероприятий, не важно политического или религиозного характера? Существует бесконечное число способов убить время, потратить его, лишить людей их Я!

Конечно, мы не присутствуем тогда, когда мы подвергаемся гипнозу. Придя в себя, человек даже не может вспомнить, что он пережил во время сеанса. Это самая глубокая форма гипноза. Но не нужно забывать, что легкие формы лишения человека его Я тоже являются действенными. Многие так называемые релаксационные упражнения основаны именно на этом. Ведущий монотонным и успокаивающим голосом обращается к группе, например вот так: «Представьте себе, что вы лежите на чистой зеленой траве, и попробуйте воспринять глубину и прозрачность синего неба над вами». Здесь речь идет о том, чтобы вы позволили увлечь себя в картины, которые он описывает. Часто эти упражнения делают лежа, пользуются кассетами. У Р. Штайнера таких «расслабляющих» упражнений вы не найдете. Упражнения, которые он дает, требуют напряжения сил и труда, чтобы добраться до сути. Таким образом, у нас есть триединство: расслабление — напряжение / усилие — зажатость. (Мы еще к этому вернемся.)

Речь идет о духовном усилии — при бесконечном повторении мантр, молитв или изречений теряется интенсивность, и человек превращается в механизм произнесения молитв.

Давайте вернемся к явлению обаяния, излучения. Обладал ли Гитлер сильным обаянием? По мнению многих миллионов людей: ну, если вам это кажется неубедительным... по мнению архитектора Альберта Шпеера, одного из ближайших сотрудников Гитлера, которому он полностью доверял, вовсе нет! Многим казалось, что глаза Гитлера сияли. Шпеер же утверждает, что у Гитлера были абсолютно пустые глаза. Но Гитлер, особенно во время своих речей, был словно одержим! Таким образом, перед нами человек, который настолько сильно отсутствует, что другое существо может занять это пустое место. Медиумы по определению не присутствуют, а являются, так сказать, прозрачными для других существ. (Некоторые из них даже утверждают, что они знают, какие духи через них говорят. Конечно, в большей части случаев они ошибаются.)

Истинный творец противоположен медиуму. Он является посредником, который должен полностью присутствовать, чтобы нечто высшее, как, например, в музыке Моцарта, могло проявиться.

Чувство Я очень плохо проявляется, если лицо обезображено, не важно, от рождения или в результате болезни или несчастного случая. Но и очень «красивое» лицо, очень «красивое» тело тоже могут быть препятствием. Многие голливудские актрисы пережили из-за этого массу трагедий. Истинной встречи не происходило. «Фауст» Гёте заканчивается словами «И вечно женское / притягивает нас». Тут очень важно, что мы выделяем — «вечное» или «женское». Во втором случае чувство Я не проявляется, ведь там речь идет о смертном, телесном человеке, лишь в первом случае чувство Я задействуется.

Многие дети, слава Богу, благотворным образом на нас воздействуют, даже на тех людей, которые несколько «опустились», например, на пьяниц. Даже умственно отсталые дети часто излучают свет. Это начинается уже очень рано, по прошествии нескольких недель, когда ребенок в первый раз улыбается маме.

Ни для какого другого органа чувств присутствие не требуется в такой большой степени, как для того, чтобы воспринять другого человека. Таким образом, мы все время должны за собой следить. Знак Зодиака, который относится к чувству Я, часто изображается в виде оглядывающегося назад Овна³².

Из: Gaius Iulius Hyginus, De Sibiribus Tractatus (XV век)

Наблюдение за самим собой является вторым условием возможности настоящей встречи с другим человеком. Цвета, звуки, запахи и вкус не требуют нашего активного присутствия. Нам не нужно все время с полным вниманием следить за цветами, звуками и запахами в нашем окружении. Но в случае чувства Я это непереносимое условие. Если наш собеседник невнимателен, нам это кажется довольно бестактным.

Для этого органа чувств также чрезвычайно важно, чтобы мы как можно дольше воздерживались от мышления, вынесения суждений и высказывания своих предубеждений. «Как же ты похож на своего отца!» — подобная фраза вовсе не является восприятием Я другого человека. Каждый человек отличается от другого, каждый человек представляет собой свой отдельный вид. Акушерка может сказать: я видела, как рождаются сотни детей. Многие могут сказать: мы видели, как люди умирают. Мы все можем сказать: я видел, как

спят груднички, дети и взрослые. А это вообще возможно? Видим ли мы действительно спящего человека? То, что мы видим, есть лишь телесное, чувственное проявление. Человек во сне, например, дышит по-другому. Во время сна акцентируется выдох. И по опыту мы знаем: это означает, что человек спит. Но это мысль, суждение, а вовсе не восприятие. То же самое в отношении рождения и смерти. Мы видим только лишь телесную сторону. Лишь когда существо уже рождено, наше чувство Я может воспринять его. Крик ребенка тоже является знаком того, что он пришел на землю. Снисхождение самого Я в тело, которое происходит посредством дыхания, мы не воспринимаем. Для того, чтобы быть в состоянии это увидеть, необходимо быть ясновидящим очень высокого уровня. То же самое происходит и при умирании. Мы не можем проследить за тем, что происходит с Я, которое покинуло тело. И точно так же мы не можем проследить за тем, что происходит с Я спящего человека. И хотя мы считаем, что Я спящего человека не исчезает внезапно и навсегда после того, как он уснул (поскольку он через определенное количество времени снова просыпается), но, странным образом, мне все еще приходится сталкиваться со значительным сопротивлением людей, когда я говорю о Я, которое существует до смерти и после рождения.

Таким образом, наше Я скрыто за множеством слоев. Мы «естественным образом» принадлежим к определенной расе, определенной семье и определенному полу. Также мы «культурным образом» связаны с определенным народом и определенным языком. К тому же мы принадлежим определенной временной эпохе, мы являемся детьми своего времени. Все эти оболочки у нас имеются, но мы ими не являемся. Но это не значит, что все эти оболочки не важны и что мы вот так запросто можем начать именовать себя «гражданами мира». Именно благодаря тому, что мы углубляемся в это огромное многообразие, мы обогащаем нас самих. И это особенно необходимо в наше время. Мы не сможем понять наше время, если не будем рассматривать его в связи с предшествующими эпохами. Чем мы обязаны нашим предкам?! Что мы должны сделать для них в будущем?!

Р. Штайнер приложил огромные усилия для того, чтобы наиболее полно раскрыть глубокий смысл истории. Он написал основополагающую книгу «Очерк тайноведения»³⁴. В этой работе подробно рассматривается великое значение культурных эпох: древнеиндийской, древнеперсидской, египетской и греко-романской. Все эти эпохи, каждая из которых длилась около 2160 лет, определенным образом участвовали в формировании нашей души. Древнеиндийская эпоха, наследие которой дошло до нас в таких великих литературных произведениях как Махабхарата и Бхагават-Гита, познакомила нас с божественными силами, которые стоят за сотворенным миром. Персидская культура научила нас тому, как мы должны обрабатывать Землю, чтобы сделать ее плодородной. Вавилонянам и египтянам мы обязаны, кроме всего прочего, искусством чтения звезд, древним грекам — чувством прекрасного и философскому мышлению, а римлянам всем тем, что связано с чувством справедливости. Каждая эпоха обладает своими обновляющими импульсами, но также и своими упадочными проявлениями.

Сейчас мы живем в замечательной эпохе, которую Р. Штайнер назвал эпохой души сознательной (1413— 3573). Эпохи никогда не начинаются вдруг, предшествующая эпоха продолжает оказывать свое влияние и после того, как она хронологически заканчивается. Но

в то время, в которое мы сейчас живем, уже очень отчетливо проявляется все, что является типичным для души сознательной. Можно охарактеризовать это слег дующим образом: все внешние устои исчезают. В настоящее время мы очень остро переживаем это в том, что люди больше не могут обрести опору в религии. Статус и общественное положение людей очень неопределенны и изменчивы, сложно выбрать себе профессию — всё это примеры отсутствия четких и определенных внешних устоев. То, что люди все чаще даже в деловой сфере перестают считать важным и употреблять фамилии, то есть имена рода, к которому они принадлежат, тоже указывает на то, что люди чувствуют себя обращенными к своему Я. Эта индивидуализация с неизбежностью влечет за собой одиночество. Отсюда становится понятным, что все большую роль приобретает стремление вырваться из этого одиночества. Это стремление является поиском новых устоев, нового самоопределения в группах по интересам, сектах, массовых митингах и т.д. Этому странным образом противопоставлен тот факт, что мы часто слишком большое значение придаем титулу. Знаменитость, авторитетная фигура, но также и врач, священник, судья или адвокат часто являются для нас персонами высокого ранга. Конечно же, это ведет к злоупотреблениям. При этом отсутствует беспристрастность, которая так необходима для развития чувства Я.

Речь идет о том, чтобы пробудить «историческую совесть». Мы можем заниматься созиданием будущего, только когда мы твердо стоим на фундаменте прошлого. Построить нечто из мусора и обломков практически невозможно. История начинается не с Наполеона и тем более не с Большого взрыва во Вселенной, (Точно известно, когда произошел этот Большой взрыв: не миллионы лет назад, а в прошлом столетии в мозгу некоторых ученых. Эта теория напоминает выращенного в пробирке ребенка, который ведет жалкое существование только благодаря искусственной и постоянной поддержке.) Собственную малость мы можем ощутить, изучая жизнь великих людей. Это может создать в нас стремление рассматривать их как идеал и подражать им. Это развивает наше чувство Я. Великие люди не просто являлись детьми своего времени, они скорее были восприимчивы к вневременному, вечному. Поэтому говорят о вечной значимости творений великих мыслителей, художников и тех, кто испытывал глубокие религиозные переживания.

В повседневной жизни мы можем научиться воспринимать своего партнера не просто как «свою женщину» или «своего мужчину», а как Я. Также мы способны преодолеть односторонность семейных связей, если мы будем рассматривать наших детей как самостоятельные существа, свободные от всего наследственного.

Как мы уже говорили, развитию чувства Я мешает очень многое. Лучшую опору в этом противоречивом мире можно найти в душевной науке Аристотеля. Аристотель исходит не из противоположностей, таких, как например, трусливый — смелый, а из триединства: трусливый — смелый — безрассудный. Другими примерами являются следующие триады:

ненависть — любовь — чрезмерная (слепая) любовь;

преступный — святой, благочестивый — ханжеский;

кричать — аргументировать, доказывать — нашептывать, исподволь внушать;

неверие — вера — предрассудок;

консервативный — сохраняющий присутствие духа — радикальный;

изоляция — духовная общность — слияние с массой.

Мы остановимся лишь на нескольких из перечисленных триад.

Кричать также понимается как: стремление убедить с помощью насилия, кричащая реклама, вызывающая одежда, работа «на публику», сильные духи, шокирующее поведение и т. д. Нашептывать же означает: использование скрытой рекламы, но также и произнесение красиво звучащих, высоко моральных фраз типа «Человек это уникальное существо», или «Необходимо есть только естественную и экологическую пищу», или «Человека необходимо воспитать для того, чтобы он стал социальным существом». Но как этого достичь? Р. Штайнер утверждает, что воспитание в ребенке социальности означает, что обучение счету не должно начинаться со сложения чисел друг с другом. Это наоборот, приводит к развитию эгоизма. Вот пример того, что сегодня многие делают то, что приводит к разрушению и подрыву идеалов. Обучение счету должно начинаться с разделения, распределения. Мать ребенка является тому примером, когда она разрезает торт на отдельные куски. В этом проявляется социальный аспект. Дальнейшее вы можете посмотреть в педагогических докладах Р. Штайнера.

Предрассудок: вера в чудо (плачущие святые, марсиане, факиры, чудотворцы, волшебники, создающие кольца из ничего). К предрассудкам необходимо причислить и то, когда возвышенные образы толкуются грубо внешне и материалистически, например: ангелы с крыльями, Бог как старый мудрец с бородой, творящий чудеса — превращение воды в вино, хождение по воде, кормление пяти тысяч человек и полеты на облаках. У неверующего сразу же возникает стремление иронизировать. У насмешников обычно не хватает самосознания и, как правило, проходит очень много времени до того, как они понимают, что они издевались сами над собой. Необходимо прикладывать усилия для того, чтобы рассматривать подобные описания как образы состояний сознания высших областей существования. Фокусник — это правильный контрпример в отношении чудотворца.

Изолированность — под этим подразумевается чувство избранности, столь типичное для сект, фанатизм, избрание в ложи. Слияние с массой означает поддержка принципа: у кого больше голосов, тот и прав. Вы эту тему можете дальше сами развить. Под духовным сообществом мы понимаем группу людей, которые прикладывают усилия для воплощения общего идеала. Например, этим идеалом может быть защита природы, сохранение культурного наследия. Или же эти идеалы могут быть более ориентированы на будущее: педагогическое, художественное или социальное обновление, религиозные импульсы, развитие духовной науки. Здесь можно привести замечательные слова Гёте о создании связей внутри духовного сообщества: «Общительность была свойственна мне от природы, благодаря ей я, принимаясь за многочисленные предприятия, всегда находил себе помощников и сам становился им помощником, наслаждаясь счастьем лицезреть себя в них и их во мне» («Изречения в прозе»).

В качестве последней и очень важной триады мне хочется упомянуть: одиночка (отщепенец, аутсайдер, аутист) — человек, владеющий искусством жизни, — человек, выдавший виды, «тертый калач».

Если вы почитаете автобиографию Р. Штайнера «Мой жизненный путь», вас поразит то огромное количество людей, с которыми он встречался, а также то, настолько плодотворными были для него эти встречи. Количество этих встреч просто невообразимо, особенно если вы приплюсуете к ним те, о которых он говорит в своих докладах и других работах. Везде у него можно найти обширнейший материал по теме «искусство жизни». Р. Штайнер был одновременно великим учителем и великим учеником.

Необходимо понимать, что человек играет разные роли. Вы совсем по-другому воспримете человека, если он является вашим коллегой по работе, чем если вы встретитесь с ним в дружеском кругу. Учитель совершенно по-иному, чем в обычной школьной обстановке, начинает воспринимать ребенка, когда класс отправляется на школьную экскурсию или в поход. Также важно обмениваться с другими своими впечатлениями по поводу того, как вы восприняли определенного человека. Тогда вы быстро обнаружите, насколько односторонне ваше восприятие. Даже если у вас в семье хорошие взаимоотношения, вы можете многому научиться, видя то, как другие люди воспринимают вашего партнера. Нам всем знакомо чувство печали, когда кто-то умирает, и мы только теперь осознаем, насколько узко и односторонне мы его воспринимали.

Одна из чрезвычайно больших опасностей для развития чувства Я заключается в том, что встреча с другим человеком превращается в своеобразную шахматную игру. Это происходит, когда человек просчитывает варианты: если он скажет это, я отвечу так, но если он скажет то, я дам иной ответ. Встречу нельзя заранее предопределять и просчитывать. Но самым опасным, наверное, является стремление к тихому и мирному сосуществованию. Например, мы договариваемся (во многих группах это играет важную роль), что мы будем относиться друг к другу всегда дружелюбно, будем помогать друг другу, никогда не будем спорить и позволим всем мнениям просто сосуществовать такими, какие они есть! Разве это не чудесно? Ключевые слова здесь «позитивное мышление». Но проблема в том, что тогда противоборствующая сторона чувства Я не может проявиться, и все остается на уровне самодовольного параллельного бытия. Импульсы к развитию, которые одно Я может получить от другого, деградируют до взаимных похвал, что, к сожалению, исключает развитие. Это ни что иное, как своеобразный способ самогипноза. Если все же кто-то обходится с нами грубо, мы мгновенно выносим суждение: теперь я наконец-то узнал, каков этот человек на самом деле. Гораздо лучше было бы сказать: в настоящий момент я не могу выносить его присутствие; я не могу воспринять его сущность. Необходимо подождать!

ДВЕНАДЦАТЬ ЧУВСТВ: ЧУВСТВО РЕЧИ, ЧУВСТВО МЫСЛИ И ЧУВСТВО Я ЧАСТЬ 5

Подведение итогов всему данному циклу требует внутреннего ответа на вопрос: где я нахожусь как человек? Очень часто мы склонны к тому, чтобы отвечать очень просто: «Ну здесь, на Земле». Но является ли это слово «здесь», в данном случае действительно ответом? Рассматривая первый орган чувств — осязание, мы говорили о том, что это чувство «здесь», это ощущение ограниченности телом есть у нас только благодаря осязанию. Таким образом, понятие инкарнации, «присутствия в теле», применимо только к этому органу чувств.

Лишь когда мы абстрагируемся от ощущения, которое нам создает осязание, мы сможем найти лучший ответ на вопрос «где?». Мы присутствуем не в некотором внешнем пространстве, а в определенном внутреннем состоянии сознания, определенной области сознания. Мы совершенно справедливо говорим о «мире» души и о «царстве» духа. Каждый орган чувств располагает одной определенной областью сознания.

Мы, как человеческие души, наделены способностью использовать слова повседневной речи, с помощью которых мы описываем обычные вещи, так же и в отношении глубинных внутренних событий. В подобных случаях мы используем выражение «образно говоря» или «в переносном смысле». Наше тело имеет определенные размеры. Но когда мы говорим: это был большой, великий человек, физические размеры теряют свой смысл. То, что мы едим, имеет определенный конкретный вес. Но когда кто-то произносит нечто веское, мы не спрашиваем его о количестве килограммов. Можно привести множество подобных примеров: учебный материал, проглотить книгу, столкновение мнений, стоять на краю пропасти. Размышление над подобными вещами важно для того, чтобы постепенно преодолеть материализм. А это необходимо сделать для того, чтобы развить чувство Я. Мы воспринимаем, что Я другого человека присутствует рядом со мной. Но это Я нельзя понимать как присутствующее здесь или там во внешнем смысле. И величайшим чудом является то, что когда я читаю Гомера, то Гомер присутствует здесь (во мне), а я присутствую в Гомере (там).

Вернемся к примеру «стоять на краю пропасти». В переносном смысле это выражение часто обладает большей реальностью, чем в обычном, внешнем смысле. Как туристы, мы можем наслаждаться видом, открывающимся с края пропасти. Но внутренняя пропасть действительно страшна. Другие формулировки, которые мы уже упоминали: «Бог — дедушка с длинной бородой», «Ангелы с крыльями», «Христос, идущий по водам», вообще необходимо понимать только в переносном смысле, а не внешне материалистическим образом.

С начала эпохи души сознательной мы по-новому должны найти себя в мире. Благодаря путешествиям стало совершенно ясно, что все люди находятся на Земле между ее центром (Земля — шар) и небесной сферой. Поэтому на нас лежит двойная ответственность:

ответственность друг за друга и ответственность за природу, за Землю. Сущность, суть того, что мы называем «христианством» выражается в словах Христа: «Отче наш, сущий на небесах» (Мат. 6, 9). Это не тот отец, от которого мы унаследовали физическое тело, а духовный отец нашего Я, которого у нас нет, но которым являемся мы сами. Уникальное, не унаследованное. Идеал духовного братства возникает из ответственности перед отцом в смысле отца — «Отче наш», перед духовным отцом. А благоговение и забота о природе возникает из ответственности перед Землей — «матушкой нашей», нашей духовной матерью. Земля тоже является духовным существом.

Самый настойчивый призыв пробудиться по отношению друг к другу возник в 33 году нашей эры, когда Христос и двое преступников были распяты на кресте на Голгофе. В тот миг чувство Я, чувство Сущности подверглось священному испытанию.

Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же напротив унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

Лука 23, 39—43

Здесь содержится призыв к тому, чтобы пробудить свое чувство Я. Это долгий путь: преодоление гнева, терпимость по отношению к другому, готовность взять на себя ношу другого, простить его, любить его, даже когда он является нашим врагом. Только благодаря Христу в нас мы можем идти по этому пути. Ведь, как написано в «Доксологии» (Хвалебном славословии), которым христианство голосом, исходящим из чувства Я, отвечает на подаренную ему молитву «Отче Наш»:

«Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь».

В этом курсе мы рассмотрели ряд органов чувств. По сути, это путь развития от чувства осязания до чувства Я. Благодаря чувству осязания мы прощаемся с нашим отчим домом, раем, Эдемским садом. Благодаря чувству Я мы встречаемся с братьями и сестрами по духу, с которыми мы должны основать новую культуру: воплощение на земле святого небесного града, нового Иерусалима, обновленной Земли, Невесты Христовой, и Агнца³⁵.

Послесловие.

Взгляд назад — размышления — антропософское движение

Посредством религии люди Поистине станут едины. Новалис

В антропософской духовной науке различают три источника жизни. Первый источник — это питание, состоящее из твердых и жидких веществ; однозначно измеряемые, материальные земные субстанции. Второй источник — это воздух, атмосфера, которой мы дышим. И третий источник — это мир восприятий, источник органов чувств, о котором шла речь в рамках нашего курса: не измеряемый, не субстанциональный, качественный. Опыт органов чувств можно в этом смысле объединить словом «свет», «противотяжесть». Эта

область является для нас, конечно же, самой важной. Это «хлеб наш насущный». Если бы мы были лишь едящими и дышащими существами, мы бы здесь не сидели. Мы являемся тем, кто мы есть, лишь благодаря нашему третьему источнику жизни — нашему сознанию. Мы не будем сейчас рассматривать вопрос и обсуждать, что происходит с сознанием во сне или после смерти. Когда мы в сознании, мы находимся на Земле, то есть воспринимаем. Мы делаем внутренними миры наших чувств. Каждый из нас создает свой собственный мир, будем надеяться, что это большие и красивые миры. Пища и дыхание поддерживают наше преходящее тело. Благодаря внутренним царствам органов чувств мы начинаем сами работать над своим бессмертным телом, давайте назовем его телом опыта. Конечно же, мы делаем это не для того, чтобы наше физическое тело могло просуществовать 1000 лет. Речь идет о том, чтобы мы становились все более осознанными и пробужденными, для того чтобы после смерти мы могли стать помогающими, со-творящими существами.

Абсолютно оправдано то, что люди так беспокоятся о состоянии двух первых источников энергии (даже если они делают это лишь из страха или инстинкта самосохранения): земли, озер, морей и атмосферы, которые становятся все больше и больше похожими на мусорные свалки. Гораздо меньше мы осознаем тот факт, что третий источник жизни тоже становится все более и более отравленным.

Конечно, везде можно услышать призыв: «Больше уважения!» Но уважение и благоговение могут возникнуть лишь из мировоззрения, которое пробуждает эти чувства. Но проблема в том, что когда нам вбивают в голову, что Вселенная возникла из Большого взрыва, что все закончится тепловой смертью, что наш мозг это компьютер, наше сердце — насос, наша печень — это химическая лаборатория; что все можно объяснить с помощью генов, наследственности и гормонов, короче говоря, что мы являемся фабричным продуктом, тогда, конечно, все несовершенное должно (естественно, с помощью самых гуманных методов) исчезнуть. И лучше всего, если оно исчезнет, еще не родившись! Но и в течение жизни лучше всего убирать из социума не очень хорошо функционирующие компьютеры.

Все это, как ни странно, подробнейшим образом изложено уже у Эрнста Геккеля (1834—1919), например, в его книге «Загадка мира». Геккель в теории был последовательным материалистом. А в жизни он был врачом, художником, замечательным и тонким любителем природы и вообще очень хорошим и добрым человеком, какого себе только можно себе представить. И на практике он не использовал то, что излагал в своих теориях.

«Но ведь все это чушь!» — скажут спиритуалисты. Абсолютно все является духом, что можно с точностью подтвердить нашими спиритуальными разговорами с умершими и фотографируемыми материализациями. Ты должен подчиняться своей звезде, своему гороскопу, который каждый день излагают по телевизору, как прогноз погоды. Конечно, не слепо подчиняться: есть курсы, на которых ты быстро можешь стать ясновидящим. Если у тебя есть проблемы, это связано с твоей предыдущей инкарнацией; после нескольких заседаний, лежаний и сеансов гипноза это можно будет выяснить. Нет, ну конечно же человек — это дух! Поэтому необходимо соединиться с мировым Духом, Космосом!

Существуют бесчисленные оккультно-культурные мероприятия, которые приводят ко всякого рода экстатическим состояниям, с помощью громкоговорителей, монотонной музыки и других групповых действий, сопровождаемых совместным пением, хлопанием и топанием в дыме благовоний и воскурений. Если же вам «повезло» и вы попали к духовным танцорам, то объединение с Космосом произойдет еще быстрее. Священные тексты из Библии и древние мантры играют здесь такую же важную роль, как и широкий выбор наркотиков.

Еще дальше заходит так называемое «развитие талантов», благодаря которому убивается время, а шокирующие и ошеломляющие вещи, сопровождаемые непрерывной ложью, полностью искореняют чувство стыда. Люди пока еще громко возмущаются, узнав, что дети подвергались физической сексуальной агрессии. Но то, что на экранах «солируют» дети все меньшего и меньшего возраста, кажется им восхитительным, несмотря на то, что многие уже давно поняли к чему это ведет. Люди требуют, чтобы воспитание было существенным образом улучшено, и прежде всего в странах третьего мира. Но именно там трагичность ситуации проявляется больше всего. Миллионам детей раздаются компьютеры и телевизоры для того, чтобы они как можно скорее, как можно удобнее и приятнее научились писать, читать и считать. На эти сверхумные машины возлагаются большие надежды. Детей, еще не умеющих сидеть, на руках держат перед телевизорами и компьютерами, чтобы они как можно скорее увидели, «что такое настоящая жизнь». Я видел и умирающих взрослых, которые сидели перед телевизором, чтобы не дай бог не пропустить важный футбольный матч. В книге «Bravenew world» писатель А. Хаксли уже предрекал подобное!

На это мне возражают: но ведь вы забыли про моторное развитие, различные виды спорта! Но что же мы знаем о формах движений? Рассказывая о чувстве собственного движения, я попытался немного осветить эту проблему.

Для того чтобы проникнуть в зловещую суть подобных «невинных» явлений и дать возможность проявиться здравому смыслу, погребенному под столь многими слоями «культуры», требуется выдержать мощнейшую духовную битву. Р. Штайнер называл ее «Битва Михаила с драконом», в Апокалипсисе Иоанна она тоже пророчески описана. Вообще в Библии много говорится о злых силах; вспомните о змие в раю, о сатане в истории об Иове, искушении Христа в пустыне. В «Отче наш» мы молим об избавлении от лукавого, от этих злых сил. А насколько актуальна сегодня власть Маммоны, власть денег (ср. Мат. 6, 24 и Лук. 16, 9—13)! Рабство, с которым, как многие думают, удалось справиться, снова возникло в новой форме, как рабство под властью денег. Во всех религиях демоны играют важную роль, они способствуют тому, чтобы истинно-божественное достигло сознания.

Если вы почитаете антропософскую литературу, вы довольно скоро натолкнетесь на имена Ариман и Люцифер. Кто это такие? В первом приближении можно сказать, что Ариман является циничным отрицателем духа, абсолютным материалистом; Люцифер это надменный дух, дух ложного превосходства и иллюзий.

Этих двух вы можете под разными масками порознь и вместе заметить повсюду. В нашем курсе я говорил о них, особенно в главе о чувстве Я и пробуждении исторической совести, не называя имен.

Но в чем же состоит цель антропософии? Поиск друг друга и установление взаимосвязей является одним из основных инстинктов людей. Поэтому чрезвычайно понятными и знакомыми кажутся следующие слова Р. Штайнера: «Антропософия это путь познания, который ведет духовное в человеке навстречу духовному Вселенной»³⁶. В отношении чувства Я, чувства встречи, речь идет о том, чтобы развить в себе способность в каждом человеке (а значит и в самом себе) видеть сокрытое божественное. Так возникает пронизывающее всю жизнь действенное богослужение. Обратите внимание: всю жизнь, а не только по воскресеньям или в праздники. В церкви проповедуется братство. В профессиональной жизни царит универсальная догма глобализированной экономики и свободного рынка. Речь идет об экономической экспансии, в результате которой, путем слияния создаются чудовищные группировки, позволяющие выжить в битве с конкурентами. Но при катастрофах, так сказать, вопреки экономическим интересам, все же проявляется готовность помочь другой стране. Опыты за лабораторным столом тоже должны проводиться как богослужение; тогда можно будет прийти к намного более духовным результатам. Повторимся еще раз: к духовным, а не спиритуалистическим!

«Вся наша жизнь это богослужение», — говорит Новалис.

Это истинное богослужение не должно быть основано на раз и навсегда установленных правилах какой-то организации, определенной веры, откровении или предписаниях, даже если за ними стоит многовековая традиция. Многие люди глубоко сожалеют, что существует так много враждебных по отношению друг к другу и параллельно существующих течений. Они говорят: мы должны быть терпимы, во всем есть нечто благое, поэтому давайте установим как можно больше взаимосвязей. К сожалению, это большая иллюзия. Дело в том, что подобные взаимосвязи горизонтальны. А приблизиться к духу можно только тогда, когда люди пытаются поднимать друг друга. А это означает, что необходимо строго отслеживать то, что в каждом, в том числе и в нас самих является догматическим и сектантским. Р. Штайнер однажды сказал, что существует двенадцать вполне оправданных видов мировоззрения³⁷. Тем самым, он хотел сказать, что антропософия не является мировоззрением, а лишь дает возможность точно узнать, с какой стороны и в каком аспекте мы высказываемся. Очень часто люди не понимают друг друга именно потому, что они не осознают собственную точку зрения. В отношении двенадцати органов чувств мы всегда очень точно знаем, какой орган чувств мы используем. Ни один из органов не мог бы сказать: Я единственно правильный орган! Двенадцать органов чувств образуют удивительное сообщество. Подобно тому, как различные религиозные формы из-за собственных догм и ограничений являются односторонними, точно так же ограниченной является и абсолютно объективная наука, со своими предпосылками и стремлением рассматривать сложное, как сумму простых составляющих. Но это не мешает нам с благодарностью и уважением признавать гениальные и значительные достижения науки. Достаточно ли человечество созрело для того, чтобы овладеть этими замечательными открытиями, этими «обоюдоострыми мечами» — это уже совершенно другой вопрос.

Р. Штайнер много раз повторяет, что антропософия является духовной наукой, причем ударение стоит на слове «духовная». Без богослужения эта наука настолько же невозможна, как и сухая вода. Уже очень рано Р. Штайнер обратил внимание на то, что наше мышление все

связывает и объединяет (religere, Religion) и что оно видит духовные взаимосвязи: «Обнаружение идеи в действительности (то есть в мире проявлений) — есть истинное общение людей друг с другом»³⁸. Осознающее себя мышление, таким образом, является богослужением, оно «служит миропониманию»³⁹. Мышление показывает, раскрывает сокрытое божественное в вещах. Оно дает возможность пронизать себя духом. Поэтому тот, кто ищет святого духа на нашей Земле, может повсюду обнаружить его проявления: снятие покрывала тайны — это также и смысл слова «апокалипсис» — происходит в нашей повседневной жизни, дарится нам благодаря мышлению. И это большая ответственность! И часто это ведет к заблуждениям и ошибкам! Заблуждения и борьба различных философов друг с другом действительно обусловлены тем, что философы во многом не осознают своей односторонности. Несмотря на то, что мышление является духовной возможностью или же наоборот, поскольку в нем есть нечто духовное, оно может и должно развиваться для того, чтобы достигнуть высших миров. Основы подобного развития описаны в книге «Как достигнуть познания высших миров?»⁴⁰. Там нет ни слова о бегстве от земных трудностей! Высшие миры следует искать не по ту сторону бытия. Р. Штайнер все время пытается пробудить и усилить нашу любовь и внимание к мелочам. Рассматривая двенадцать органов чувств, мы прошли этот путь от повседневного до действующих в этом повседневном духовных сущностей. То, что называется антропософией, имеет свою основу в удивительном разнообразии духовных наблюдений Р. Штайнера. Его ученики развили, разработали и обогатили его наблюдения результатами собственных опытов. Вы наверняка знаете, что все это было также реализовано и продолжает разрабатываться в практических областях: педагогике, искусстве врачевания, искусстве речи, сценическом искусстве, искусстве движения (эвритмии), архитектуре (первый Гетеанум в Дорнахе, в строительстве которого принимал участие сам Р. Штайнер, сгорел в новогоднюю ночь 1922/23), сельском хозяйстве с использованием биологически-динамических методов.

Можно сказать проще: антропософия имеет своей задачей объединить науку, искусство и религию в единое целое. Это не означает, что различные вещи искусственным образом склеиваются или растворяются друг в друге, речь идет о том, чтобы придать им более совершенную форму. Только в этом всеохватывающем смысле, новом смысле «антропософское движение в целом и со всеми своими частностями является не служением земному, а служением божественному».

Этим очень четко сказано, что антропософия — это не то, что должно быть прибавлено ко всему, что уже существует. Это не новая церковь, не культовое движение, она даже не является самым новым или самым лучшим. В ней речь не идет о моральных проповедях, а лишь о духовной субстанции, о силе, пробуждающей жизнь и любовь. Ведь прозревание духовного дает пищу для души, объединяет духовное солнечное существо с нашим собственным вечным солнечным существом.

Это можно прояснить следующей метафорой: двенадцать религий Земли стоят в круге. Лишь когда люди одной религии, вместо того, чтобы видеть соринки в глазу людей другой религии, начнут чувствовать бревно в собственном глазу, только тогда появится возможность

увидеть себя и других в более высокой, общей области в духе. По этой теме вы можете почитать незаконченный эпос Гёте «Тайны».

Однако же необходимо быть внимательным, чтобы не свалить все в одну кучу. В слове «путь» три звука, но сам путь займет как минимум три столетия. Пророки, святые и мученики, а также многочисленные «еретики» и истинные религиозные реформаторы могут служить нам примером. Не следует забывать и тех из круга наших знакомых, которые еще живут или же уже переступили порог духовного мира, которые, быть может, никогда не заглядывали в духовные книги (но наверняка заглядывали в книгу вечности), но которые дороги нам, поскольку они являются примером религиозности и духовности. И продолжение и развитие того, что они делали, тоже является богослужением.

Нужда человечества невообразима велика. И все же не только в Библии можно прочесть, что Христос говорит: «Я с вами во все дни до скончания мира» (Мат. 28, 20). Павел признал христианство, не читая книг и не встречаясь с Христом во плоти. Он, как «недоношенный», видел и слышал духовным слухом воскресшего Христа. С удивительной силой и убежденностью Р. Штайнер начал в 1910 году говорить о том, что «переживание Павла в Дамаске» будет все чаще повторяться у других людей: сначала у немногих, но затем все чаще и чаще в третьем тысячелетии. Эти избранные не нуждаются в канонизации. Уже сегодня это настолько распространенное явление, что его изучают с научной точки зрения. Не только как пороговые переживания, как состояния, возникающие в связи с близостью смерти (сообщения G.G.Ritchie и D.Brinkley стали всемирно известными), но и у полностью осознанных и пробужденных людей, независимо от того, были ли они верующими или нет. Переживание этого утешающего, наполненного светом присутствия всегда возникает в критических ситуациях жизни. Лишь один раз в мировой истории было возможно увидеть и услышать Христа во плоти; это было возможно, но многие его не видели. Христос больше не проявится физически зримым и слышимым (в отличие от боди саттв, аватаров). Люди должны сами развить себя для того, чтобы достигнуть высшего мира. Р. Штайнер называет это «обратным культом». Священник является посредником между духовным миром, высшим миром и общиной на Земле. Новое время требует, чтобы жалкий человек стремились к высшим мирам. Это не надменность, а ответственность, ответ. Для того чтобы это было легче, Р.Штайнер основал антропософское движение. Оно является тройственным богослужением: встречи с чудесным творением, встречи с нашими ближними в братстве и встречи с иерархическими существами, которые находятся над нами, которые нас хранят. Р. Штайнер мог это сделать, поскольку он жертвовал собой, черпая из духовного источника Христа.

«Царство Христа не от мира сего, но оно должно действовать в этом мире, а человеческие души должны стать орудиями этого царства, что не от мира сего»⁴².

Истинным освобождением может быть только духовное освобождение, которое идет от духа к духу.

Альберт Соеман Михаэли, 1997